М. Я. ЛАРСОНСЪ

НА СОВѢТСКОЙ СЛУЖБѢ

ЗАПИСКИ СПЕЦА

ПАРИЖЪ
1930

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

…я счел своим долгом рассказать, каково в действительности положение «спеца», каковы те камни преткновения, кои делают плодотворную работу «спеца» при «советских условиях» фактически невозможною, кои убивают энергию и порыв к работе даже у самых лояльных специалистов, готовых служить России во что бы то ни стало, готовых искренно примириться с существующим строем, готовых закрывать глаза на ту атмосферу невежества и тупоумия, угроз и издевательства, подозрительности и слежки, самодурства и халатности, которая их окружает и с которою им приходится ежедневно и безнадежно бороться.

Живой отклик, который моя книга нашла в германской, английской и в зарубежной русской прессе, побуждает меня издать эту книгу и на русском языке, хотя для русского читателя, вероятно, многое в ней и окажется известным.

Я в этой книге не намерен ни преподносить научного труда, ни делать какие-либо разоблачения или сообщать сенсационные сведения. Я только хочу представить те фактические обстоятельства, при которых приходится работать специалисту в советской действительности, и буду изображать их объективно, без всякого прикрашивания, такими, как я их видел.

- Максим Яковлевич Ларсонс (Лазерсон)
  - Предисловие к русскому изданию
  - Глава первая
  - Глава вторая
  - Глава третья
  - Глава четвертая
  - Глава пятая
  - Глава шестая
  - Глава седьмая
  - Глава восьмая
  - Глава девятая
  - Глава десятая
  - Глава одиннадцатая
  - Глава двенадцатая
  - Глава тринадцатая
  - Глава четырнадцатая
  - Глава пятнадцатая
  - Глава шестнадцатая
  - Глава семнадцатая

        - «Спец»
        - «Беспартийные». «Характеристика». Опросный лист
        - Система сыска и надзора. «Канатные плясуны»
        - Лицемерие. Канцелярский стиль
        - Специалисты за границею. Система заложничества. Обратное отозвание в Москву. Дело проф. N
        - Партийные коммунисты за границей. Советские дипломаты
        - Салонные коммунисты
        - Служебные преступления. «Вредители»
        - Советская юстиция
        - Бесхозяйственность. Экономический шпионаж. Дело Бруновского
        - Внесудебное преследование преступлений. Дело Волина
        - Дело Беседовского
        - «Невозвращенцы»
    - Заключение
    - Послесловие к английскому изданию
    - Приложение к русскому изданию
    - Издания настоящей книги на иностранных языках:
- notes
    - 1
    - 2
    - 3
    - 4
    - 5
    - 6
    - 7
    - 8
    - 9
    - 10
    - 11
    - 12
    - 13
    - 14
    - 15
    - 16
    - 17
    - 18
    - 19
    - 20

- ○ 21
- ○ 22

Максим Яковлевич Ларсонс
(Лазерсон)
На советской службе
Записки спеца
Париж
1930

Предисловие к русскому изданию

Книга моя «Als Expert im Sowjetdienst, появившаяся в Берлине в июне 1929 г., рассчитана на иностранного читателя. Она написана под свежим впечатлением Шахтинского процесса, имевшего место в Москве летом 1928 г. и вскрывшего весь трагизм положения беспартийного «спеца» в советской России.

В качестве специалиста, занимавшего на советской службе крупные государственные должности, мне приходилось работать или встречаться по делам с самыми видными руководителями и представителями советской власти: с Крестинским, Пятаковым, Гуковским, Зиновьевым, Менжинским, Урицким, Чичериным, Иоффе, Литвиновым, Караханом, Красиным, Ломоносовым, Сокольниковым, Раковским, Ганецким, Стомоняковым, Шейнманом и со многими величинами меньшего калибра. Мне приходилось активно участвовать в крупнейших экономических переговорах и сделках.

После Шахтинского процесса ярко определилась тенденция советского правительства сваливать вину за неудачу своих экономических экспериментов на козлов отпущения — на спецов, якобы составляющих грозную контр-революционную организацию для уничтожения достижений Революции.

Ввиду этого я счел своим долгом рассказать, каково в действительности положение «спеца», каковы те камни преткновения, кои делают плодотворную работу «спеца» при «советских условиях» фактически невозможною, кои убивают энергию и порыв к работе даже у самых лояльных специалистов, готовых служить России во что бы то ни стало, готовых искренно примириться с существующим строем, готовых закрывать глаза на ту атмосферу невежества и тупоумия, угроз и издевательства, подозрительности и слежки, самодурства и халатности, которая их окружает и с которою им приходится ежедневно и безнадежно бороться.

Живой отклик, который моя книга нашла в германской, английской и в зарубежной русской прессе, побуждает меня издать эту книгу и на русском языке, хотя для русского читателя, вероятно, многое в ней и окажется известным.

Я в этой книге не намерен ни преподносить научного труда, ни делать какие-либо разоблачения или сообщать сенсационные сведения. Я только хочу представить те фактические обстоятельства, при которых приходится работать специалисту в советской действительности, и буду изображать их объективно, без всякого прикрашивания, такими, как я их видел.

Все разговоры, факты и цифры, приведенные в этой книге, переданы совершенно точно. Однако, мне приходилось по разным причинам воздерживаться от сообщения многих других характерных бесед, событий и данных.

Правдивость моих сообщений не отрицается и с советской стороны. «Die Kommunistische Internationale» (издающийся в Берлине официальный орган Исполнительного Комитета Коммунистического Интернационала) пишет по этому поводу следующее:[1]

«Мы не хотим и не можем заняться здесь проверкою правдивости всего того, что Ларсонс рассказывает… Но если даже допустить, что все то, что он рассказывает — сущая правда, то все же всякий, кто знает положение советских учреждений и советских порядков, отношение к ним спецов и имеющийся по поводу спецов опыт, всякий, кто беспристрастно об этом судит, должен будет согласиться с тем, что все те явления, которые Ларсонс описывает, собственно говоря, совершенно естественны и находят свое оправдание в особых обстоятельствах».

На языке советской прессы, это полупризнание означает, что сообщенные мною факты верны и не могут быть опровергаемы.[2]

Автор

Париж, декабрь 1929 г.

Глава первая
1914–1918. Всемирная война и революция

В начале войны я был управляющим делами правления Акц. О-ва Сысертского Горного Округа в Петербурге, крупного русско-английского горно-промышленного предприятия, имевшего свои рудники (медь, железо, золото) на Урале. В 1915 году наше Общество, так же как и остальные промышленные и горные предприятия, должно было посвятить себя задачам войны и принять на себя правительственные поставки.

С самого дня, когда началась война, я был ее ожесточенным противником.

Первые дни после объявления войны протекли в Петербурге при огромном возбуждении населения. Не то что бы внезапно прорвалась наружу действительно существовавшая ненависть против Германии, но ожесточенная националистическая травля, поднятая военной кликой, также как и в других странах Европы, ввергла население в патриотический экстаз и повела к манифестациям и демонстрациям с криками «ура» и кликами победы.

20-го июля старого стиля — через день после объявления войны — когда я стоял на Невском проспекте, подобная процессия прошла мимо меня. Впереди несли царские портреты, пели национальный гимн, махали шапками и т. д. Около меня стоял знакомый мне средних лет социал-демократ, который, возбужденный общим настроением, вдруг заявил мне, что он тоже пойдет на войну.

— Почему? — спросил я его.

— Дабы Германии, этому европейскому городовому, так разбили кости, чтобы она не могла больше встать.

— А дальше что? И что ж тогда? Тогда вы вероятно захотите передать России роль европейского городового? Где же ваше политическое мировоззрение? Неужели вы хотите бороться за царизм против германского монархизма!

Логические аргументы тогда не достигали цели. Общее настроение, массовый психоз увлекли население. Я имел возможность испытать на себе самом действие этого психоза. Целые месяцы прошли, а война, «веселая кавалерийская атака», еще далеко не заканчивалась. Серьезность положения многим уже приходила на ум.

Студенчество Петербурга, в количестве нескольких тысяч человек, в пасмурный октябрьский день, прошло по Невскому в направлении Зимнего Дворца, чтобы засвидетельствовать свой патриотизм и выразить свою готовность послужить отечеству в час нужды. Я видел проходящую мимо меня человеческую массу и чувствовал, как меня физически влекло, влиться в нее, быть заодно и шагать вместе с нею. Я должен был сделать большое усилие над собой, чтобы следовать за шествием на троттуаре и не смешаться с толпой. Я следовал за ней до самого Зимнего Дворца. Придя на огромную площадь, обращенная лицом к Зимнему Дворцу, вся масса внезапно упала на колени и пропела «Вечную память» по убитым во время войны. Я стал за одну из громадных колонн Зимнего Дворца, имел перед собой эту толпу и спокойно мог наблюдать за нею.

Хотя я знал, что моя точка зрения на войну была диаметрально противоположна настроению студенческой массы, и хотя я не сомневался в том, что эта толпа, ныне стоящая на коленях, в один из роковых дней прозреет от своего ослепления и вместо того, чтобы стоять на коленях, занесет грозный кулак против того же Зимнего Дворца, несмотря на все это я должен был делать усилия над собою, чтобы не влиться в эту массу и не упасть на колени вместе с ней.

Как все в моем положении, я и в моем предприятии волей неволей работал на войну, на истребление народов, на уничтожение людей во цвете лет, вовлеченных в борьбу ради чуждых им и узких интересов. Чем дольше тянулась война, чем более она расширялась и чем больше новых стран она вовлекала в катастрофу, чем глубже голод и нужда охватывали широкие слои населения, тем более крепло во мне убеждение, что русский царизм, который нес на себе большую часть вины в этом страшном несчастьи народов, должен погибнуть от последствий этой самой войны. Но, ожидая эту гибель, я в то же время не менее опасался и военной победы императорской Германии.

Если в этой войне был хоть какой-нибудь смысл, если многие миллионы человеческих жизней не должны были напрасно погибнуть, то это могло случиться только при условии, что результатом войны явилось общее сближение народов и понимание ими общности их интересов. И это должно было неизбежно сопровождаться низвержением и крушением как царизма, так и германского монархизма. Чем больше длилась война, тем яснее становилось для всякого разумного человека, что в этой войне не будет победителей, а будут только побежденные.

Между тем в России все грознее сгущались тучи.

Первоначальное увлечение войной скоро угасло и уже вначале 1916 года начались голод и нужда в самых необходимых жизненных припасах, в особенности в крупных городах.

Роковое влияние, которое сибирский мужик, «святой дьявол», Григорий Распутин возымел на императора Николая II и императрицу Александру Феодоровну, а через то и на судьбы России, возрастало все более. Распутин жил в Петербурге и всюду рассказывалось о его пьянстве, бесстыдных оргиях, взяточничестве и о его власти над царем. Распутин низлагал и назначал министров и архиепископов и сажал свои креатуры на самые важные административные посты. Такое положение не могло длиться и Распутин в середине декабря 1916 года был застрелен во дворце князя Юсупова в Петербурге князем Феликсом Юсуповым и правым членом Думы Пуришкевичем. Труп его был брошен в Неву.

Смерть Распутина произвела на население, в особенности столичное, глубокое впечатление. Императрица была тогда очень непопулярна в России. Указывалось постоянно на то, что она германская принцесса и ей не прощалось, что она, по народной молве, отдала Россию в руки Распутина. Ее сравнивали с Екатериной II, также германской принцессой, и иронизировали, что она имела много общего с великой Екатериной, за исключением ее великого ума.

Общее возбуждение овладело умами. Известия с фронта были плохи и лишь слабо приукрашивались официальными военными сводками. Нужда в жизненных припасах все более обострялась и все длиннее становились хвосты и очереди перед хлебными и мясными лавками. В середине февраля 1917 года начались рабочие беспорядки в Петербурге. 23-го февраля старого стиля возбуждение было уже столь велико, что Петербургская биржа была закрыта. Военные патрули разъезжали по улицам. Невский проспект во многих местах был во всю ширину загражден жандармами. Уже было очевидно и никто не сомневался в том, что произойдут кровавые события.

28 февраля ст. ст. (12 марта н. ст.) революция действительно вспыхнула. Был ясный солнечный зимний день. Далеко над замерзшею и покрытой снегом поверхностью Невы виднелось зарево подожженного Окружного Суда, громадного здания, стоявшего на берегу Невы. В Таврическом Дворце собрались председатель и другие видные члены Думы и обсуждали совместно с «Советом рабочих депутатов» — состоявшим из специально избранных представителей профессиональных союзов и других партийных и профессиональных организаций — вопрос об образовании нового правительства. Тысячи народа собирались

ежедневно около Таврического Дворца и оглашали воздух восторженными кликами в честь представителей нового правительства. Через короткие промежутки из Дворца появлялись то члены Совета рабочих депутатов, то члены Думы и обращались с краткими речами к собравшемуся народу. Восемь дней Петербург был без газет. Лишь скудные сообщения расклеивались ежедневно на столбах.

После того как Россия низвергла царское правительство и образовалось Временное Правительство, общественно-политическая жизнь пробудилась в стране в невиданных до тех пор размерах.

Инженер П. И. Пальчинский[3], член правления Акционерного Общества Лысьвенского Горного Округа (так наз. Шуваловского Общества) — директором торгового отдела коего я тогда состоял — был назначен товарищем министра торговли и промышленности. Некоторые из моих друзей заняли должности на новой государственной службе, а я сам посвятил себя вопросам городского хозяйства.

В марте 1917 года я быль избран в качестве гласного в Адмиралтейскую Думу г. Петрограда. В июне 1917 года я, в качестве представителя Адмиралтейской Думы, стал гласным Центральной Петроградской Городской Думы, а в ноябре 1917 года, когда вспыхнула большевистская революция, был председателем Адмиралтейской Думы. В районе моей Думы находились Зимний Дворец, многие другие дворцы, картинные галереи и музеи Петрограда.

25 октября (7 ноября) 1917 года началась осада большевистскими полками Зимнего Дворца, в котором укрылось Временное Правительство.

Временное Правительство погибло главным образом потому, что оно не обратило своевременно должного внимания на желание армии и народа кончить с войной во что бы то ни стало и какой угодно ценою. Напротив, некоторые члены Временного Правительства настаивали на безусловном продолжении войны до «победного» конца. Армия устала от войны, она не хотела и слышать о войне. Поэтому пропаганда большевиков, обещавших немедленное и безусловное окончание войны, нашла в армии живой отклик. Воодушевленная этой мыслью, армия поднялась против Временного Правительства и низвергла его, не встретив почти никакого сопротивления. В междуцарствии, наступившем после большевистской ноябрьской революции, т. е. в дни приблизительно с 7 по 17 ноября, городская власть в Петрограде всецело находилась в руках «Центрального Комитета Общественной Безопасности», состоявшего из гласных Думы и

имевшего свое местопребывание в здании Петроградской Центральной Думы. В качестве представителя Адмиралтейской Думы я одновременно состоял и членом этого Центрального Комитета. Так как Временное Правительство было низвергнуто, а министры были частью арестованы, частью спаслись бегством, то этот Центральный Комитет был единственным органом в Петрограде, который во время переходных дней совещался с новым правительством, защищал нужды городского населения, продолжал самые необходимые работы и заботился об общественном порядке и спокойствии. Городская Дума в Петрограде, как и вообще все городские думы, были для нового правительства бельмом на глазу. Уже в ноябре 1917 года новое правительство начало преследования городских дум и продолжало таковые до начала 1918 года, когда петроградская Центральная Дума и районные думы были окончательно «ликвидированы».

7-го ноября 1917 года вечером большевистские войска штурмовали Зимний Дворец. Стоявшие на Неве военные суда одновременно его бомбардировали. Войска легко преодолели сопротивление юнкеров и Женского Батальона, защищавших Зимний Дворец, и вторглись в него. До полудня следующего дня, в течении многих часов, утратившие дисциплину солдаты и матросы и разбушевавшаяся народная масса хозяйничали в Зимнем Дворце.

Только к полудню следующего дня Зимний Дворец был занят войсками по приказу нового правительства и ворвавшиеся в него массы были удалены силою. В течение всей ночи все окна обычно темного Зимнего Дворца были ярко освещены. Издали можно было подумать, что Дворец горит.

Петроградская центральная дума узнала, что ворвавшаяся во дворец народная масса разграбила дворец и что многие предметы, похищенные из дворца, продаются в городе. По моему предложению, была учреждена следственная комиссия из пяти членов, получившая от Центральной Думы поручение осмотреть Зимний Дворец и выяснить размер грабежей. Я был председателем этой комиссии и 12 ноября 1917 года (т. е. 5 дней после штурма) совместно с другими членами комиссии посетил Дворец.

Страшна была та картина разгрома, которая представилась нашим глазам. Не говоря уже о тех помещениях, которые были разрушены бомбардировкой и в которых ветер бушевал сквозь открытые окна, толпа разграбила все то, что только могла унести с собой, а то, что взять было невозможно — разгромила. Ярость разрушения была ужасна. Тяжелые дубовые большие ящики, в

которых сохранялись сервизы и фарфор императорского двора и на которых имелись соответственные надписи, были разбиты и проколоты штыками солдат. Висящим в кулуарах дворца большим масляным, хотя и не представляющим особого интереса с художественной точки зрения, портретам военных и придворных были проколоты глаза. С находившихся в залах кресел и стульев были срезаны кожаные сиденья. В комнатах Александра II и последнего императора разрушение не поддавалось описанию. Весь пол комнат Александра II был покрыт всякого рода вещами. Мы не могли сделать ни шагу, не приняв мер предосторожности, чтобы не раздавить валявшихся на полу предметов. Под нашими ногами лежали ценные миниатюры, рамы от картин, иконы, фарфор, книги, разбитая мебель и т. д. Комнаты последнего императора были совершенно опустошены, шкафы с платьями вскрыты, большая часть гардероба исчезла.

Несмотря на все это мы должны были констатировать, что действительно ценные художественные предметы, за немногими исключениями, не были уничтожены. Правда, было уничтожено и похищено много предметов дорогих, но не имевших, однако, никакого отношения к искусству. Мы убедились при этом случае, что последний император и императрица не отличались художественным вкусом и окружали себя в своих частных жилых комнатах самыми обыденными и безвкусными вещами. На стене висела плохая увеличенная фотография императора Александра III в охотничьем костюме. Остальные стены были украшены весьма посредственными акварелями. В шкафах стояли дешевые фигурки из белого и цветного фарфора, которые обычно приходилось видеть лишь на этажерках в мещанских домах. В общем пришлось установить, что Зимний Дворец хотя и был сильно разгромлен, но в смысле предметов искусства потерял немного.

В Зимнем Дворце находился также и винный погреб царя, в котором имелось несколько тысяч бутылок вина. Необходимо было прежде всего охранить этот винный погреб, дабы солдаты не перепились и от этого не пострадал Зимний Дворец. Я имел разговор по этому поводу с начальником стражи, после чего вход в винный погреб был замурован. Но замурование ни к чему не привело. Кирпичи выламывались снова и вход в винный погреб приходилось в течение нескольких дней неоднократно вновь замуровывать. В виду этого возникла мысль продать винный погреб, представлявший из себя ценность в несколько миллионов золотых рублей, какой-нибудь иностранной финансовой группе. Но фактически оказалось невозможным найти войсковую часть, которая была бы в состоянии осуществить надежную охрану

транспорта вина от Зимнего Дворца до Финляндского вокзала в Петербурге. Слух о винном погребе настолько уже распространился, что как-то в конце ноября громадная толпа народа собралась у берега Невы, на который выходили подвальные окна длинного погреба. После долгих усилий толпе удалось настолько разогнуть несколько толстых прутьев подвальных решеток, что туда мог пролезть молодой парень, который уже снизу стал подавать бутылки толпе, ставшей в очередь в виде длинного хвоста. Эта работа продолжалась много часов. За одним парнем пошли другие. Много людей напивались тут же на месте, так что снег на берегу был окрашен в красный цвет от пролитого вина. Не оставалось ничего другого, как решиться, для предотвращения катастрофы, уничтожить винный погреб. Винные бутылки были расстреляны ружейными пулями и вино ручьями разливалось по погребу.

В первое время после октябрьской революции безопасность на улицах Петербурга была мало обеспечена и после наступления темноты обыватели по возможности на улицу не выходили. Дома закрывались уже в 7 часов вечера и жители организовывали на подмогу дворникам домовую стражу, которая была приставлена к воротам домов, сменялась каждые 2 часа и состояла из жильцов данного дома.

В пасмурный сырой ноябрьский вечер я должен был выйти по срочному делу, задержался и около 11 вечера с опаскою спешил домой. Улицы были совершенно вымершими и я уже находился в непосредственной близости от моего дома. Был густой туман, редкие фонари слабо мерцали, как вдруг в полумраке уличного фонаря двое подвыпивших матросов предстали передо мной. Они заградили мне дорогу. К несчастью я, по рассеянности, имел на голове вместо рабочей фуражки или смятой мягкой шляпы, черный фетровый котелок. Один из матросов закричал мне:

— Господин котелок, господин котелок, остановись. Знаешь ли ты, что я могу пристрелить тебя как собаку и ничего мне за это не будет?

— Да, я это знаю.

— Ну так живи. Знай душу русского матроса.

И они поплыли дальше. Через несколько минут я был дома и имел повод погрузиться в размышления о бренности человеческой жизни. После этого, выходя вечером на улицу, я имел всегда при себе заряженный револьвер и проходя через отдаленное или уединенное место всегда шел посредине улицы, а не по троттуару.

Пришел январь 1918 года и с ним исчезли последние надежды на демократическое развитие страны. Подготовленное в

течение полугода и в январе 1918 года наконец собравшееся Учредительное Собрание было насильственно распущено и разогнано новой властью. В стране начались повсюду демонстрации в пользу Учредит. Собрания, но демонстранты разгонялись военной силой и движение это было грубо подавлено. В Петербурге демократически настроенные народные слои организовали в начале января грандиозную демонстрацию в честь Учредительного Собрания. Многими тысячами манифестанты проходили через главные улицы города к Таврическому Дворцу, местопребывание Учредительного Собрания. В демонстрации участвовали представители всех районных дум Петербурга.

Я принимал участие в этой демонстрации с двумя другими членами Адмиралтейской Думы. Когда мы уже были недалеко от Таврического Дворца и проходили через Фурштадтскую улицу, манифестанты внезапно остановились, так как войска заградили доступ к улице, ведшей к Таврическому Дворцу. Против места, на коем столпились манифестанты, находилась казарма саперов. Солдаты появились в окнах и разразились ругательствами как по адресу Учредительного Собрания, которое презрительно называлось «Учредилкой», так и по адресу манифестантов и проклятых «буржуев».

Я почуял недоброе, но вернуться уже было невозможно. Началось препирательство между солдатами и некоторыми манифестантами, соответственно отвечавшими им на их ругательства. Вдруг раздались выстрелы из казарм и манифестанты рассыпались по всем сторонам. Я бросился со многими другими во двор противолежащего дома. Выстрелы продолжались. Мы все побросались на землю, и я лежал в снегу с разбитыми очками среди других. Когда выстрелы прекратились, мы стали пытаться как нибудь спастись. Мы были твердо убеждены, что если мы останемся во дворе, то будем пристрелены каждый в отдельности разнузданной солдатчиной. Многие выбежали вновь на улицу, потому что они себя там чувствовали все таки лучше, чем в закрытом дворе. Другие бросились на черную лестницу дома и искали спасения в квартирах. Но несмотря на отчаянный стук, никто нам не отворял. Только в одной квартире отперли дверь, и когда увидели в чем дело, сейчас же ее захлопнули. Я бросился вниз по лестнице, сильным ударом ноги распахнул дверь подвала и оказался вдруг в молочной. Когда владелец пинками хотел меня выгнать, то я показал ему кулак и заявил, что во всяком случае останусь здесь. Несмотря на его энергичный протест, я привел в молочную всех других. Передние окна подвала, в котором находилась молочная,

выходили на улицу. Мы изредка выглядывали в окно, чтобы видеть, что происходит на улице. Выстрелы раздавались все реже и в конце концов стало тихо.

Для меня было ясно, что теперь «спасайся — кто может». Необходимо было уйти из молочной незамеченным. Я вышел на двор, где не встретил никого и через ворота вышел на улицу. Как только я оказался на улице, то увидел пятерых мужчин, которые с возбужденными лицами размахивали древками от флагов. Это были трофеи, которые они захватили у манифестантов. Флаги были сорваны, растоптаны в грязи, а древки достались победителям. Я был одет в длинное пальто с черным меховым воротником. Как только они меня увидели, один из них закричал:

— Ах ты, проклятый буржуй. Ты вероятно тоже демократ. Проваливай, сволочь.

Я ничего не ответил, поднял воротник и пошел по улице. За моей спиной были эти люди. Я знал совершенно определенно, что если побегу, то буду расстрелян. Я вообще не сомневался в том, что не дойду живым до следующего угла, но все же напряг всю силу воли, чтобы дойти до этого следующего угла спокойным и размеренным шагом. Я не поворачивался, так как твердо знал, что они следят за мною. Я был единственным человеком на всей улице. Никого кроме меня не было ни на троттуаре, ни на панели. Я думала только об одном: «куда попадет пуля — если в затылок, тогда конец немедленный». Я дошел до угла, повернул направо и облегченно вздохнул. Но я все еще не бежал, так как я опасался, что они за мной следят. За вторым углом я повернулся, увидел, что никто не следует за мною, но тогда и моей выдержка наступил конец. Я побежал за извозчиком, проезжавшим полной рысью, впрыгнул в коляску и когда он меня спросил, куда поехать, я ответил:

— Поезжай к черту, поезжай куда ты хочешь, только прочь отсюда.

После получаса бесцельной езды, я опять пришел в себя. Я остановил извозчика у дома моего приятеля и поднялся туда. Мои знакомые были потрясены. Демонстрация прошла через их улицу и они видели из своего окна, как стреляли в манифестантов и как они падали.

Манифестация имела в результате много раненых, но мало убитых. Учредительное Собрание было разогнано и этим актом новое правительство устранило главное препятствие для утверждения своей власти.

Глава вторая
Мой уход с должности — Забастовка банковских служащих — Совещание при Государственном банке — Национализация банков и торговли

В январе 1916 года я был назначен директором торгового отдела Шуваловского Общества в Петербурге, имевшего свои рудники (железо, платина) и заводы на Урале. После октябрьской революции, мне пришлось прилагать большие усилия к тому, чтобы те многие тысячи рабочих, которые работали у нас на Урале, получали своевременно свою заработную плату. В рудниках и на заводах нашего Общества работало около 29.000 человек. В Лысьвенском Горном Округе, принадлежавшем Обществу, проживало население около 106.000 человек, включая в том числе всех членов семей рабочих и служащих.

Правление Шуваловского Общества фактически более не существовало. Директор-распорядитель, инж. Ф. Ф. Фосс, отправился уже в июне 1917 года по государственному поручению, в Вашингтон, в качестве коммерческого советника при Российском чрезвычайном после Бахметьеве. Второй член Правления, инж. П. И. Пальчинский, был брошен в тюрьму новым правительством, в качестве члена Временного Правительства. Члены Совета отсутствовали. Технический директор, инж. Г., человек пожилой, также исчез, так что я остался в Петербурге единственным членом администрации.

Начался переворот. Наши рабочие начали, так-же как и другие рабочие промышленных и горных предприятий Урала, принимать на себя управление производством и Обществом. Лишь путем насильственных продаж готового товара (белой жести) и благодаря моим личным отношениям с правлением Государственного Банка, мне удавалось переводить рабочим своевременно причитающуюся им заработную плату в Пермь. На наших заводах повсюду шло брожение.

Один из наших инженеров, Леончуков, был убит рабочими. Другие инженеры также считали свою жизнь под угрозою. Инженер Л. Л., управляющей механическим заводом в Лысьве, человек большого мужества, поддерживал порядок в Лысьве только с крайним трудом и благодаря своему особому личному авторитету.

Между тем в Петербурге в нашем правлении образовался совет из служащих, состоявший из пяти служащих (помощника бухгалтера, секретаря правления, двух стенографисток и архивариуса). Этот совет носил название «деловой совет». После того как был учрежден этот деловой совет, мне было заявлено, что я имею остаться на моей должности и пребывать в распоряжении делового совета. Другими словами, я был обязан сидеть в конторе от 9 до 5 часов. Я не получал в руки ни почты, ни документов, и проявлял свое существование только тогда, когда какой-нибудь член делового совета или деловой совет в совокупности изъявлял желание спросить мое мнение или мой совет по какому либо деловому вопросу.

Такое положение было для меня совершенно невыносимым. Я просил о немедленном моем увольнении, но мне в этом было отказано.

В начала февраля 1918 года приехала в Петербург депутация наших рабочих, состоявшая из трех лиц, а именно из двух рабочих и одного служащего бухгалтерии. Председатель этой депутации назывался Белоусовым.

Депутация эта имела со мной подробное совещание и в общем относилась ко мне довольно дружественно. Конечно, мол, я являюсь представителем бывших владельцев, но как раз в труднейшие три месяца я все-же позаботился о том, чтобы рабочие получали свою заработную плату своевременно. Кроме того, известно, что я политически левый. Но в данное время я, собственно говоря, совершенно лишен.

Весьма характерным является разговор, который Белоусов имел со мной в моей комнате:

Б. — Вы собственно что тут делаете? Вы получаете чертово жалованье, почти 18.000 рублей ежегодно, а что вы делаете? Вы сидите на американском кресле и вертитесь. Ведь это не искусство!

Я. — Да, тов. Белоусов, но ведь и вам в прошлом году, как мне известно, также уплачено было 17.000 рублей заработной платы.

Б. — Ведь я же высоко квалифицированный рабочий, я же «лекальщик», я изготовляю точные инструменты. Ведь это совершенно другое дело. А вы то что знаете?

Я. — Тов. Белоусов, хотя я и окончил два факультета, говорю на нескольких иностранных языках, имею долголетний коммерчески стаж и кроме того, был присяжным поверенным, но вы совершенно правы, я здесь действительно излишен. Сделайте

для меня одолжение и увольте меня. Ведь вы же знаете, без вашего разрешения я не вправе оставить эту должность.

Депутация дружественно согласилась уволить меня. Мне предоставлено было право немедленного ухода, и 3 (16) марта 1918 года я перестал быть директором торгового отдела Шуваловского Общества.

Забастовка банковских служащих

Общее положение между тем стало весьма затруднительным. Немедленно после начала октябрьской революции последовала общая забастовка государственных служащих. К этой всеобщей забастовке, кроме служащих Государственного Банка, присоединились и все служащие частных банков.

Новому правительству пришлось поэтому бороться с огромными затруднениями, и теперь представляется почти непонятным, как ему удалось эти затруднения преодолеть и просуществовать в течение первых месяцев без опытного состава чиновников.

Нервом всякой государственной власти являются деньги. Государственному Банку в Петербурге, следовательно, необходимо было работать при всех обстоятельствах. Из состава служащих Государственного Банка лишь низшие служащие (артельщики, счетоводы и т. д.) приступили к работе после октябрьской революции, остальные должности пришлось поневоле замещать партийными людьми, приносившими с собой, правда, добрую волю и прилежание, но не имевшими ни малейшего понятия о деле.

С самого начала октябрьской революции я — вопреки моей политической ориентации, отделявшей меня от нового правительства — был убежденным противником саботажа государственных служащих. Я счел бы целесообразным, если бы служащие главнейших государственных учреждений протестовали путем однодневной или двухдневной демонстративной забастовки против грубейшего попрания демократических свобод. Но забастовку государственных служащих, объявленную на неопределенный срок, я считал не только совершенно бесцельной и непригодной в качестве средства борьбы против нового правительства, но и чрезвычайно вредной, как для интересов всей страны, так и для интересов самих бастующих.

Мое мнение, к сожалению, подтвердилось ходом событий. Забастовка банковых служащих длилась уже более четырех

месяцев. Все попытки посредничества, предпринятые за это время, оказывались безуспешными, а результат был тот, что шесть тысяч банковых служащих голодало. В конце концов, все устали от забастовки и с наслаждением взялись бы опять за работу.

Немедленно после моего ухода из Шуваловского Общества, я решил по возможности положить конец этому невыносимому положению вещей и предложил Н. Н. Крестинскому, — стоявшему тогда во главе финансов страны и знакомому мне с давних лет, еще со времен адвокатуры, — мои услуги в качестве посредника. Он охотно принял мое предложение.

В Государственном Банке по этому поводу мы имели совещание, в коем участвовали Крестинский, управляющий Государственным Банком Пятаков и его помощник Спунде. Означенные лица хотели вновь принять лишь две тысячи банковых служащих, по их выбору, так как в течение этого времени в национализованных и слитых вместе частных банках было принято уже множество новых служащих. Я объявил это условие совершенно неприемлемым, ибо бастовало около 6.000 банковых служащих и потребовал приема вновь на службу по меньшей мере 4.000 служащих, и притом по выбору забастовочного комитета. После долгого препирательства, это условие было принято как Н. Н. Крестинским и Государственным Банком, так и забастовочным комитетом. Были приняты вновь все профессиональные банковые служащие, так что остались за бортом либо те лица, которые прежде в банках имели лишь подсобную работу, либо женщины, которые в течение войны были приняты на службу в целях замены мужского персонала. В конце марта 1918 года банковые служащие опять вернулись в банки, и работа банков могла быть возобновлена.

Совещание при государственном банке

К сожалению вышеозначенное событие не имело тех последствий, какие я ожидал, так как тем временем новое правительство решило осуществить на практике принцип национализации банков и торговли, объявленный в программе партии.

Так как для меня было совершенно ясно, что понятие национализации банков и торговли было до сих пор лишь теоретической формулой, в которую практика не влила еще никакого содержания, то я предложил Государственному Банку созвать в Петербурге при Государственном Банке совещание

представителей промышленности, банков, торговли, пароходства и других промыслов, дабы помочь правительству претворить теорию в практику. Я указал на то, что для меня ясно, что это совещание при данных политических условиях не должно заниматься лишь критикой теоретических принципов национализации банков и торговли, но что оно имеет целью, поскольку возможно, сделать практические предложения для проведения предстоящей национализации.

Это предложение также было принято и 10 (23) апреля 1918 года началось совещание при Государственном Банке. Я принял на себя устройство совещания и мне удалось, путем долгих уговоров, привлечь оставшихся еще в Петербурге крупнейших представителей банков, торговли, промышленности и пароходства к участию в этом совещании. Председательствовал помощник управляющего Государственным Банком Спунде, я же взял на себя заместительство председателя. Совещание, разбившееся на ряд секций, работало усердно по установленной программе над решением поставленных ему задач, но к сожалению эта работа оказалась напрасной.

Национализация банков и торговли

Государственные учреждения (между ними и народный комиссариат торговли и народный комиссариат финансов) переселились в Москву. Национализация торговли и банков в конце апреля 1918 года была просто объявлена путем декрета, и московские высшие власти абсолютно не считались с решениями какого-то созванного при Государственном Банке совещания. Частные банки были национализованы, а Государственный Банк и частные банки были смешаны в одно.

Началась инфляция. Ценность бумажных денег падала с каждым днем и в течение 1919-21 г.г. Россия являлась страной, которая прокламировала принцип нуллификации, т. е. отмены денег и полагала просто обойтись без всяких банков. Это было временем элементарного т. н. «военного коммунизма», самых отчаянных и безумных экономических экспериментов, страшной гражданской войны, ужасной нужды и неописуемого голода.

Когда правительство наконец убедилось что так долее продолжаться не может и что экспериментам приходится положить конец, то оно решилось к повороту направо, к переходу от «военного коммунизма» к «новой экономической политике», сокращенно называемой «Нэп». В конце 1921 года было решено восстановить исчезнувшие с горизонта банки и было приступлено

энергично к восстановлению Государственного Банка.

Глава третья
Советское посольство в Берлине — Обратная отправка в Москву — Арест в Борисове

Успешное посредничество, проведенное мной при ликвидации забастовки банковых служащих, приобрело мне доверие некоторых руководящих представителей советского правительства. Был заключен мир в Брест-Литовске и первое советское посольство должно было быть послано в Берлин.

11 апреля 1918 года меня вызвали в гостиницу «Астория» в Петербурге, где я познакомился с новым послом в Берлине А. А. Иоффе. При нашем разговоре присутствовали Н. Н. Крестинский и Спунде. Означенные лица имели со мной подробный разговор и Иоффе предложил мне сопровождать его в Берлин в составе посольства, а именно в качестве советника посольства.

Я знал, что стою на перепутьи моей жизни и склонен был принять это предложение, так как дипломатическая карьера меня интересовала и я не сомневался в том, что смогу быть полезным для новой России.

Сам Иоффе производил на меня благоприятное впечатление. Он был спокоен и холоден в своих деловых рассуждениях, вежлив и корректен в обращении.

Отъезд в Берлин должен быть иметь место уже через три дня, 14 апреля. Поэтому, мне необходимо было принять решение обязательно до следующего утра.

Я посоветовался с двумя моими ближайшими друзьями, которые высказались против этого предложения самым резким и отрицательным образом. Приводимые ими аргументы были понятны, если считаться с настроениями того времени. Я, мол, не должен путем принятия этой должности покрывать собой гнусный договор, заключенный в Брест-Литовске, и вообще не должен участвовать во всей этой политике авантюр. Ведь совершенно немыслимо, чтобы такое правительство могло долго продержаться, ведь подобное насилие над общественным мнением не может длиться годами и т. д.

После зрелого обсуждения, я решился отклонить предложение Иоффе.

Решающими для меня были не вышеприведенные аргументы, но то обстоятельство, что я не принадлежал к коммунистической партии и что я, вследствие моей политической ориентации,

никоим образом не мог пассивно относиться к грубой и все более и более обостряющейся антидемократической политике нового правительства. Я поэтому опасался, что мне придется, хотя бы и в качестве только специалиста, иметь постоянные политические разногласия с послом.

Я сообщил Иоффе о моем решении. Иоффе меня вполне понял. Он хотя и объявил мне, что совершенно убежден, что я смогу исполнить поручаемые мне задачи совершенно лояльно и без всякого насилия над совестью, но воздержался от того, чтобы оказать на меня прямое давление.

Лето 1918 года я провел частью в Петербурге, частью в Москве, где искал работы и надеялся ее найти. Но события следовали друг за другом с умопомрачительной скоростью. Уже в июне 1918 года было совершенно ясно, что банки, частная промышленность и частная торговля обречены на исчезновение и что в этой области не приходится больше искать работы. Число темных дельцов, торговцев из под полы, «маклеров в кофейнях» увеличивалось в устрашающем размере. Ясно было, что кроме государственной службы для меня лично другого поля деятельности не было.

Материальные условия моей жизни в Петербурге за это время чрезвычайно обострились.

Согласно декретам, объявленным в декабре 1917 года, все счета в банках были закрыты, сейфы в банках опечатаны, а все частное имущество (государственные займы, облигации, акции, страховые полисы, иностранная валюта, драгоценные металлы, драгоценные камни, фабрики, заводы, рудники, недвижимости и т. д.) аннулировано, конфисковано, национализовано и секвестровано.

Законных возможностей к заработкам не существовало, с банкового счета можно было снимать ежемесячно лишь самые незначительные суммы, картины и предметы искусства не находили покупателей и могли быть проданы лишь по смехотворным ценам.

Жизненные припасы, уголь, дрова, поднимались ежедневно в цене. Лавки закрывались, торговцы исчезали один за другим. О мясе, масле, жирах, молоке, сахаре, кофе — в Петербурге не могло быть и речи ни в свободной продаже, ни по карточкам. Эти съестные припасы могли быть приобретаемы теперь лишь людьми, которым удалось своевременно припасти крупные наличные средства, и то лишь из под полы и по неслыханным ценам. Общие условия питания были в Петербурге летом 1918 года невероятно тяжелы. Тарелка водянистого супа, приготовленного из сушенной воблы, кусок этой гнусной рыбы,

несколько ломтей весьма скверно испеченного кислого ржаного хлеба, содержавшего массу острых зерен ячменя, немного скверного чаю — было питанием в течение всего дня.

В Москве условия были несколько лучшими. Иногда удавалось получить немного мяса, немного сала.

Последствием этого недоедания было постоянное мучительное чувство голода, общая усталость и слабость и странное отупение по отношению к окружающему и событиям повседневной жизни.

Советское посольство в Берлине

В виду всего этого я принял предложение отправиться в Берлин в качестве финансового советника при после Иоффе, которое мне было сделано в Москве в сентябре 1918 года, Н. Н. Крестинским, ставшим за это время народным комиссаром финансов.

8 октября 1918 года я уехал из Москвы с моим секретарем и одним бухгалтером и прибыл в Берлин 11 октября после утомительной поездки через западную Россию, занятую германскими войсками. Нужда берлинского населения сразу бросалась в глаза. Многие лавки били закрыты, в свободном обращении не было ни молока, ни масла, ни хлеба, ни мяса, все это получалось лишь по карточкам. Но по сравнению с Москвой, в особенности же с Петербургом, Берлин находился в несравненно лучших условиях.

А. А. Иоффе принял меня любезно и моя совместная работа с ним наладилась без всяких трений.

Моя задача в Берлине состояла главным образом в том, чтобы осуществить ликвидацию формально еще существовавших в Германии (а именно в Берлине, Кенигсберге и Данциге) отделений бывшего русского частного «Соединенного Банка».

Кроме того, мне было поручено, вести переговоры с Имперским Банком (Reichsbank) в Берлине по поводу миллиардного кредита, который Германия, согласно Брест-Литовскому мирному договору, обязалась предоставить России.

Я начал переговоры с тогдашним начальником Имперского Банка, г. фон-Глазепан, причем с русской стороны эти переговоры велись тогдашним генеральным консулом советской республики в Берлине, Рудольфом Вячеславовичем Менжинским[4] и мной. Переговоры эти не вышли за пределы подготовительной стадии. Для того, чтобы Германия пошла навстречу, приходилось делать известные предложения с русской стороны и я был чрезвычайно

сдержан в смысле заявлений относительно возможных русских уступок. Менжинсюй — человек с образованием и с любезными приемами в обращении — удивлялся этому и однажды сделал мне соответственное указание.

Я ему ответил, что я смотрю на свою задачу совершенно серьезно, что переговоры также являются серьезными и что поэтому необходима крайняя осторожность, когда приходится обещать уступки в ответ на немецкая требования. Менжинский тогда заявил мне улыбаясь:

— Ну, мой дорогой, я вас не понимаю. Покуда еще существуют идиоты, которые серьезно считаются с нашей подписью и ей доверяют, нужно обещать все, что угодно и сколько угодно, лишь бы сейчас добиться чего-либо осязаемого.

Я никоим образом не мог присоединиться к такой точке зрения и решил запросить телеграфно народного комиссара финансов Крестинского, является ли моя тактика правильной.

Имел место телеграфный разговор с Москвой. Менжинский и я говорили из посольства в Берлине, а Крестинский отвечал на каждый отдельный наш вопрос из Москвы по аппарату Юза. На мой вопрос, следует ли вести переговоры с Имперским Банком всерьез или лишь формально, Крестинский ответил совершенно ясно: «Переговоры должны вестись вами серьезно».

Моя точка зрения, следовательно, вполне совпадала с точкой зрения народного комиссара финансов, между тем, как тактика ведения переговоров, принятая Менжинским, была отвергнута.

Мое пребываше в Берлине оказалось весьма коротким. В конце октября 1918 года, политическое положение Германии чрезвычайно обострилось. Карл Либкнехт был выпущен из тюрьмы, и в честь его был дан большой банкет в русском посольстве. 4 ноября, имела место демонстрация на улице Унтер ден Линден, перед зданием русского посольства. Раздавались возгласы в честь Ленина, Троцкого, советской России. Я стоял во время демонстрации в моей комнате у окна, в нижнем этаже посольства, и наблюдал демонстрацию. Конный полицейский поместился со своей лошадью на троттуаре лицом ко мне, прямо перед моим окном. Из некоторых нижних окон советского посольства некоторыми служащими были выброшены маленькие красные флажки. Когда посол узнал об этом, он немедленно велел забрать флажки и закрыть все окна посольства.

5 ноября после обеда, я имел деловой разговор в гостиннице Бристоль, Унтер ден Линден. Вдруг, страшно бледный, ворвался мой секретарь и доложил мне, что ему только что было сообщено, что советское посольство со всеми своими служащими, прикомандированными к нему специалистами и со всем личным

составом обязано выехать завтра из Германии. Это меня поразило как молния. Я немедленно отправился к послу, который подтвердил это сообщение и заявил мне, что высылка посольства производится вследствие требования союзников. Я просил инструкций, где мне оставаться с моим секретарем и моим бухгалтером. Посол мне ответил, что секретарь и бухгалтер должны вернуться в Москву, что-же касается меня, то он меня уведомит завтра утром, должен-ли я вернуться в Москву, или отправиться в Копенгаген. Ибо перерыв дипло- [отсутствуют страницы 44–45, - valeryk64]

Обратная отправка в Москву. — Арест в Борисове.

В 8 час. вечера я прибыль на вокзал Шарлоттенбург, где уже собрались все остальные занятые в посольстве эксперты, специалисты, и др. служащие. На вокзале присутствовали два представителя министерства иностранных дел, которые контролировали каждого прибывающего, согласно особому списку личного состава. Нас разместили в вагонах второго класса и невольная поездка началась. Этот экстренный поезд не останавливался в Берлине ни на станциях «Зоологический Сад», «Фридрихштрассе», «Александер-Платц», ни на «Силезском» вокзале. Он безостановочно проехал через эти станции, и остановился 7 ноября утром в Инстербурге. Вокзал был совершенно загражден солдатами в стальных касках. На перроне были только должностные лица. Мне было еще разрешено отправить служебную депешу в Берлин на немецком языке, и поезд, после нескольких минут остановки, отправился дальше, за Эйдткунен, в русскую область, занятую германскими войсками.

Я чувствовал себя нехорошо еще при отходе поезда, и совсем захворал в поезде с сильным повышением температуры. На станции Минск, занятой тогда немцами, наш поезд догнал предыдущей поезд с послом и с прочим личным составом, и нас всех разместили в посольском поезде. Я еле помню об этом, так как меня перевели в полусознательном от болезни состоянии из одного поезда в другой. Поездка продолжалась, и мы прибыли 7 ноября, ночью, на станцию Борисов, также занятую немцами.

Там мы остановились и должны были отправиться в Москву в самые ближайшие дни. Оказалось, что советское правительство, по какой-то причине, задерживает германского консула в Москве, Гаушильда, с прочим посольским и консульским составом, и германское правительство, в виду этого, соглашалось на наш отъезд лишь при условии, что мы будем обменены на германский

посольский состав. Началось время надежд и догадок, — когда-же мы, собственно, отсюда уедем. Наш поезд состоял из пяти вагонов, двух вагонов второго класса, трех вагонов 3-го класса, в коем всего помещалось 106 человек. Вагоны были очень плохие, страшно грязные и лишенные необходимого комфорта. Меня, как больного, поместили в маленькое купэ 2-го класса, совместно с инж. Р. Л. — прежним директором департамента в министерстве торговли и промышленности, а в то время экспертом по морским вопросам и по судоходству, при после Иоффе. Женщины и дети также были помещены во 2-ом классе, большинство-же мужчин, в особенности помоложе, все размещались в 3-м классе. Наша стража состояла из пожилых запасных солдат, и мы, в сущности, были арестованы, хотя и имели разрешение, разгуливать вокруг наших вагонов и внутри кордона наших постов, столько, сколько хотели. Однако, нам было строжайше запрещено переходить через кордон или оставлять его. Ежедневно нас водили два раза, в 1 час дня и в 7 час. вечера, маленькими группами, под охраной солдат, в буфет станции Борисов в 5 мин. ходьбы, где нас и кормили. К утреннему чаю, мы собирались в 9 часов утра в вагон 3-го класса, где нам раздавали кипяток для варки чая и хлеб.

В поезде находился также представитель министерства иностранных дел, совершенно молодой человек, граф Заурма. Он был довольно любезен, но, конечно, не мог исполнять наших требований об улучшений условий нашего пребывания. Иоффе была предоставлена возможность сноситься с Москвой по прямому телеграфному проводу, чем он ежедневно и пользовался. Мы первоначально думали, что все это продлится только три дня. Но наше пребывание в Борисове затягивалось все более, и только 22 ноября мы наконец узнали, что можем выехать.

Наш поезд двинулся 22 ноября вечером на лежащую поблизости нейтральную зону, но вскоре опять вернулся, так как оказалось, что Гаушильд и германский личный состав все еще не прибыли на нейтральную зону. 23 ноября, рано утром, наш поезд опять выехал по направленно к нейтральной зоне. Было 11 час. утра, когда произошел обмен. На нейтральной зоне стоял наш поезд и два поезда с только что прибывшими из Москвы Гаушильдом, его личным составом, и прочими немцами, всего несколько сот человек. Поезда стояли друг против друга, под охраной, с обеих сторон, солдат с ручными гранатами.

В первую голову шел консул Гаушильд, в сопровождении представителя народного комиссариата иностранных дел. За ним следовал его персонал. Навстречу ему направился посол Иоффе, в сопровождении графа Заурма и посольского персонала. Этот исторический момент продолжался довольно долго, и лишь в.

1 час дня наш поезд двинулся по направленно к Орше.

Наш поезд состоял на этот раз из очень хороших русских вагонов 2-го класса и из салон-вагона для посла. Когда поезд двинулся, нашим глазам представилось невероятное печальное, незабываемое зрелище.

Германия отправила русских военнопленных до нейтральной зоны, там их высадила и предоставила своей судьбе. С русской стороны, не было принято никаких мер к тому, чтобы устроить у нейтральной зоны приемочный пункт для возвращающихся русских военнопленных. В виду этого, они должны были ходить пешком по 30–40 километров от нейтральной зоны до ближайшей русской железнодорожной станции, в зиму, ночной порой, через метель, непогоду и холод. По обеим сторонам дороги, по которой проезжал наш поезд, шли нескончаемые ряды людей, в лохмотья, обряженных в самые странные одежды. На дворе был резкий холод. Мы видели, как люди шли в легких штанах, без шинелей, обернутые в пестрые одеяла, в голубых платках. Это была ужасная, фантастическая картина, достойная глубокого сострадания. Меня пригласили в салон-вагон посла, где был сервирован чай. Внезапно, я увидел руку, схватившуюся за окно салон-вагона. Один из военнопленных вспрыгнул на поезд, прицепился к салон-вагону и повис на нем, держась уже некоторое время. Пришлось взять этого человека в вагон, так как иначе ему грозила опасность упасть и быть раздавленным поездом.

На следующей остановке нас умоляли больные военнопленные взять их в наш поезд. Раздавались страшные проклятия и матерная ругань. Но наш поезд был переполнен и состоял всего из нескольких вагонов, так что мог-бы принять лишь нескольких человек. Но мы стояли перед грозной опасностью, что, если мы хоть одного возьмем, то поезд будет взят толпой с бою. Мы двинулись дальше и должны были проехать через станцию, на которой, как мы знали, собралось большое количество военнопленных. Комендант нашего поезда принял крайние меры предосторожности. Солдаты с ручными гранатами были поставлены ко всем входам вагонов, и наш поезд медленным темпом проехал через станцию. Все-же, поезд вынужден был остановиться, ибо военнопленные стали на рельсы и остановили поезд таким способом. Потребовались долгие переговоры между комендантом нашего поезда и военнопленными, чтобы побудить их пропустить наш поезд беспрепятственно. Им было серьезно обещано, что мы немедленно, после приезда в Оршу, позаботимся о том, чтобы им была оказана помощь и обеспечено дальнейшее передвижение.

Когда мы приехали в Оршу, наш поезд был торжественно встречен местными членами партии, и нас всех угостили обедом.

24 ноября, после обеда, наш поезд прибыл в Москву. Посол и личный состав посольства отправились в назначенный для них прекрасный дом на Поварской улице, в то время, как мы, прочие, должны были сами искать себе пристанища. Я отправился, после прибытия, к своим родственникам, где и остался жить.

Глава четвертая
Ревизия главной канцелярии Государственного Банка — Ревизия Текстильного треста — Отъезд за границу

На следующий день после моего прибытия в Москву, я явился в народный комиссариат финансов, имел доклад у народного комиссара Н. Н. Крестинского и был назначен чиновником особых поручений при комиссариате финансов. В качестве такового мне была поручена ревизия главной канцелярии Государственного Банка, над которой я и работал до конца декабря 1918 года.

Затем правительством была учреждена, в январе 1919 года, Особая Комиссия по ревизии и реорганизации Центротекстиля (т. е. синдиката всех русских текстильных фабрик), а я — правда, против моей воли — был назначен руководящим членом этой Комиссии. Я весьма часто был заместителем партийного председателя этой комиссии и фактически на мне лежала вся работа. Моя деятельность в Центротекстиле меня очень мало привлекала, так как при тогдашних обстоятельствах я не верил в действительную возможность реорганизации подобного разношерстного предприятия. Но я, конечно, исполнял мой долг, и мне удалось привлечь 15 опытных инженеров и коммерсантов в качестве активных сотрудников этой комиссии.

Достаточно нескольких строк, чтобы дать картину того полного отсутствия плана и того излишка служащих, которые тогда имели место в Центротекстиле.

Я с двумя моими сотрудниками начал ревизию прежде всего с опроса начальника «Центрального Отдела личного состава» при Центротекстиле. Когда я его спросил: «Сколько у вас служащих?» он ответил: «Приблизительно 5.500». Я ему возразил: «Вы начальник личного состава. Вы обязаны назвать мне точное число служащих на сегодняшний день. Я не признаю слова приблизительно». Он заявил, что он, к сожалению, не в состоянии мне назвать в данный момент точное число служащих.

Я: — Что же другое вы делаете, кроме этого? Ведь, вы же имеете лишь вести поименный список служащих, личные акты, периодически к концу месяца составлять окладные листы, контролировать расходы по поездкам и проч., выдавать мандаты на поездки и т. д. Ведь кроме того, в каждом отделе

Центротекстиля существует свой особый отдел личного состава, который вам доставляет уже готовые сводки по своему отделу. Сколько же служащих у вас имеется в секретариате?

— Шесть.

— Так.

Тогда я обратился к сидящей тут же служащей и спросил ее: — Вы что делаете?

Она ответила: — Я веду книгу мандатов на командировки.

Я: — Пожалуйста садитесь и пишите совершенно спокойно и медленно: Мандат. Товарищ Николай Александрович Петров настоящим командируется из г. Москвы в г. Иваново-Вознесенск для осмотра завода «Красный Маяк» и для точного контроля находящихся там запасов готового текстильного товара, сырья и полуфабрикатов. — Ну что же вы готовы? Хорошо. Сколько времени это продолжалось?

— Три минуты.

— Что же вы тогда делаете с мандатом?

— Я записываю мандат в особую книгу.

— Это продолжается еще три минуты. Вам следовательно нужно всего шесть минуть для проведения мандата. Сколько времени вы здесь служите?

— Пять недель.

— Сколько мандатов вы за это время выдали?

— Девяносто один.

— Так что приблизительно три мандата ежедневно. Это составляет всего 18 минут. Хорошо. Что же вы делаете в течение остальных шести часов?

На этот вопрос я, конечно, не получил никакого ответа. Но я этому вовсе и не удивился. Я ведь к этому был вполне подготовлен и ничего другого не ожидал.

Я отлично знал, что имею дело со скудно одетыми, живущими чрезвычайно скученно, в невероятных жилищных условиях, недоедающими, голодными, и получающими смехотворное жалованье людьми, от которых, конечно, серьезной работы и требовать было нельзя. Вина в ничтожных экономических результатах, в мизерной производительности труда состава служащих в самых редких случаях лежала на отдельных лицах, а главным образом на общих жизненных условиях.

Конечно, упреками, выговорами или отдельными увольнениями тут нельзя было помочь. Единственным и то весьма суровым исходом было бы беспощадное увольнение излишнего состава служащих, образовавшегося благодаря слиянию текстильных фабрик и текстильных фирм, в особенности

Московского района, и улучшение условий жизни, повышенное жалованье, повышенные пайки продовольствия, платья и т. д. для остающихся.

Но при существующих условиях, в начале 1919 года, это было гораздо легче сказать, чем делать.

Ведь государство внезапно, без малейшего перехода стало на место частных предприятий. Чиновники и служащие, выброшенные на улицу вследствие национализации банков, торговли и промышленности, ломились со стихийной силой во все правительственные учреждения, во все государственные и коммунальные институты, тресты, синдикаты, «комбинаты» и во всякие прочие государственно-экономические новообразования.

Каждый добивался должности, никто не хотел умирать с голоду, никто не хотел быть причисленным к «паразитарным слоям населения», к «нетрудовому элементу». Советская служба представлялась единственным исходом для большинства интеллигентов, для бывшего банкового служащего, для бывшего служащего коммерческого и промышленного предприятия. Удостоверение советского служащего было единственно действительным политическим средством защиты для бывшего купца или служащего, а также и для интеллигента, не принадлежащего к коммунистической партии, к единственно-правоверной церкви.

К этому присоединялось еще то обстоятельство, что коммунистическая партия, в качестве правительственной партии, естественно должна была иметь своих собственных, партийных, людей в отдельных правительственных учреждениях, для того, чтобы не быть вынужденной опираться на совершенно чуждый ей аппарат служащих.

Этим всем объясняется громадный излишек человеческого материала в отдельных правительственных местах, в особенности в Москве, в новом местопребывании правительства.

Отъезд за границу

Моя деятельность в Центротекстиле не давала мне никакого удовлетворения. Я поэтому был рад, когда инженер Р. Л. заехал ко мне в начале февраля 1919 года в Москву, сообщил мне, что он по служебному поручению уезжает в Финляндию и предложил мне, если я желаю, сопровождать его официально в качестве его советника. Поездка должна была продолжаться всего от двух до трех месяцев. Я согласился, так как я страдал от московских условий жизни и охотно вырвался бы оттуда хотя бы на несколько

месяцев.

Я обратился к народному комиссару финансов Крестинскому и просил его предоставить мне отпуск на несколько месяцев и откомандировать меня в народный комиссариат торговли, с целью служебной поездки в Финляндию. Крестинский согласился и написал по этому поводу народному комиссару Красину. Красин, живший тогда в Москве в гостинице Метрополь, в двух весьма скромных комнатах, охотно согласился послать меня с инженером Р. Л. в качестве его советника.

Красин объяснил мне, что инженер Р. Л. отправляется в Финляндию по поручению главного управления бумажным производством (Главбум) для того, чтобы заказать и закупить технический материал и принадлежности, необходимые для восстановления и для дальнейшего продолжения работ бумажных фабрик, общей сложностью приблизительно в 200.000 золотых рублей. Красин подчеркивал необходимость скорейшего исполнения этого поручения и просил меня оказать энергичную поддержку инженеру Р. Л.

Советская Россия была тогда герметически закрыта от внешнего мира. Дипломатические сношения с европейскими государствами, и прежде всего с соседними государствами, были совершенно прерваны. И с Финляндией не существовало ни дипломатических, ни иных отношений.

Поездка за границу была при этих условиях весьма опасным предприятием.

Все же мы выехали 2 марта 1919 г. из Петербурга на финляндскую границу, на станцию Белоостров, отстоящую от Петербурга на расстоянии менее часа езды. Финские пограничные власти потребовали от нас, чтобы мы немедленно оставили Финляндию и продолжали бы поездку на финском пароходе из Або в Швецию. Мы конечно должны были подчиниться этому требованию и 5 марта 1919 года прибыли в Стокгольм.

Инженер Р. Л. заказал потребный технический материал, согласно поручению, в Швеции вместо Финляндии и наша задача была закончена. О возврате в Москву не могло быть и речи. Советская Россию все еще была блокирована. Все границы были и остались закрытыми.

Так как я не мог найти в Швеции никакого занятия, то я решился отправиться в Германию, получил разрешение на въезд и прибыл в июне 1919 года из Стокгольма в Берлин, где мне вскоре удалось найти службу в банковом учреждении.

Глава пятая
Железнодорожная миссия Р. С. Ф. С. Р. за границей: Берлин — Стокгольм — Заказ паровозов

Весною 1920 года экономическая и дипломатическая блокада, окружавшая советскую Россию как бы непроницаемой стеной, несколько поддалась.

Народный комиссар для внешней торговли, Л. Б. Красин, отправился в апреле 1920 года во главе большой делегации в Лондон и пытался по возможности вновь создать и развить экономические и дипломатические сношения с Англией и другими государствами Европы. На пути Красин побыл также в Швеции и в Дании и заключил 15 мая 1920 года в Копенгагене с уполномоченным шведского паровозного завода принципиальное соглашение о поставке 1.000 паровозов, имевшее чисто прелиминарный характер и не содержавшее ни технических, ни финансовых деталей.

После заключения этого соглашения проф. Ю. В. Ломоносов — известный специалист в области железнодорожного дела и постройки паровозов — был послан со специальным поручением в Стокгольм, чтобы заключить с соответственным шведским паровозным заводом окончательный и подробный договор и взять в свои руки реализацию этого договора.

В августе 1920 года Ломоносов приехал в Берлин, чтобы вести переговоры с союзом германских паровозных заводов о поставке паровозов для советской России, и я познакомился с Ломоносовым 18 августа по поводу одного делового разговора.

Ломоносов, имевший неограниченные полномочия, предложил мне работать совместно с ним и быть его юридическим и финансовым советником. Я охотно согласился, ибо дело шло об очень крупной и интересной задаче.

Поручение, данное советским правительством Ломоносову, по заказу для России одной тысячи новых паровозов и всего относящегося к ним материала, представляло собой заказ в сумме от 20 до 25 миллионов английских фунтов, т. е. достигало таких размеров, какие уже давно не имели места на рынке.

Германская паровозная промышленность, имела в то время, когда многие заводы были приостановлены, существеннейший интерес получить хотя-бы часть этого заказа. Самое крупное затруднение состояло в финансировании этого заказа. Советская

Россия в то время находилась в состоянии экономической и дипломатической изоляции и окружения и не имела дипломатических представителей, ни в Германии, ни — за редкими исключениями — в остальных странах Европы.

Советская Россия в то время не могла, при заказе паровозов, ожидать ни малейшего кредита и вынуждена была оплачивать их наличными. Единственным средством платежа было золото в монете или в слитках. Ввоз русского золота в Англию, Францию или Соединенные Штаты был в то время, однако, строжайше запрещен. Не была исключена опасность, что русское золото будет секвестровано союзниками, если советская Россия захочет оплатить германский заказ паровозов золотом в Германии. Нужно было найти исход, который вполне обеспечил бы русское золото, доставленное советской Россией. Было решено депонировать русское золото в Швеции, куда оно могло быть доставлено без всяких затруднений из Ревеля. Правда, со Швецией советская Россия также не имела никаких дипломатических сношений, но имела таковые с Эстонией.

В конце сентября 1920 года я отправился с Ломоносовым в Лондон для того, чтобы получить принципиальное согласие Красина на проведете этого плана. Красин не верил, что это дело может быть осуществлено, но не возражал против того, чтобы мы начали переговоры в Стокгольме. Мы получили в Лондоне шведскую визу и отправились 2 октября 1920 года на пароходе из Нью-Кестля в Гетеборг. В Стокгольме мы начали энергичные переговоры с шведскими крупными банками, а также и с шведскими правительственными местами.

Заказ паровозов

Эти переговоры после долгаго труда имели желанный результат. 22 октября 1920 года между Всероссийским Центральным Союзом Потребительных Обществ («Цетросоюз») в Москва, представленным проф. Ломоносовым, и правлением шведского паровозного завода в Стокгольме был заключен договор на поставку 1.000 паровозов с тендерами по цене в 230.000 шведских крон за паровоз с тендером. Из означенных 1.000 паровозов 800 должны были быть изготовлены в Германии на разных паровозных заводах, а 200 паровозов в самой Швеции, на фабрике в г. Троллхэттане.

Финансирование заказа было обусловлено договором с банком в Стокгольме, причем банк имел уплачивать отдельным германским заводам задаточные суммы под обеспечение

депонированного у него русского золота. Все договоры были заключены под условием последующего утверждения таковых советским правительством в Москве.

Проф. Ломоносов выехал 21 октября через Ревель в Москву, чтобы добиться утверждения заключенных договоров советским правительством, между тем как я остался в Стокгольме для того, чтобы подготовлять проведение этих договоров. 20 ноября Ломоносов вновь прибыл в Стокгольм с шестью русскими железнодорожными инженерами. Он сообщил мне, что заключенные им договоры утверждены советом народных комиссаров в Москве. Вместе с тем им получено 5 ноября от совета народных комиссаров соответствующие весьма широкие полномочия, согласно коим учреждается особая Железнодорожная Миссия Р. С. Ф. С. Р. за границей с местопребыванием в Стокгольме, начальником коей он назначен. Одновременно он известил меня о том, что я назначен официально его первым заместителем и юридическим и финансовым советником, между тем как проф. Владимир Френ назначен его вторым заместителем и техническим советником.

Золото, необходимое для проведения договоров, уже прибыло в Ревель. Но так как находившийся в Лондоне народный комиссар торговли Красин заявил в Москве протест против этих договоров, золото было большей частью задержано в Ревеле.

Проф. Ломоносов находился в чрезвычайно затруднительном положении. С одной стороны, он заключил договоры на основании выданных ему полномочий от имени Центросоюза и получил последующее утверждение таковых со стороны советского правительства, с другой стороны он в самую последнюю минуту встретил неожиданное противодействие в лице Красина, который отказывался одобрять договоры. Красин становился на ту точку зрения, что паровозы, заказанные в Германии, все равно не будут выданы советской России, так как французское правительство путем соответственного толкования Версальского договора уже добьется того, чтобы наложить руку как на паровозы, изготовленные в Германии, так и на золото, депонированное в Швеции.

Имелась только одна возможность убедить Красина, а именно съездить к нему в Лондон со всеми договорами и в подробном личном докладе разъяснить и оправдать заключение таковых. Ломоносов поручил мне эту тяжелую задачу, ибо я был ответствен за юридический текст договоров. С другой стороны мы должны были считаться с тем, что если окончательное утверждение договоров не прибудет в Стокгольм до 18 декабря 1920 года, то Шведский Банк будет вправе отступиться от

заключенных уже договоров.

Дело было чрезвычайно спешно. Я выехал 12 декабря из Берлина в Лондон и имел 14 декабря первый разговор с Красиным. Красин принял меня весьма сурово и спросил меня, чего я желаю и для чего я сюда приехал. Я заявил ему, что я приехал сюда по поручению проф. Ломоносова, что я взял с собою все договоры и что я желаю представить ему таковые и подробно обосновать их.

Красин: — Я знаю договоры. За таковые договоры и Вас и профессора следовало бы расстрелять.

Я: — Хорошо, Леонид Борисович, что Вы мне это говорите в Лондоне, а не в Москве. Прежде всего выслушайте меня, для расстрела у Вас всегда еще хватить времени.

Я настоял на том, чтобы Красин уделил мне три полных часа без того, чтобы нам мешали, и подробно обосновал каждый из весьма сложных договоров. Я разъяснил ему, почему мы, будучи вынуждены обстоятельствами, должны были принять отдельные пункты договоров именно так, а не иначе. Красину было известно, что две великие державы через своих посланников в Стокгольме выступили перед шведским правительством против заключения договора, предоставляющего германской промышленности заказ в 800 паровозов. Красин знал также, что нам пришлось энергично настаивать перед шведским министром-президентом Брантингом и перед шведскими министерствами иностранных дел и торговли, для того, чтобы убедить шведское правительство в лояльности и в экономической необходимости договоров.

После окончания моего доклада Красин сказал мне:

— Хорошо, я вижу, что при данных обстоятельствах вы иначе поступить не могли.

Я просил его тогда, чтобы он мне письменно подтвердил, что он согласен с окончательным подписанием договоров. Красин медлил. Он хотел предварительно запросить по телеграфу мнение своего личного друга, торгового представителя в Ревеле, Г. А. Соломона. 16 декабря я опять явился к Красину и спросил его, прибыл ли уже из Ревеля ответ от Соломона.

— Нет, ответь пока еще не прибыл. Но вы можете спокойно сегодня-же вернуться в Берлин, я дам мое согласие Ломоносову еще сегодня по телеграфу.

Я заявил Красину на это, что я не уеду из Лондона, пока он не подпишет свое согласие в моем присутствии и, что это согласие, если он вообще его хочет дать, должно последовать обязательно сегодня, так как наше окончательное подтверждение должно быть в руках банка в Стокгольме, никоим образом не позднее 18 декабря.

Красин, который несмотря на чрезвычайно веские аргументы, давал свое согласие на эти договоры лишь весьма неохотно, просил меня заехать к нему еще раз после обеда. Я явился к нему, ответная телеграмма из Ревеля все еще не прибыла, но Красин решился дать мне свое согласие. Когда я это согласие имел в руках, я сказал ему:

— А как же теперь с расстрелом, Леонид Борисович?

Красит, грубо ответил:

— Оставьте этот вздорь.

Я: — К несчастью, это не вздорь. Если бы наш разговор имел место в Москве, то дело могло бы окончиться для меня совсем иным образом.

Красин: — Зачем вы копья ломаете для Ломоносова? В действительности ведь вы же составили все договоры. Ведь вы же духовный отец этих договоров, а не Ломоносов. Ведь он же без вас никогда-бы их не создал.

Я: — Я работаю не для Ломоносова. Я работаю в интересах дела. Я не могу судить, отвечают ли заказанные паровозы технически русским потребностям, но на Ломоносова везде смотрят, как на авторитет в области паровозного дела. Я в этом мог убедиться и в Германии, и поэтому я думаю, что техническая часть безупречна. То, что депонированное в Швеции золото и паровозы, изготовленные в Германии, обеспечены от всякого захвата, я вам доказал. То, что договоры обеспечивают интересы советского правительства во всех отношениях, вы тоже видели. То, что паровозы представляют собой экономическую потребность для России, в этом очевидно вы сами убеждены, иначе вы бы мне сегодня не дали согласия на заказ паровозов. Поэтому, я теперь могу спокойно уехать и взять в руки проведение договора.

Мы дружески простились и Красин сказал мне в конце концов улыбаясь:

— Ну так как дело решено, то возьмитесь за него со всей энергией. Желаю вам наилучшего успеха.

Я немедленно вернулся в Берлин, к Ломоносову, который телеграфно уведомил банк в Стокгольме о последовавшем согласии Красина. Паровозный договор таким образом окончательно состоялся.

Шведский Банк, в сейфах коего было депонировано русское золото, оказался теперь перед чрезвычайно трудной в то время задачей постепенной реализации золота. Как уже упомянуто мной, ввоз русского золота в Англию, Францию и Соединенные Штаты был в то время строжайше запрещен. Но к Красину поступал в Лондоне целый ряд запросов относительно покупки русского золота из Испании и Италии. Нужно было установить,

откуда идут эти запросы, потому что не подлежало сомнению, что сама Испания не нуждалась в золоте, во всяком случае не в запрашиваемом количестве.

По поручению Красина и Ломоносова, я отправился в начале января 1921 года в Испанию и Италию, вел в этих странах переговоры с разными банками и фирмами, торгующими драгоценными металлами, и установил в конце концов, что все запросы, поступившие от испанских и итальянских фирм, в действительности исходят от одной крупной парижской фирмы, которая этим обходным путем хотела обеспечить себе покупку русского золота.

В середине, февраля 1921 года я вернулся в Стокгольм, доложил о результатах моей поездки, но нашел в Стокгольме совершенно изменившееся положение вещей. Против меня были в полном ходу интриги, возникшие во время моего отсутствия, которые делали невозможным всякую дальнейшую плодотворную работу.

Ломоносов окружил себя за это время рядом бывших и новых сотрудников, которых он пригласил для службы в Железнодорожной Миссии. Свою жену он официально назначил секретарем Железнодорожной Миссии в Стокгольме. После этого те хорошие отношения, которые существовали между мной и Ломоносовым, были испорчены и атмосфера взаимного доверия и дружеской совместной работы исчезла.

Будучи официально его первым заместителем, я казался теперь для него слишком самостоятельным и слишком деятельным. Будучи прежде Его Превосходительством на царской железнодорожной службе, он привык быть окруженным угодливыми чиновниками. Я же в моей деятельности быль часто вынужден выступать против мнения Ломоносова в деловых вопросах и доказывать ему правильность моей точки зрения. Хотя Ломоносов, к счастью, принадлежал к людям, которых можно убеждать фактами, но все же ему было тягостно, что в важных юридических, финансовых и коммерческих вопросах он должен был полагаться на меня.

Окружающие его изображали мою деятельность некоторым образом как опеку и таким образом, благодаря интригам третьих лиц, между нами раскрылась пропасть, через которую уже нельзя было перекинуть мост. В виду этого я увидел себя вынужденным в конце февраля 1921 года оставить мою должность.

Глава шестая
Назначение заместителем начальника валютного управления в Москве — Отъезд в Москву — Встреча с П. И. Пальчинским

После того, как я оставил мою должность в Железнодорожной Миссии, я вернулся к частной жизни. В конце мая 1921 года народный комиссар финансов Н. Н. Крестинский прибыл в Берлин. Я неоднократно посещал его и докладывал ему подробно относительно моей деятельности в Железнодорожной Миссии.

После обстоятельного разговора, он предложил мне, поехать в Москву и занять в народном комиссариате финансов ответственный пост. Но я тогда, летом 1921 г., не мог решиться на это. Я, при тогдашней политико-экономической тенденции, во время так называема-го «военного коммунизма», не видел почвы для продуктивной деятельности.

В январе 1923 года у меня с Н. Н. Крестинским, ставшим за это время послом в Берлине, опять был длинный разговор. Политические обстоятельства в Москве за это время переменились. Произошел поворот направо. Это была эра «новой экономической политики», восстановления промышленности, торговли, банкового дела и всей хозяйственной жизни. Открывалось таким образом большое поле для конструктивной деятельности. После запроса в Москве Н. Н. Крестинский предложил мне 10 марта 1923 года, по поручение народного комиссара финансов Г. Я. Сокольникова, чрезвычайно ответственный и вполне отвечающий моему стремлению пост начальника валютного управления в Москве.

Валютное управление было недавно учрежденным управлением в народном комиссариате финансов, которое имело задачей направлять валютную политику страны, стать во главе вновь созидаемого банкового и кредитного дела страны, восстанавливать систему сберегательных касс, проводить внутренние и внешние займы и управлять принадлежащими государству фондами. Валютному Управление было подчинено громаднейшее поле деятельности. Монетный Двор в Петербурге, Государственное хранилище ценностей («Гохран»), Государственная Типография для заготовления государственных бумаг и денежных знаков («Гознак») в Петербурге, Пробирная

Палата, все пробирные палатки и т. д. находились под непосредственным руководством валютного управления. Валютное управление вело надзор над всеми банками, кредитными учреждениями и сберегательными кассами и обязано было озаботиться также финансированием только что оживающей золотой и платиновой промышленности. Валютное управление имело гораздо большее поле деятельности, чем прежняя Кредитная Канцелярия в Петербурге, которая ведала всеми государственными займами, управляла государственным долгом и осуществляла высший надзор за банками.

Я принял это предложение и, в виду господствующей в Москве жилищной нужды, поставил лишь одно условие, чтобы мне была предоставлена маленькая меблированная квартира из двух комнат. Я знал, что советское правительство платить в пределах советской России очень низкие оклады. Народные комиссары получали в 1923 году, кроме квартиры, месячный оклад лишь в 210 золотых рублей (21 англ. фунт). Мне же в качестве специалиста был назначен месячный оклад в 310 золотых рублей, за исключением квартиры.

Отъезд в Москву

24-го марта 1923 года я с моей женой выехали в Москву. Более четырех лет я не был в России, знал о дальнейшем ходе событий только из газет и меня чрезвычайно интересовало, что я найду в действительности. В Риге мы сели на русский поезд, который в 36 часов привез нас в Москву. На русской границе, в Себеже, у меня получилось впечатление наличности крепкой дисциплины, солдаты были хорошо одеты, таможенный досмотр произведен быль корректно и вежливо. Мы из самого Берлина уже ехали в сопровождении советского дипломатическая курьера. Мы имели много багажа, так как я ошибочно предполагал, что у меня в моем новом официальном положении будет много представительских обязанностей. В поезде мы познакомились с некоторыми выдающимися советскими представителями, между прочим и с Таратутой, тогдашним начальником советской текстильной промышленности. Таратута вступил со мной в оживленный разговор и пригласил меня, вскоре после приезда в Москву, прочесть доклад о европейской финансовой и хозяйственной политике в Московском «Деловом Клубе», в котором собирались представители хозяйственных органов советского правительства (т. н. «хозяйственники»). Я держался с ним чрезвычайно сдержанно и был весьма лаконичен в моих

ответах.

28 марта в час дня мы прибыли в Москву на Виндавсюй вокзал. Так как народный комиссариат финансов был телеграфно и письменно предупрежден о моем прибытии, то я был глубоко убежден, что я найду на вокзале служебный автомобиль. Я вышел на площадь перед вокзалом, но не нашел там никакого автомобиля. Я телефонировал в виду этого немедленно секретарю народного комиссара финансов, сообщил ему, что нахожусь на вокзале и просил его выслать к вокзалу немедленно автомобиль с уведомлением, в какой гостиннице для меня оставлены комнаты. Он обещал немедленно сделать это и объяснил задержку тем, что ничего не знал о моем приезде. Я ждал напрасно целый час. Моя жена и я сидели со всем багажом в вокзальном помещении, а около нас мало по малу собралось несколько людей, которые пялили глаза на иностранцев. Чтобы не терять времени, мы пообедали в весьма скромном железнодорожном ресторане. Я вновь телефонировал секретарю и он сообщил мне, что автомобиль уже послан на вокзал. Так прошло время до пяти часов после обеда. Несмотря на мои неоднократные телефонные звонки никакого автомобиля не было видно. Первое впечатление от Москвы было довольно обескураживающим. Мы сидели на вокзале и ждали у моря погоды Между тем к нам подошли нисколько извозчиков и сказали с добродушием, свойственным русскому человеку:

— Барин, ведь ты же понимаешь по-русски. Да неужели-ж ты думаешь, что ахтомобиль когда-либо прибудет. Ахтомобиль никогда не прибудет. Будь умником. Скоро станет темно и ты тогда совсем не сможешь уехать с вокзала. Возьми лучше нас, мы тебя и женушку живо доставим в город.

Я не знал, что делать. Московские коляски чрезвычайно тесны. Двое людей только с трудом могут в них поместиться. Я никоим образом не мог допустить того, чтобы моя жена, не понимавшая ни слова по-русски, ехала одна. Я следовательно должен был иметь ее с собою. Если же положить наш багаж на другую коляску, то я далеко не был уверен в том, что он не исчезнет. С другой стороны я понятия не имел, где я смогу остановиться. Становилось все темнее и я решил отправиться на всякий случай с двумя колясками в город. Часть моего багажа я поместил на одну коляску, указал извозчику, кто я такой, приказал ему строжайше ехать все время передо мной и сел с моей женой в другую коляску. Было уже почти шесть часов вечера и наступала темнота. Вдруг на повороте улицы показывается автомобиль, который быстрым ходом подъезжает к вокзалу. Из автомобиля выходит человек и спрашивает меня, являюсь ли я

новым начальником валютного управления. Я отвечаю: «Да».

Тогда он говорить мне, что послан народным комиссаром финансов, чтобы встретить меня и сопровождать в город. Извозчики были возмущены, но он быстро покончил с ними, дав каждому рубль и приказав им молчать. Весь мой багаж немедленно был переложен в большой автомобиль.

Я спросил тогда моего спутника, куда же мы собственно едем. На это он мне ответил:

— В том то и дело, что этого я не знаю. В четыре часа меня послали на поиски комнаты для вас и вашей жены, но должен вам сказать откровенно, я ничего не нашел. Куда мы собственно должны теперь ехать, я и сам не знаю, но, во всяком случай, в город.

Мы заехали на всякий случай в гостинницу Савой, но не получили там комнаты. Я предъявил все мои мандаты, но это не помогло; швейцар сказал, что у него комнаты нет. Я опять сел в автомобиль, стал ездить в разные гостинницы и наконец нашел комнату в одной, носившей громкое название «Париж». Я предъявил там мои мандаты и не без успеха. Швейцар объявил, что у него есть свободная комната, но что она очень дорога, стоить тринадцать рублей в день. Я ответил, что пока оставляю ее за собой. Гостинница была открыта только три недели тому назад, все было ново и имело чистый вид. Комната была громадным помещением с тремя окнами на улицу, но с ничтожным минимумом мебели. В полу была большая дыра и это сразу возбудило во мне некоторую тревогу. Ночью я вдруг встрепенулся, жена моя кричала: «Крысы, крысы». Я успокоил ее, крысы, конечно, приходили через дыру в полу, и я просто закрыл эту дыру моим большим дорожным сундуком.

В общем прием, сделанный мне Москвой, не был особенно приветлив. На следующий день я отправился в народный комиссариат финансов. Там я узнал, что народный комиссар Г. Я. Сокольников заболел, что он находится в санатории под Москвой и что я вряд ли смогу его увидеть ранее, чем через неделю. В виду этого я отправился к заместителю народного комиссара т. Владимирову, представился ему и просил его, ввести меня в мои новые обязанности. Он ответил мне резко:

— Сокольников вас сюда пригласил, пускай Сокольников вас и вводит в работу. Я тут ничего не желаю делать.

Конечно, мне не оставалось ничего другого, как терпеливо ожидать свидания с Сокольниковым.

Между тем я натолкнулся на улице случайно на нескольких моих старых добрых знакомых, которые засыпали меня вопросами, каким образом я, проживающий уже годами за

границей, вдруг оказался в Москве. Я сначала пытался замять этот разговор, но затем объяснил, что я принял очень высокий пост в народном комиссариате финансов. В конце концов я им сообщил и какой именно пост. Услышав это, один из них, выдающийся юрист, сказал мне:

— Слушайте, да что вы в самом деле с ума сошли? Что вы, рехнулись? Да неужели же вы не понимаете, что приняли опаснейшую должность. Разве вы не знаете, что в Гохране всего только несколько месяцев тому назад расстреляно 16 человек служащих и таким учреждением вы собираетесь руководить? Или что же, уж сознайтесь, пожалуй вы вступили в коммунистическую партию.

Другой из них, инженер, сам занимавший высокую должность в качестве хозяйственника на советской службе в Москве, описывал мне свою деятельность в самых черных красках. Он разъяснил мне, что должность специалиста на советской службе является тяжкой жертвой. Только тогда имеется возможность успешно работать на советской службе, когда служащий является членом коммунистической партии и вследствие этого имеет за собой поддержку партии в случае деловых ошибок или неудачи. Иначе, плодотворная и продолжительная работа фактически невозможна. Он привел много примеров, описывал свою собственную судьбу, рассказал, что восемь месяцев сидел в тюрьме, но что далеко не уверен в том, что завтра же или после завтра из за такого же вздорного обвинения не попадет опять в тюрьму.

Всему этому я не верил, не хотел верить. Я решил, что все эти лица в политическом отношении настроены консервативно-буржуазно, и что их мнение не может быть для меня решающим. Но я встретил в течение ближайших дней целый ряд людей, определенно левых взглядов, врачей, банковых служащих, юристов, советских служащих и частных лиц, и всегда, за весьма редкими исключениями, находил ту же картину совершенной подавленности, усталой и фаталистической покорности судьбе. Я, конечно, знал о советской системе сыска и воздерживался от всякого сближения с частными лицами. Но я не мог избежать того, чтобы от времени до времени не встречаться и с частными людьми. Хотя эти люди и не знали, кто я такой, но уж одно сообщение, что я приехал из Германии для того, чтобы принять в Москве должность у советского правительства, было вполне достаточно, чтобы эти люди самым бесцеремонным образом выражали свое крайнее удивление. Я энергично боролся с наступавшими на меня со всех сторон обескураживающими впечатлениями. Я ни за что не хотел признаться самому себе в

том, что я впал в ошибку и что мысль о крупной самостоятельной созидательной работе, с которой я уезжал из Берлина, представляла из себя иллюзию, которой суждено было погибнуть перед московской действительностью. Однако, меня все более одолевали сомнения, и я все глубже проникался убеждением, что только принадлежность к коммунистической партии могла бы обеспечить возможность продуктивной работы в условиях советского строя.

После десятидневная ожидания, я наконец, свиделся и познакомился 7 апреля 1923 года, в санатории «Чайка» под Москвой, с народным комиссаром финансов Г. Я. Сокольниковым, с которым и имел разговор, длившийся более двух часов. Он произвел на меня впечатление умного, культурного и энергичного человека. Я совершенно откровенно сказал ему о моих сомнениях и спросил, считает ли он при существующих условиях мою деятельность возможною. Он нашел мои сомнения совершенно необоснованными и подчеркнул, что мои осведомители очевидно навязали мне ложное впечатление и что в моей будущей работе найду несомненно большое удовлетворение. Он во всяком случае сделает все, чтобы облегчить мне мою работу.

Через несколько дней я явился к Сокольникову уже в Москве и объявил ему, что после зрелого размышления решил вступить в должность, но что все-же прошу его назначить меня не начальником валютного управления, а временно, пока я не освоюсь с условиями работы, лишь заместителем начальника валютного управления. Возможно, что я ошибаюсь — говорил я ему — но я того мнения, что для такого высокого и видного поста, как должность начальника валютного управления, неизбежно иметь поддержку и опору коммунистической партии. Я же в качестве лица, не принадлежащего к этой партии, конечно, не могу рассчитывать на такую поддержку. Поэтому я готов поступиться моим честолюбием и начать работу в качестве заместителя начальника. Сокольников не разделял моих аргументов, но в результате уступил моей просьбе. Приказом от 28 апреля 1923 года я был назначен заместителем начальника валютного управления.

Встреча с П. И. Пальчинским

Я встретился с инж. Петром Иоакимовичем Пальчинским в мае 1923 года. Это было на междуведомственном совещании по вопросу о продаже платины за границей. К моему изумлению, я

среди присутствующих увидел П. И., участвовавшего на заседании в качестве представителя Госплана. Я его с трудом узнал. Он очень постарел, осунулся, поседел. В первый момент я хотел броситься к нему, сердечно с ним поздороваться, но, вспомнил, где мы находимся, только молча пожал ему руку. По окончании заседания мы встретились у выхода, вместе вышли и отправились в чайную. Сели в угол и — по-видимому незамеченные — разговорились.

Этот разговор произвел на меня, только что недавно приехавшего из-за границы, такое впечатление, что каждое слово его врезалось в моей памяти.

П.: — Прежде всего давайте немедленно сговоримся, о чем мы с вами разговариваем. За мною следят, а за вами наверное. В случае ареста мы должны дать с вами одинаковые показания, о теме нашей сегодняшней беседы. Никто не должен знать, что мы с вами давно и близко знакомы.

Л: — Хорошо. Мы говорим о том, что было предметом совещания. О наилучшем способе рациональной реализации платины за границей. Я стою за необходимость продажи через посредство мировых платино-промышленных фирм, а вы — как и говорили на совещании — считаете, что в этом вопросе, по мере возможности, надо сохранить полную независимость.

П.: — Прекрасно. Как же вы решились по доброй воле приехать сюда?..

Л.: — Вам нетрудно это понять. Крестинский еще в июне 1921 года, будучи в курорте Киссингене, предложил мне занять в народном комиссариате финансов ответственный пост. Я отклонил. Бессмысленно было мне идти в Москву во время военного коммунизма, помогать дальнейшему разрушению всего хозяйственного организма страны. Шейнман, будучи в Берлине, предложил мне в январе 1922 года, когда Госбанк только нарождался, работать в Госбанке на ответственной должности. Я отклонил. Но когда я увидел, что Россия действительно как будто идет к возрождению, к воссозданию, к творческой работе, то я пожелал активно участвовать в этой работе. В январе 1923 года у меня по этому поводу был разговор с Крестинским. Списавшись с Сокольниковым Крестинский предложил мне пост начальника валютного управления и я принял. И вот теперь я здесь.

Перед отъездом я взял с Крестинского честное слово, что он не посылает меня в западню и что мои грехи, с советской точки зрения, «вольные и невольные», окончательно прощены. Уехал из Берлина с большим волнением, но без всякого страха. Приехал сюда с большими иллюзиями и сразу же осекся. Те немногие старые знакомые, которых я встретил, смеются над моей мыслью

о плодотворной творческой работе при советском режиме и издеваются над моим неведением и моей наивностью. Сам я сразу очутился в атмосфере невероятной слежки и безотчетного всеобщего страха каждого перед каждым. Работаю по мере сил, в захватывающе-интересной области, но в атмосфере неблагожелательная противодействия и без малейшей опоры с какой бы то ни было стороны. Каждый меня боится и каждого я должен бояться. Вот и все. Веселого мало. А вы как живете?

П.: — Что-ж, сперва гнали по тюрьмам и всячески преследовали. Сильно потрепан, но как видите, остался жив. И сейчас работаю в Госплане. Думаю скоро переехать в Петроград. Ищу живой работы. Нудно в Госплане.

Л.: — Почему же вы не уехали за границу? Разве вы не боитесь, что с вами — при вашем политическом прошлом — рано или поздно расправятся?

П.: — Я остался, так как хочу здесь работать. Здесь — мое место. После всего того, что мне пришлось перенести, думаю, опасаться мне нечего. Зачем им со мной расправляться? Борьбы против них я уже не веду. А если час придет, сами знаете: двум смертям не бывать, а одной не миновать.

Л.: — Да ведь что же это за работа в Госплане для такого кипучего человека как вы?

П.: — Первым делом я уже не тот кипучий человек, что прежде. Тюрьма никогда не проходить бесследно. Но, повторяю, мое место — здесь. Мы должны хранить и укреплять наше хозяйственное и культурное наследие. Это долг всей передовой интеллигенции, еще не убитой и не расстрелянной большевиками. Мы должны помогать им, и искренне, всеми силами, стремиться к восстановлению страны, особенно теперь, когда они решили покончить с разрушением и перейти к положительной работе.

Л.: — А действительно ли они это решили?

П.: — Думаю, что да. Ведь это в их собственных интересах. На развалинах долго не проживешь. Ведь вместо самодержавия, скрутившего страну и не давшего ей развернуться, — после короткого мига свободы — пришел Великий Хам, разрушивший не только наши политические и моральные идеалы, не только те принципы, на которых зиждется человеческое общество и человеческая цивилизация, но и хозяйственные основы страны. У нас полный развал, как в сельском хозяйстве, так и в промышленности, как в транспорте, так и в торговом обороте. Нам нечего жрать, не во что одеваться, негде жить. На Волге, во время голода, доходили до людоедства. Мне страшно за Россию. Поверьте, это — не фраза и не жалкие слова. Это сущая истина.

Мне нечего Вас распропагандировать. Ведь вы сами, по собственному почину, приехали сюда. Я считаю, что вы поступили хорошо, как следует поступать всякому. Надеюсь, что и другие специалисты последуют вашему примеру.

Л.: — Вы вероятно понимаете, в какую обстановку я попал сейчас же после приезда?

П.: — Конечно, но вы не обращайте внимания. Также не обращайте внимания на то, что над вами смеются. Многие наши интеллигенты стали циниками и смеются, когда находят в других тот идеалистический подъем, какой был прежде у них. Вы вовсе не сошли с ума, приехав сюда. Поверьте, и при существующих советских условиях, вы сможете принести большую пользу. Нужно только иметь твердую волю, известное мужество и горячее сердце. Правда, вам следует быть особенно осторожным! Валютное управление — очень опасное дело. Но зато какой размах, какие задачи!

Л.: — А люди?

П.: — Да, это, конечно, тяжелый вопрос. Среди большевиков, особенно на верхушках, несомненно имеются честные и идейные люди, но это — капля в море. Они окружены накипью из всякого рода карьеристов, начиная от бывших охранников и кончая партийными «аппаратчиками», вошедшими в правящую партию, без малейшего внутреннего отношения к ней.

Мы еще некоторое время беседовали о разных незначащих вещах, пока Пальчинский не прервал разговора:

— А теперь давайте разойдемся. Мы уже засиделись. И давайте не будем встречаться. Это будет лучше и для вас и для меня. Надеюсь, мы с вами еще встретимся еще на совещаниях.

Больше я его никогда не видел.

Глава седьмая
Валютное управление в Москве — Государственное хранилище ценностей (Гохран) — Коронные регалии и коронные драгоценности — Драгоценные камни и жемчуга — Церковные книги — Иконы — Борьба с начальником Гохрана — Церковное серебро — Передача музейного серебра Оружейной Палате в Москве — Эпизод

Валютное управление в Москве

Валютное управление, в котором работало много бывших банковых служащих, бывших чиновников министерства финансов, юристов и прочих интеллигентов, при моем вступлении имело двух заместителей начальника: И. И. Шлейфера, который фактически исполнял обязанности начальника, и профессора Л. Н. Юровского, выдающегося специалиста по финансовым вопросам. Валютное управление, кроме того, в видах политического руководства, было подчинено члену коллегии народного комиссариата финансов.

После краткого делового совещания с моими коллегами, я принял на себя управление всеми коммерческими функциями валютного управления, руководство Монетным Двором и Государственным Хранилищем Ценностей, председательство в «Комиссии по реализации государственных ценностей», организацию продажи платины и реализацию тех ценностей, которые стали собственностью государства вследствие революционных событий (серебро, золото, драгоценности, драгоценные камни). Я также взял на себя задачу финансирования платино- и золотопромышленных предприятий и рудников, каковые все без исключения находились в руках государства.

В первое время мне пришлось оперировать на крайне неустойчивой почве. Я не имел кругом себя никакой поддержки и ни единого друга. Коммунисты относились ко мне, как ко всем специалистам вообще, т. е. как к необходимому злу, а в то-же время и сами специалисты, среди которых имелись чрезвычайно сведущие люди, вели себя в отношении меня чрезвычайно сдержанно и выжидающе. О политике я не говорил ни единого звука, ни с коммунистами, ни с беспартийными.

Гохран

Особое мое внимание я обратил на Государственное Хранилище Ценностей (Гохран), каковое я подробно осматривал в течение нескольких дней немедленно-же после моего вступления на службу. Гохран помещался в напыщенном, но безвкусном, построенном в псевдо-русском стиле, около 1890 года, здании Московской Ссудной Казны. Здание находилось в центре города, вблизи Страстной площади, в доме № 3 по Настасьинскому переулку.

Гохран был тем местом, где сохранялись все драгоценности государства и все наличные запасы драгоценных металлов, принадлежащих государству: коронные регалии и коронные драгоценности, платина, золото и серебро в слитках и в монете.

Гохран был также центром, куда со всей России, не исключая самых отдаленных областей, сливались целые потоки драгоценных металлов, драгоценных камней и других ценностей, отчужденных и конфискованных государством у дворянства, у буржуазии, у церкви и у банков. В Гохране скопилось конфискованное серебро, золото, драгоценные камни, жемчуг и секвестрованное церковное имущество в таких громадных размерах, что в Западной Европе об этом не могли бы сделать себе даже и отдаленного представления. Я проходил через громадные залы, в которых помещались по обеим сторонам нагроможденные друг на друга до потолка всякого рода сундуки, чемоданы, ящики, корзины, баулы и другие вместилища. Ко всем этим «местам» были прикреплены ярлыки с номерами. Эти места по большей части вовсе еще не были распакованы и рассортированы, частью же они прошли лишь поверхностную, так называемую «грубую сортировку» и ожидали ныне так называемой «детальной сортировки».

Для того, чтобы дать представление о той громадной работе, которая имелась перед Гохраном, если сортировка, т. е. исследование содержания мест, действительно была-бы

проведена рационально и точно, я привожу здесь лишь следующие данные:

В Гохране находились к 1-му июля 1923 года 17.319 мест, которые вовсе не были сортированы, и 2.837 мест, которые прошли через грубую сортировку и ныне ожидали детальной сортировки, а именно:

мест с золотом — 536

мест с серебром — 1.045

мест с ценными бумагами, документами, бумажными деньгами и т. д. — 896

Всего 20.156 мест.

Эти цифры представятся еще более внушительными, если принять во внимание, что Гохран, несмотря на свой довольно значительный состав служащих, был в состоянии разобрать ежемесячно в порядке грубой сортировки лишь 700 мест и в порядке детальной сортировки лишь от 50 до 60 мест. Так как к тому же тогда в Гохран прибывало ежемесячно еще до 400 новых мест, то естественно, что Гохран стоял перед задачей, осуществление которой могло продлиться в течение целого ряда лет.

Во время одного из первых осмотров Гохрана я заметил на стенах аппараты для тушения пожара. Путем немедленного испробования таковых я установил, что аппараты не функционируют и что служители отдельных помещений не имели ни малейшего понятия о том, как надо обходиться с аппаратом в случае пожара.

Я озаботился поэтому о немедленном образовании и назначении комиссии, при участии опытных инженеров, которой была поставлена задача обследовать здание Гохрана в отношении его пожарной опасности и сделать соответствующие предложения о мерах для полного обеспечения безопасности здания в пожарном отношении.

Конечно, Гохран тщательно охранялся отрядом солдат, помещавшимся в противолежащем здании.

Коронные регалии и коронные драгоценности

Коронные драгоценности русского Двора, накоплявшиеся с конца 17-го века и собранные в особенно большом количестве любившей роскошь императрицей Екатериной II, сохранялись до начала Мировой войны в закрытых стальных ящиках в так называемой «Бриллиантовой Комнате» Зимнего Дворца в Петербурге.[5] В эту комнату и к самим драгоценностям имели

доступ только два-три определенных лица и то исключительно по особому каждый раз письменному приказу императора. Коронные драгоценности были недоступны для публики, никогда публично не выставлялись и никогда не были научно описаны. Существовали только инвентурные списки, касающиеся отдельных вещей.

Немедленно после начала войны (23 июля 1914 года ст. ст.) девять ящиков с коронными регалиями и коронными драгоценностями были отправлены в Большой Дворец в Москву. Оттуда они были перевезены через некоторое время в Оружейную Палату в Москве, где они лежали в течение многих лет, среди других ящиков с ценностями. Эти девять ящиков были отправлены в Москву с такой поспешностью, что не успели изготовить и вложить в ящики никаких ведомостей о их содержании.

В марте 1922 года ящики были найдены в Оружейной Палате, и 10 апреля 1922 года, после составления протокола и инвентаря всех вещей, регалии и драгоценности перешли в собственность советская правительства.

Через несколько дней был образован Комитет из представителей науки и экспертов, под председательством профессора А. Э. Ферсмана, который в первом своем заседании принял решение, что коронные регалии и коронные драгоценности являются национальным достоянием, которое никогда не должно быть продано или отчуждено. Это решение было одобрено советским правительством и означенные 9 ящиков были перевезены из Оружейной Палаты в Государственное Хранилище Ценностей, где они отныне и должны были храниться.

Русские коронные регалии и коронные драгоценности представляют собой 271 объект и состоят из 406 отдельных предметов. Из них 52 объекта относятся ко времени Петра I и Елизаветы I, 110 ко времени Екатерины II, а остальные ко времени последующих императоров.

Эти ценности состоят из: Коронных Регалий (Большая Корона, две Малые Короны, Свадебная Корона, Скипетр и Держава), коронных драгоценностей (семь орденских цепей, 23 звезды, кресты и эмблемы, 12 диадем, 10 ожерелий, 6 бриллиантовых нитей, 56 брошек, 10 гребней, 185 шпилек, серег, колец, запонок, медальонов, браслетов, пряжек и т. д., 7 отдельных камней, 19 золотых табакерок) и 60 различных предметов украшения из золота.

Всего русские коронные ценности содержат приблизительно: 25.300 карат бриллиантов, 1.000 карат изумрудов, 1.700 карат сапфиров, 6.000 карат жемчуга; кроме того множество рубинов,

топазов, турмалинов, александритов, аквамаринов, хризопразов, бериллов, хризолитов, бирюзы, аметистов, агатов, лабрадоров, альмандинов и т. д.

Среди Коронных Регалий на первом месте стоить Большая Императорская Корона, высокой художественной работы французского ювелира Позье, 1762 г., украшенная чудным большим рубином в 402 карата. В Большой Короне находятся бриллианты общей сложностью в 2.900 карат.

Малая Императорская Корона относится к 1801 г. Когда в 1896 году имело место коронование последняя императора Николая II в Москве — в коем кроме императрицы Александры Феодоровны принимала участие также и вдовствующая императрица Мария Феодоровна (супруга Александра III) — то для императрицы была изготовлена новая корона в точности по образцу старой. Старая корона во время коронационных торжеств была носима вдовствующей императрицей. Обе Малые Короны выдающейся ювелирной работы и украшены превосходными камнями.

Императорская свадебная корона относится вероятно к 1840 году, но она не стоит, на том же высоком художественном уровне, как остальные короны.

Держава относится к 1784 году и украшена сапфиром в 200 карат и синим бриллиантом в 47 карат. Скипетр украшен знаменитым бриллиантом «Орловым».

Из коронных драгоценностей многие, в особенности те, кои относятся к 18-му столетию, представляют из себя предметы чудеснейшей работы и исключительной красоты.

Русские коронные ценности содержать 7 отдельных исторических камней, а именно, большой изумруд в 136 карат, большой сапфир с Цейлона в 260 карат, большой так называемый Настольный бриллиант, большой хризолит в 192 карата, большой рубин в 402 карата, бриллиант «Орлов» и бриллиант «Шах».

Относительно первых четырех камней не имеется исторических данных. Большой рубин, украшающий Большую Корону, вероятно, происходить из Афганистана. Он был приобретен в 1676 году царем Алексеем Михайловичем в Пекине, через посредство его посланника в Китае, Николая Спафария.

Знаменитый бриллиант «Орлов», являющийся украшением скипетра, найден в начале 17-го века в Голконде в Индии и весил первоначально 300 карат. По желанию его первоначального владельца, великого могула Иехан Шаха, камень этот был перешлифован и получил свою нынешнюю форму, весом около 192 карат. Этот камень также как и находящийся ныне в английской короне знаменитый бриллиант «Кои-Нор» (Koh-i-noor)

находился во владении великого могула Ауренг-Зеба в Дэльи, во дворце коего французский путешественник Тавернье видал оба бриллианта в 1665 году. Засим оба камня перешли во владение персидского правителя Надир-Шаха, который завоевал город Дэльи, столицу великих могулов, в 1737 году. Камень «Орлов» в то время именовался «Дериай-Нор» (Derya-i-noor), т. е. «Морем Света», между тем, как второй камень назывался «Кои-Нор», т. е. «Горой Света». Камень «Орлов» всякими тайными путями попал в Амстердам, где он был приобретен князем Григорием Орловым, в 1774 году, для Екатерины II за цену в 400.000 золотых рублей. Камень «Кои-Нор» в 1852 году был приобретен английской короной, перешлифован, и ныне весить 166 карат. Бриллиант «Орлов», сохранивши свою историческую форму, ныне может считаться самым крупным и самым знаменитым бриллиантом в мире.

Бриллиант «Шах» весом в 88,7 карат, длинноватый, желтоватый, только по нескольким ребрам шлифованный бриллиант, найден еще до 1591 года. На камне имеются три гравированных персидских надписи и выгравирован желобок. — Первая надпись, относящаяся к 1591 году, свидетельствует, что камень этот принадлежал Бурхам-Низам II Шаху, правителю провинции Ахмеднагар. В 1595 году камень перешел во владение великих могулов, завоевавших провинцию Ахмеднагар. — Вторая надпись от 1641 года свидетельствует, что камень принадлежит великому могулу Иехан-Шаху, сыну Иехангир-Шаха. В 1660 году камень перешел во владение великого могула Ауренг-Зеба, сына Иехан-Шаха, после его войны со своим отцом и после завоевания трона. В 1665 году французский путешественник Тавернье видел этот камень при дворе Ауренг-Зеба, подвешанным «на шнуре, украшенном драгоценными камнями, к балдахину трона». В 1737 году камень перешел во владение персидского правителя Надир-Шаха. Третья надпись от 1824 года свидетельствует, что камень принадлежит персидскому правителю Фач-Али-Шаху, из Каджарской династии. В 1827 году этот камень был торжественно преподнесен персидской делегацией, под предводительством персидского принца Хозрев-Мирза, императору Николаю I, в знак траура, по случаю убийства российского посланника в Тегеране, знаменитого русского писателя Грибоедова. С этого времени «Шах» принадлежит к русским коронным ценностям.

Комитет, образовавшийся под председательством проф. А. Э. Ферсмана, издал после нескольких лет тщательной работы сочинение под заглавием: «Российский бриллиантовый фонд» («Russias Treasure of Diamonds and Precious Stones»), которое было опубликовано народным комиссариатом финансов в Москве, в

четырех томах, в 1925-6 г. и которое заключает в себе точное научное описание всех коронных ценностей, снабженное многочисленными прекрасно исполненными иллюстрациями.

Коронные драгоценности подверглись в 1922 году оценки со стороны Комитета, состоявшая из опытных ювелиров. Стоимость оценки отдельных драгоценных камней была установлена не только на основании рыночной стоимости камней, но также сообразуясь с их исторической ценностью, так что согласно этой оценке коронные ценности представляли собой огромную сумму в несколько сот миллионов рублей. В действительности же продажная стоимость отдельных предметов была значительно ниже. Вопрос о продаже коронных драгоценностей всплывал неоднократно, но осуществление продажи встречало непреодолимые препятствия, ибо для объектов, как исторических коронных ценностей, покупателей не находилось, между тем, как драгоценные камни, украшавшие эти объекты, в случае их отдельной продажи, могли бы принести лишь весьма незначительную часть их оценочной стоимости.

Немедленно после моего вступления в службу и после принятия на себя руководства Гохраном, я подверг подробному осмотру коронные драгоценности и убедился в том, что эти объекты сохранялись тщательно и в образцовом порядке.

В июне 1923 года все предметы были вынуты из ящиков и футляров и помещены на большую подставку для того, чтобы быть сфотографированными во всей их массе. Блеск и сияние на солнце разноцветных драгоценных камней представляло собой картину исключительной красоты. Случайно в Москве находились представители французской ювелирной фирмы, которые имели в виду покупку драгоценных камней. Так как так называемого «готового товара», т. е. драгоценных камней вполне подготовленных к продаже, не имелось, а следовательно французам нечего было показывать, то решено было показать им, по крайней мере, коронные драгоценности. Оба француза осмотрели коронные драгоценности и единогласно заявили, что они не имеют ни малейшего интереса в приобретению подобных предметов. Обычно покупатель на рынке считается только с рыночной ценой камня. Исходит ли камень из императорской короны или с кольца обыкновенной гражданки — для покупателя совершенно безразлично. Даже, наоборот, камни старой гранки (например, камни 18-го столетия) приходится продавать с большим трудом и весьма часто их удается продать лишь после того, как они подвергнутся перешлифовке согласно требованиям современной моды.

Осенью 1924 года английская финансовая группа обратилась

в торговое представительство в Лондоне и заявила, что она согласна купить товара на сумму нескольких миллионов фунтов стерлингов. Так как в распоряжении Гохрана готового к продаже товара не было, то была сделана попытка выяснить, не купить ли эта группа коронные драгоценности. Но группа ответила, что она к коронным драгоценностям никакого интереса не имеет, и желает приобретать исключительно обычный рыночный товар.

Вследствие этого, надо думать, что коронные драгоценности вероятно и по сей день в большинстве своем являются нетронутыми. Ныне коронные драгоценности хранятся в Государственном Банке в Москве, в особых стальных шкафах, за толстым стеклом, и изредка показываются, в виде особого одолжения, приезжающим знатным иностранцам.

Драгоценные камни и жемчуга

Кроме коронных драгоценностей, о продаже которых не могло быть речи, в Гохране находились также драгоценные камни и жемчуга, которые были конфискованы вследствие революционных событий у населения и в банках и которые теперь тщательно подготовлялись для продажи т. е. сортировались, взвешивались, регистрировались и оценивались.

Помещения, в которых происходила сортировка драгоценных камней (бриллиантов, изумрудов, рубинов, сапфиров и т. д.) и жемчуга, были строго отделены от других рабочих помещений Гохрана. Все рабочие, работавшие в этих помещениях, должны были при окончании работы, до ухода со службы, раздеваться совершенно донага, причем они подвергались самому тщательному досмотру. Несмотря на это, все же иногда происходили незначительные кражи. Так, например, однажды при моем осмотре Гохрана, мне предъявили два крупных плоских изумруда, на которых были выгравированы изображения святых. Эти камни были найдены под ковриком, лежавшим у выходной двери. Было ясно, что вор присвоил себе изумруды для того, чтобы в удобный момент незаметно подложить их под коврик, в надежде, что ему как нибудь удастся вынести их из здания. Но вследствие чрезвычайно строгого и в данных условиях абсолютно необходимого контроля, это его намерение было предупреждено.

В Гохране камни подвергались прежде всего грубой сортировке со стороны ювелиров, служивших при Гохране. Бриллианты, сапфиры, изумруды, рубины, жемчуга, следовательно, прежде всего распределялись на соответственные группы, а затем отдельные группы уже подвергались тщательной

экспертизе. Драгоценные камни и жемчуга сообразно своей величине, цвету, отсутствию пороков и прочим рыночным свойствам тщательно сортировались и складывались в особые запечатанные железные ящики. Особенно затруднительным представлялась сортировка жемчуга, коего имелось громадное количество как раз самых худших сортов. Можно с уверенностью утверждать, что вряд ли где бы то ни было существовало такое скопление драгоценных камней и жемчугов, наилучших и наихудших сортов, как в Москве, в начале 1923 года, перед тем как начались крупные продажи.

Сортировка совершалась в маленьких помещениях, в которых, кроме ювелиров, сортировавших камни, также присутствовали по два так называемых «глазных работника». Дело этих двух служащих заключалось исключительно в том, чтобы зорко следить глазами за тем, чтобы ни один камешек не пропал.

Церковные книги

При осмотре Гохрана я в одном из зал заметил рабочего, сбивавшего серебряные оклады со старинных церковных книг. Я осмотрел одну из книг, это была старинная церковная книга конца 17-го столетия, и я спросил рабочего, на каком основании он сбивает серебряный оклад с этой книги. Он ответил мне, что делает это по определенному поручение начальника Гохрана и что он этой работой занимается уже месяцами. Конечно, эти оклады весьма тонки, но так как церковные книги имеют большой формат, а ему пришлось сбивать уже много таких окладов, то в результате этим добыто уже изрядное количество серебра.

Русское церковное искусство в общем не стояло на очень высоком уровне. Изготовлявшиеся обычно из серебра иконные ризы и обиходные церковные сосуды не представляли собою высоко художественных изделий. Все же, именно оклады церковных книг были изготовляемы с особенной любовью наилучшими ремесленниками того времени. Весьма часто в эти оклады были вделаны цветные медальоны из эмали с изображениями святых и др. церковных сюжетов, сбивание таких окладов с церковных книг во всяком случае было вандализмом, который не должен был иметь места ни при каких условиях. Стоимость серебра, полученного от переплавки такого серебряного оклада, была ничтожна и не стояла ни в каком соответствии с той ценностью, денежною или антикварною, которую представляла из себя церковная книга в старинном неповрежденном серебряном окладе.

Иконы

В некоторых других помещениях Гохрана я нашел ряд женщин, снимавших жемчуг, зерно за зерном, со старинных жемчужных иконных риз. Причем эти ризы состояли не из драгоценного отборного жемчуга, а из простого дешевого речного жемчуга, так называемого «бурмитского зерна». Женщины снимали отдельный жемчужины, очищали, сортировали и нанизывали их, сообразно величине, на отдельный нитки. Эти нитки предполагалось потом продавать. Таким образом были уничтожены сотни икон, из них очень много 18-го века и большое количество икон 17-го века. Правда, жемчужные иконные ризы, в большинстве своем, не имели высокой художественной ценности, но во всяком случае это были предметы трогательного благочестия, изготовленные всегда чрезвычайно тщательно, а иногда и высокохудожественно. Уничтожение этих икон являлось недопустимым со всех точек зрения, так как путем продажи дешевого ручного жемчуга, за вычетом стоимости этой работы, получались смехотворно низкие с бюджетной точки зрения суммы, между тем как религиозные, антикварные и подчас высокохудожественные ценности безнадежно и окончательно уничтожались.

Борьба с начальником Гохрана

Возмущенный этой бессмысленной работой и с твердым решением сделать все, чтобы положить конец этому вандализму, я имел краткий разговор с начальником Гохрана, тов. Никифоровым, рабочим лет 45-ти, заслуженным членом партии, с большим политическим прошлым. Он посмотрел на меня с нескрываемой ненавистью и ответил на мой вопрос, почему происходят подобные вещи, просто:

— Это происходит потому, чтобы уничтожать церковное имущество. Вот почему. Вот моя цель.

Я понял уже после этих нескольких слов, что разговаривать с этим человеком совершенно безнадежно и поэтому издал письменное распоряжение на имя начальника Гохрана, в коем предложил ему немедленно-же приостановить «работу по срыванию серебряных окладов со старинных церковных книг» и взамен этого приступить к исполнению гораздо более срочных указанных мною работ.

На следующий день после получения этого распоряжения Никифоров явился к моему коллеге Шлейферу и возмущенно

жаловался ему по поводу моих действий. Шлейфер меня вызвал и Никифоров сказал мне прямо в лицо:

— Я даже и не подумаю исполнять ваших распоряжений. Ваше распоряжение явно контр-революционное. Я сам бывший министр-президент Дальне-Восточной Республики и не позволю, чтобы человек, стоящий вне партии, мне что-либо предписывал.

Шлейфер указал ему в моем присутствии на то, что Сокольников вызвал меня из за границы в Москву в виду того, что я благодаря моим финансовым и прочим знаниям несомненно способен рационально провести классификацию и реализацию находящихся в Гохране ценностей.

Я попытался затем убедить Никифорова, в самой вежливой форме, в правильности моего распоряжения. Я сказал ему, между прочим, что церковная книга, вырванная из оклада, почти ничего не стоит, во всяком случае стоит неизмеримо меньше, чем если бы она была в окладе. Я указал ему и на то, что в Москве на Никитской улице имеется лавка, в которой совершенно официально и с разрешения советского правительства продаются церковные сосуды нового изготовления для православной церковной службы. Если советское правительство, следовательно, ведя борьбу против религии, не считает необходимым запрещать верующим покупку новой церковной утвари, то ведь вполне естественно, что церковная утварь 17, 18 и 19 столетия, поскольку она еще не повреждена, должна быть тщательно сохранена хотя бы для того, чтобы возможно было впоследствии употребить таковую в качестве предмета продажи православным религиозным общинам. Во всяком случай, как бы то ни было, уничтожение этих предметов, даже и с чисто бюджетной точки зрения, является прямым преступлением. Никифоров злобно посмотрел на меня и сказал мне:

— Так, так! Вы значит заявляете, что ежели церковные книги вырвать из переплетов, то они ничего больше не стоят. Прекрасно. Очень хорошо. Отныне я буду вырывать все церковные книги из переплетов. Серебряные переплеты немедленно переплавлю, а церковные книги буду шинковать.

Я ответил ему, что я не религиозный человек и не принадлежу к какой либо религиозной общине, поэтому совершенно ошибочно предполагать, чтобы я, делая мое распоряжение, руководился стремлением поддерживать какую-либо определенную, в данном случай православную, религию. Дело идет совершенно о другом. У русского народа, как и у всех других народов, искусство впервые появилось в религиозной области. Все, что мы знаем о русском искусстве самых ранних времен, прямо или косвенно имело отношение к религиозному

культу: кафедральные соборы и монастыри, иконы и рукописные книги, книги печатные и серебряные оклады, ризы и облачения, епископский посох и митра, кресты и потиры, серебряные сосуды и шитье. Мною следовательно при издании этого распоряжения руководило лишь желание или, вернее говоря, сознание обязанности, сохранить в области русского искусства все то, что возможно.

Я, к сожалению, не мог переубедить Никифорова и дело представлялось безнадежным. Шлейфер объяснил ему, что он обязан или подчиниться моему распоряжение или принять на себя все последствия, ибо целесообразность моего распоряжения мною подробно обоснована. Никифоров удалился со словами:

— Что-ж, там видно будет, что нужно делать. Это распоряжение во всяком случай контр-революционное.

Когда Никифоров вышел, Шлейфер мне сказал:

— А я бы вам лучше предложил взять пока обратно ваше распоряжение. Вы все таки не забудьте, что Никифоров является очень старым и заслуженным членом партии и что он не только был министром-президентом Дальне-Восточной Республики, но и председателем Ревтрибунала и что к его голосу в партии особенно прислушиваются. Конечно, с вашей точки зрения, распоряжение ваше пожалуй совершенно правильно, но я не думаю, чтобы для вас имело смысл подвергнуться из за этого такой опасности.

Так как в скором времени, именно в начале поля 1923 года, я все равно должен был по служебным делам выехать за границу, то я заявил Шлейферу, что я моего распоряжения, как такового, обратно взять не могу, ибо с чисто деловой точки зрения я абсолютно прав, но что, конечно, я должен предоставить ему, намерен ли он провести мое распоряжение на деле или нет.

Церковное серебро

Как известно, советское правительство в 1922 году конфисковало все имущество русской церкви, заключающееся в серебряных сосудах, драгоценных церковных книгах, иконных ризах, и священнических облачениях. Было бы бесполезно в настоящее время спорить о том, представлялось ли это мероприятие необходимым или нет; во всяком случай, когда я прибыл в Москву, я стоял уже перед совершившимся фактом. Конфискованное церковное серебро, стекавшееся со всех концов России в Москву, в Гохран, поступало в таких громадных количествах, что пришлось освободить особое большое здание на Боровой улице для вмещения и хранения прибывающего церковного серебра. По сообщенному мне тогда приблизительному подсчету из всех углов и закоулков

необъятной Империи прибыло в Москву около 30.000 пудов церковного серебра. Несомненен факт, что большая часть этого серебра, в особенности церковная утварь, относившаяся ко времени после 1830 года, не имела никакой художественной ценности. Управление музеями (Главмузей) сделало все, что было в его силах, чтобы выделить из этого огромного количества церковного серебра наиболее ценные с музейной, художественной или чисто исторической точки зрения предметы. Директор Эрмитажа проф. С. Н. Тройницкий устроил из конфискованного церковного серебра замечательную и весьма ценную с художественной точки зрения выставку в залах Эрмитажа. И в Оружейной Палате в Москве — музее чрезвычайно богатом серебром — был устроен новый отдел специально для церковного серебра. Это собрание содержит особенно ценные и характерные для русского искусства предметы, в особенности из Соловецкого монастыря и других старинных монастырей.

Далее следует признать с удовлетворением, что художественные, исторические или музейные ценности вряд ли погибли с конфискованием церковного серебра. Напротив, серебряные церковные сосуды, которые столетиями лежали в ризницах или в сокровищницах отдельных церквей, таким путем увидали свет и стали доступны для науки и искусства. Правда, конфискованные церковные сосуды и ризы иногда прибывали в Гохран в совершенно невероятном состоянии. Я сам видел, как открывались ящики, в которых серебряный ризы, по объему своему не входившие в ящик, были вложены просто согнутыми в два или даже в четыре раза. Отдельные вещи лежали одна на другой безо всякой прокладки: не было ни бумаги, ни соломы, ни другого упаковочного материала. Часто в серебряные церковные потиры были вделаны наивные, но не лишенные интереса с художественной точки зрения эмалевые медальоны. Эти медальоны в большинстве случаев были превращены в осколки или сильно помяты и стоимость потира вследствие этого понижалась до минимума. В эти же ящики одновременно были вложены и ценные церковные книги в серебряных окладах, также снабженные эмалевыми медальонами, которые часто при распаковке ящиков оказывались превращенными в осколки. В некоторых случаях, как мне сообщали музейные служащие, как раз раздавленные и согнутые предметы или ризы представляли собой наибольший интерес и в таких случаях музею приходилось эти разбитые и согнутые предметы и ризы опять выгибать, исправлять и вновь приводить в первоначальное состояние.

Передача музейного серебра Оружейной Палате в Москве

После кратковременной работы в Гохране, я установил, что некоторое время тому назад представителями главного музейного управления уже был отобран ряд серебряных предметов для музеев, передача каковых, однако, все затягивалась под всякая рода предлогами.

Это музейное серебро находилось в Гохране. Я снесся с Наталией Ивановной Троцкой (женой военного комиссара Льва Троцкого), которая в то время стояла во главе всех музеев, и она обратилась в валютное управление с письменным требованием о выдаче означенного серебра Оружейной Палате. Чтобы дать представление о том громадном художественном и музейном богатстве, которое собралось в Гохране, я замечу, что серебро отобранное музеями весило более 400 пудов. Я дал затем Гохрану письменное предписание о немедленном перевозе музейного серебра в Оружейную Палату.

Оружейная Палата, учрежденная в 17-м веке московскими царями, помещается в Кремле и ныне представляет собой несомненно самый богатый музей в мире в отношении старинного серебра. В ней помещаются также чудные и весьма своеобразные собрания старинных тканей и парчи.

Транспорт серебра был произведен под военной охраной и Оружейная Палата должна была принять серебро от представителей Гохрана. Приблизительно дня три спустя после прибытия серебра в Оружейную Палату я был срочно вызван в Кремль, где директор Оружейной Палаты сообщил мне, что представители Гохрана отказываются выдать Палате некоторые предметы. Оказалось, что начальник Гохрана т. Никифоров приказал тем двоим служащим, которые должны были произвести передачу серебра Оружейной Палате, выдать ей только по одному экземпляру одинаковых вещей. Никифоров был того мнения, что этого для музеев вполне достаточно. Так что, если, например, Оружейной Палате должна была быть передана пара характерных или художественно-выдающихся серебряных канделябров, то его подчиненные имели поручение передать музею только один канделябр, между тем как другой должен был быть вновь водворен в Гохран.

Так как я собирался вскоре выехать за границу и прекрасно знал отношение Никифорова к музеям, то я не счел возможным просто приказать служащим Гохрана, не исполнять приказа их непосредственного начальника. Так как передача столь громадного количества серебра, связанная с составлением особых актов по отдельным предметам, должна была продлиться нисколько недель, то я предложил служащим Гохрана, чтобы они поместили все предметы, передача коих Оружейной Палате

покажется им спорною, другими словами все так называемые «одинаковые» предметы, в особые ящики, которые я назвал «спорными» ящиками. Я объяснил им, что после моего возвращения из за границы я лично вновь осмотрю все спорные предметы и тогда сообща решим вопрос на месте.

Когда в октябре 1923 года я вернулся в Москву и вошел в Оружейную Палату, то нашел там три огромных ящика со спорными серебряными предметами. Я призвал моих помощников из Гохрана и прочел им короткую инструктивную лекцию о значении художественного ансамбля: речь шла в особенности о передаче Оружейной Палате шести громадных серебряных люстр 18-го века из церкви в Филях под Москвой. Я им указал, что считаю передачу Оружейной Палате всех спорных вещей, как с музейной так и с художественной точки зрения, абсолютно необходимой. Я им одновременно разъяснил, что совершенно независимо от приведенных музейных и художественных мотивов, возврат спорных предметов Гохрану не имеет ни малейшего смысла, так как продажа старинного русского церковного серебра 18-го века возможна лишь по цене чуть-чуть превышающей стоимость самого металла в оплавленном виде. Ибо на иностранном рынке почти вовсе не существует никакого спроса на русское серебро, между тем как внутреннего рынка для серебра не существует, а для церковного серебра и подавно. Несколько спорных вещей, которые для Оружейной Палаты не представляли особого интереса и на передаче которых директор Оружейной Палаты и не настаивал, я распорядился возвратить Гохраиу. Я затем спросил присутствующих, протестует ли кто-либо против передачи всех остальных спорных предметов Оружейной Палате, но никто не заявил протеста. В виду этого я формально передал спорные предметы Оружейной Палате. Этим путем был избегнут ненужный конфликт

Эпизод

Среди массы ежедневных событий я хочу отметить здесь лишь следующий характерный эпизод.

Однажды в мой кабинет явился курьер и доложил мне: «протоиерей Марсов вас желает видеть». Я велел просить. Вошел высокий худощавый человек средних лет, одетый не как священник, а как частное лицо в длинное желтое непромокаемое пальто.

— Это вы будете начальником валютного управления?

— Да, пожалуйста присядьте.

— Я пришел к вам с письмом митрополита Антонина. Я уже был у начальника Гохрана, тов. Громадского, но он послал меня к вам. Мы нуждаемся в епископском облачении. Вы не думайте, мы не хотим иметь его даром, мы вам за это заплатим. Конечно, мы не можем купить драгоценного облачения из золотой парчи. Мы хотим иметь простое дешевое облачение. Ведь у вас в Гохране имеется много священнических и епископских облачений и я бы хотел одно из них себе выбрать.

Действительно, при секвестре церковного имущества вместе с церковным серебром были конфискованы из ризниц также и многие церковные облачения.

Лично я не видел причины, почему желание митрополита не могло быть исполнено, тем более, что в Москве, на Никитской улице, в особой лавке, совершенно открыто продавались новые церковные сосуды и новые церковные облачения. Все же я телефонировал заместителю начальника Гохрана Громадскому и спросил его, почему он направил ко мне священника.

— Видите ли, по моему мнению, это политическое дело, ведь мы до сих пор никому не выдавали ни единого церковного облачения и ни единого церковного сосуда. Если вы мне прикажете, то я облачение выдам, но без вашего ордера я этого не сделаю. Я бы на вашем месте также не брал на себя ответственности.

— Хорошо, я вижу, что выдача облачения является принципиальным вопросом и поэтому я представлю это дело на разрешение высшей инстанции.

Я ответил священнику, что я лично не вижу препятствий к исполнению желания митрополита. Но дело это является принципиальным вопросом, так как к Гохрану с подобной просьбой еще не обращались и так как до сих пор ни церковных сосудов, ни облачений никому еще не выдавалось. Я поэтому представлю это дело соответственной высшей инстанции и постараюсь добиться положительного принципиального решения по этому вопросу.

Священник казался удовлетворенным тоном моего ответа и сказал, что он его передаст митрополиту. Он благодарил меня за любезный прием и заявил, что вполне понимает, что при данных условиях исполнение его желания должно быть отложено до принципиального решения высшей инстанции.

Я переговорил по этому вопросу с моими коллегами, но не встретил благоприятной почвы.

Мне настоятельно советовали не вести принципиальной кампании в пользу такого деликатного и безнадежного дела. Продажа или выдача конфискованного церковного имущества

несомненно имеет политический характер и высшая инстанция несомненно по самым различным причинам откажет в принципиальном своем согласии.

Я должен был примириться с обстоятельствами. Желание митрополита осталось неисполненным.

Глава восьмая
Поездка в Петербург — Монетный Двор — Регистрация документов, изъятых в сейфах — Петропавловская крепость — Музеи

2-го июня 1923 года я, по служебному поручению, выехал в Петербург. Поезд из Москвы в Петербург был превосходный и имел в своем составе международный спальный вагон. По приезде в Петербург я отправился в Европейскую гостиницу, которая производила совершенно европейское впечатление. После нескольких лет, в течение которых она была закрыта, она опять была наспех отделана; стол и прислуга были безупречны.

Монетный Двор

В Петербурге я прежде всего поставил себе задачей осмотреть Монетный Двор, находящийся внутри Петропавловской крепости. Впечатление, которое производил Монетный Двор, было благоприятно. Здание и все оборудование Монетного Двора, конечно, были в состоянии, требующем общего ремонта, но средства, имевшиеся для этой цели у Монетного Двора, были чрезвычайно малы, так что приходилось ограничиваться лишь самыми необходимыми исправлениями.

Монетный Двор возобновил свою деятельность лишь в конце 1921 года при весьма неблагоприятных условиях, после того как он в течение нескольких лет был совершенно закрыт. Монетный Двор находился под управлением инженера Г., бывшего долголетнего ответственного служащего Монетного Двора.

Коренной состав рабочих состоял главным образом из бывших рабочих Монетного Двора. Многие рабочие оставили Петербург в голодные годы 1918-21, но после открытия Монетного Двора охотно возвратились к обычному своему труду. Работа на Монетном Дворе велась как рабочими, так и служащими ревностно и добросовестно, и я вынес впечатление, что налицо имеется энергичная рука, которая управляет предприятием с решительностью и со знанием дела.

Монетный Двор в то время главным образом занимался тем, что переплавлял поступающее из Москвы и накоплявшееся в

Петербурге серебро и превращал таковое в слитки чистого серебра. Кроме церковного серебра переправлялось также и прочее конфискованное серебро (предметы обычного употребления, столовое серебро, серебряная утварь, столовые сервизы, ковши, блюда, вазы и т. д.). Серебро, предназначенное к переплавке, было нагромождено в нескольких камерах вблизи плавильного помещения. В самой большой камере серебро было нагромождено до потолка. Я взял несколько предметов на пробу и убедился в том, что ни один из этих предметов не имел художественной или музейной ценности. Правда, там имелись кое-какие предметы и второй половины 18-го века, в особенности среди церковного серебра, но при данных обстоятельствах было невозможно спасти предмет от переплавки лишь по той причине, что он относится к 18-му веку. Все же мне хотелось избежать всякой возможности того, чтобы при переплавке погиб какой бы то ни было предмет, ценный с художественной, исторической или музейной точек зрения. Поэтому я, по соглашению с музейным управлением в Петербурге, распорядился о том, чтобы представители главмузея были уполномочены осматривать серебро, предназначенное к переплавке, в соответственных камерах Монетного Двора, при чем им предоставлялось право изъятия из переплавки любых предметов по их выбору, в общей сложности, однако, не свыше 3 процентов общего веса предполагаемого к переплавке серебра. Отобранные вещи должны были быть, по изъятии их из общей массы серебра, передаваемы Монетному Двору для дальнейшего подробного осмотра.

С мыслью, что при этой переплавке могли погибнуть некоторые не очень ценные церковные предметы, относящиеся к 18-му веку, приходится примириться. Что при этом одновременно погибло громадное количество серебряных предметов второй половины 19-го века, это факт, о котором, однако, можно говорить без особого сожаления. Являлось неизбежным, что в некоторых случаях переплавлялись и серебряныя отливки середины 19-го века (охотничьи сцены, изображения всадников и животных), имевшие большой вес (порою до 10 пуд.) и изготовленные ремесленным образом, без должного художественного вкуса. Все обычные подарки на память или по случаю свадьбы, все сувениры и разные предметы, излюбленные в офицерских собраниях, фигуры всадников; кубки, чаши и т. д., все подарки поднесенные русскими общинами императорам Александру II, Александру III и Николаю II к восшествию на престол, все эти предметы второй половины 19-го века свидетельствовали чаще всего о невероятном отсутствии вкуса. То, что такие вещи переплавлялись, с художественной точки

зрения вряд-ли представляет собою потерю.

Несомненно сделано было все, чтобы предотвратить переплавку художественно ценных и интересных с музейной точки зрения предметов, и можно утверждать с уверенностью, что таковые не погибли.

Кроме церковного и частного серебра, Монетный Двор переплавлял также и старинные, русские и иностранные монеты, посылаемые ему из Гохрана. И в этом смысле озаботились о том, чтобы не подверглись переплавке редкие или драгоценные монеты. В Гохране работали два нумизмата, имевшие задачей осматривать отдельные ящики с серебряными монетами и выискивать драгоценные монеты.

Монетный Двор чеканил тогда, летом 1923 года, серебряные монеты в 1 рубль и 50 копеек, которые ни с технической, ни с художественной точки зрения не стояли на высоте. На лицевой стороне монеты имелась советская звезда и означение стоимости монеты, на оборотной стороне девиз «Пролетарии всех стран, соединяйтесь» и герб Р. С. Ф. С. Р. (серп и молот).

Для того чтобы провести в жизнь новую золотую валюту — червонец — рационально и с успехом, нужно было подготовиться к тому, чтобы ввести в обращение громадное количество серебряной монеты. Малое количество серебряной монеты, согласно данным опыта, привело бы лишь к тому, что монеты навсегда исчезли бы из обращения. Монетный Двор в Петербурге работал хотя и с чрезвычайной напряженностью, но не был в состоянии поставить необходимого количества серебряной монеты. Пришлось напрячь всю энергию для того, чтобы повысить производство, пришлось даже сдать изготовление части потребной монеты иностранному монетному двору.

С другой стороны я стремился, с введением новой валюты, прекратить чеканку незначительной серебряной монеты, изготовлявшейся до сих пор, и создать в скорейшем времени новую монету, стоящую как в техническом, так и в художественном отношениях на более высоком уровне.

Мои переговоры с правлением и с техниками Монетного Двора имели поэтому в виду обследовать все средства и возможности для повышения производства, а также выяснить с технической стороны вопрос о чеканке новой монеты. Для выработки художественного проекта новых монет я считал наилучшим решением объявление конкурса.

Работа в Монетном Дворе требовала, конечно, строгого контроля занятых на нем рабочих. И здесь рабочие подвергались ежедневно, при оставлении Монетного Двора, самому тщательному телесному осмотру. Я хочу упомянуть тут о факте,

который кажется совершенно невероятным. Бросилось в глаза, что один молодой рабочей на Монетном Дворе стал чувствовать себя со дня на день хуже, потерял здоровый цвет лица и стал с каждым днем сереть в лице. Это совпало с ежедневным исчезновением серебряной монеты. Подозрение пало на этого рабочего. Он был арестован и обыскан, причем было установлено, что в момент ареста у него было скрыто в прямой кишке 52 серебряных полтинника. Он начал с нескольких монет, постепенно тренировался и в конце концов добился того, что ему удавалось похищать ежедневно около 50 монет, т. е. около 25 рублей.

Регистрация документов, изъятых из сейфов

Кроме Монетного Двора, я осмотрел в Петербурге Пробирную Палату, местное Управление Сберегательных Касс, Государственную Типографию для изготовления государственных бумаг и денежных знаков (т. н. Гознак), а также особый отдел для регистрации и исследования документов, изъятых из сейфов.

Приведу здесь лишь несколько данных об этом особом отделе. Сейфы банков в Москве и Петербурге были закрыты 14 декабря 1917 года, при чем, согласно соответственному декрету, все предметы из платины и золота, весь драгоценный металл в слитках, все драгоценные камни или жемчуг, вся иностранная валюта и т. д., найденная в сейфах, конфисковались в пользу государства.

Владельцы сейфов должны были явиться в определенные, опубликованные в газетах, дни в соответственные банки со своими ключами и открывать сейфы для осмотра содержимого таковых. Найденные в сейфах ценные объекты немедленно вынимались и конфисковывались, между тем как остальные вещи (акции, документы, письма и т. д.) оставались в данных сейфах. Русские денежные знаки (царские деньги, «думские» и «керенки») также вынимались из сейфов, но не выдавались владельцам сейфов на руки, а лишь записывались в кредит его счета в банке.

Только частные бумаги, письма и такие документы, которые не имели никакой имущественной ценности, должны были быть выдаваемы владельцам. Большинство владельцев сейфов, находившиеся к означенному времени в Москве или Петербурге, действительно явились в банки, сейфы были вскрыты в их присутствии, ценные предметы удалены, но частные бумаги не были выданы владельцам немедленно после вскрытия сейфов, так как при чрезмерности работы подробный осмотр таковых был в то время невозможен. Много владельцев сейфов спаслось бегством;

многие пали во время войны, многие были арестованы, короче говоря, имелось большое количество сейфов, оставшихся не вскрытыми вследствие непоявления их владельцев. После некоторого срока и эти сейфы были насильственно вскрыты.

Частные бумаги и документы, найденные в петербургских сейфах, подвергались осмотру и обследованию Особого Отдела с начала 1923 года. При конфискации сейфов было упущено вынимать частные документы одновременно с ценными предметами и соответственно их регистрировать.

Бумаги эти только по истечении долгого времени были вынуты из сейфов в отсутствие владельцев и без всякого разбора упакованы все вместе в большие ящики. При этом насильственно вскрывались не только те сейфы, владельцы которых не явились на первоначальный вызов, но и те сейфы, кои раз уже были вскрыты и из коих ценные предметы уже были вынуты. Так как среди вынутых бумаг находились не только аннулированные русские акции, потерявшие всякую ценность, но и иностранные акции и государственные займы, полностью сохранившие ценность, то в начале 1923 года решено было приступить к подробному осмотру и обследованию таковых.

Все бумаги должны были быть разделены на три группы: во-первых, документы имущественного характера, например, купчие на дома или другие недвижимости, закладные, акции, государственные займы и т. д.; во-вторых, документы академического характера, научные, литературные или музыкальные манускрипты, автографы и т. д. и в третьих — бумаги чисто личного характера, письма, акты, заметки, фотографии, дипломы, удостоверения, свидетельства, метрические свидетельства, брачные свидетельства, свидетельства о смерти и т. д. Эти документы чисто личного характера должны были быть выдаваемы владельцам, поскольку еще таковые находились в советской России, совершенно свободно, между тем как имущественные документы должны были остаться в пользу государства.

Что касается манускриптов, то должно было иметь место особое обследование. Если рукописи представляли собой музейную или другую значительную ценность, то они оставлялись в пользу государства, в противном-же случае они могли быть выданы владельцам.

9-го июня 1923 года я ознакомился с работою этого Особого Отдела в Петербурге. Она производилась несколькими служащими, стоявшими перед довольно затруднительной задачей. С одной стороны, служащие должны были регистрировать документы по их владельцам, а с другой стороны,

они должны были одновременно вносить их в одну из трех вышеназванных групп.

Помимо того, что из многих документов абсолютно нельзя было усмотреть, кому они принадлежат или откуда они происходят (эти документы, конечно, поневоле опять должны были возвратиться в те же самые болыше ящики), очень многие документы были составлены не только на русском, но и на иностранных языках. Так, например, один из служащих, очень добросовестный человек, желавший выполнить свой долг наилучшим образом, показал мне итальянский документ и итальянскую переписку, из которой было видно, что владелец этого сейфа вызвал итальянского офицера, по мотивам ревности, на дуэль. Он спросил меня, в какую группу он должен внести этот документ. Я ответил ему:

— Конечно, в третью группу, в группу частных бумаг. Почему вы меня об этом спрашиваете?

— Да видите ли, мы понимаем, пожалуй еще, по-английски, по французски, по немецки и по польски, но что касается итальянского языка, греческого, армянского, еврейского и массы других языков, на коих иногда оказываются составленными бумаги, согласитесь, что мы не можем их регистровать нашими средствами. Мы такие документы просто должны откладывать пока в сторону.

Все же Особый Отдел сделал довольно много: бумаги владельцев сейфов некоторых петербургских банков были уже классифицированы по своим владельцам, между тем как большинство документов, правда, еще лежало неразобранными в ящиках и корзинах. Это во всяком случае было сизифовым трудом на многие годы.

Петропавловская крепость

Монетный Двор, как уже упомянуто, находился в Петропавловской крепости, и я воспользовался случаем осмотреть крепость. Отдельные бастионы этой крепости в течение уже двух веков — с самого начала постройки крепости в начале 18-го века — служили в качестве темниц, как страшное, закрытое для воздуха и солнца, место заключения политических пленников. Я осматривал Трубецкой бастион, в котором было заключено в течение последних десятилетий множество борцов за свободу и который ныне стоял пустым, после того как советское правительство в первые годы своего существования также заключало туда своих политических противников.

Согласно старой традиции, ровно в 12 часов дня, пушечный выстрел с Петропавловской крепости извещал население Петербурга о наступлении полудня. Я поднялся на крепостную стену к тому месту, где стояла эта пушка, и оттуда насладился в первый раз тою чудной картиной, которая открывалась на широкую Неву с крепостных валов, расположенной на острове, Петропавловской крепости. Это было 5 июня 1923 года, в ясный и прохладный летний день. Панорама, открывавшаяся моим глазам, представляла собой один из самых прекрасных городских видов, существующих в мире. Как раз напротив длиннейшая набережная с рядом дворцов, направо вдали античное здание биржи с тонкими линиями Дворцового моста, слева Троицкий мост, а перед глазами широкая синяя лента Невы. Я помню хорошо, что на громадном доступном глазам водном пространстве имелась только одна единственная лодка. Кроме нее на воде не было ничего. Это внушительно свидетельствовало о тогдашнем положении Петербурга.

Сам Петербург, основанный в 1703 году, один из самых красивых городов в Европе, производил впечатление спящего гиганта. В противовес чрезвычайно оживленной и кишащей людьми Москве, Петербург был мертвым городом. Я имел в моем распоряжении автомобиль и изъездил город по всем направлениям. Я поехал в Крестовский парк и на Стрелку, далеко выдающуюся в Финский залив. Всюду тихое раздумье и сон. Чудные парки прекрасно сохранены, но несколько одичали, и в этом одичании может быть было еще больше привлекательности, чем прежде.

Я выехал также в Детское Село (прежде Царское Село) в русский Версаль — и осмотрел прекрасный Екатерининский дворец и парк. Дворец был в прекрасном состоянии и находился под тщательной охраной, все было нетронуто и дышало еще изысканным вкусом 18-го века. Оттуда я пешком через парк пошел в Павловск. Парк также был нетронут, но город был в худшем состоянии, чем прежде.

Музеи

Во время моего пребывания в Петербурге я воспользовался случаем осмотреть Эрмитаж под руководством его директора С. Н. Тройницкого. Работа, совершенная в Эрмитаже в течение пяти кратких лет после революции, была поистине изумительна. Несмотря на скудные средства, находившиеся в распоряжении Эрмитажа, дирекция Эрмитажа не только провела в некоторых

частях самого Эрмитажа новую перегруппировку выставленных предметов искусства с новых точек зрения, но кроме того превратила прилежащий к Эрмитажу Зимний Дворец некоторым образом в музей. Торжественные залы и исторические помещения Зимнего Дворца продолжали существовать, как таковые, но в то же время многие другие комнаты, граничащие с Эрмитажем и соединенные с ним путем закрытой галереи, нашли применение в качестве новых зал для выставки картин. Эти новые залы, в коих кроме картин была помещена и изысканная мебель соответственного времени, представляли собой привлекательную картину.

Я подверг особенно внимательному осмотру недоступное еще тогда для публики выдающееся собрание драгоценных золотых табакерок 18-го века, украшенных часто бриллиантами.

Я осматривал также и «Русский Музей» (бывший музей Александра III) и там также должен был констатировать надлежащее понимание и чрезвычайную добросовестность работы.

Глава девятая
Посещение моей прежней квартиры в Петербурге — Жилищные затруднения в Москве — Гостинница Савой — Сыск и надзор — Цензура писем

Посещение моей прежней квартиры в Петербурге

Когда я уехал из Петербурга 2 марта 1919 года, я оставил мою квартиру на попечении моей умершей впоследствии сестры и ее мужа. Квартира моя была скромна и мала, но я коллекционировал предметы искусства в течение многих лет и в моей квартире имелось старинное серебро, фарфор, старинная медь, старинные ткани, слоновая кость, ковры и картины. Предметы эти в большинстве были объектами русского искусства, за исключением серебра, среди которого у меня имелось несколько избранных предметов германского серебра 16 и 17 века. Я тщательно упаковал наиболее ценные мои книги и предметы искусства в два больших ящика, каковые и оставил в квартире. Так как я уехал из России по служебному поручению, то квартира моя получила охранное свидетельство и не подлежала какой бы то ни было конфискации.

Летом 1919 года моя сестра и ее муж однако были вынуждены уехать из моей квартиры и оставить Петербург, так как нужда в жизненных припасах стала совершенно невыносимой. Так как я был в отсутствии, то квартира моя осталась безо всякого попечения. Дворник дома сообщил об этом местному совету, а совет стал на ту точку зрения, что я являюсь буржуем, удравшим за границу, хотя ему официально было известно, что я отправился за границу по служебному поручению. Брат мой, проживавший еще в Петербурге, прилагал все старания, чтобы предотвратить конфискацию квартиры, но ничего добиться не мог. Все без исключения предметы искусства, ковры, картины и названные оба ящика были вынесены из квартиры и предоставлены в распоряжение совета, между тем как мебель осталась в квартире. Сама квартира была предоставлена в пользование трем различным жильцам.

Когда я приехал в Петербурга летом 1923 года, я прекрасно знал, что моя квартира конфискована и что я там более ничего не найду. Все же я не мог подавить в себе желания вновь увидеть квартиру, в которой прожил много лет, и поэтому отправился на автомобиле на Васильевский остров, где находилась моя прежняя квартира. Весь Васильевский остров, в особенности же его более отдаленные улицы, производили еще более печальное впечатление, чем центр города. Я подъехал к дому на автомобиле, что само по себе уже было событием в этой тихой улице.

Перед домом стоял дворник, который был главным подстрекателем конфискации моей квартиры. Я подошел к нему с прямым вопросом:

— Вы узнаете меня?

Дворник, который был глубоко убежден, что я либо удрал, либо просто исчез с лица земли, думал, что перед ним стоит привидение. Он побледнел и сказал:

— Да, конечно, ведь вы же гражданин Л.

За мною мой шоффер, крепкого сложения матрос, сказал:

— Я шоффер с Монетного Двора, а это наш начальник.

Дворник съежился и сказал:

— В вашей квартире живет теперь матрос. Я вовсе не виноват, что вашу квартиру отняли. Я вовсе не говорил, что вы удрали или скрылись.

Я ответил ему сухо:

— Это теперь не важно. С кем мне нужно говорить?

Он указал мне квартиру, в коей помещался домовой комитет и исчез бесследно. В домовом комитете я встретил двух мужчин, которые иронически меня выслушали и только чрезвычайно неохотно согласились проводить меня в мою бывшую квартиру.

Мы вчетвером поднялись по черной лестнице в квартиру и постучали. Нас приняла женщина и я заявил ей, что являюсь бывшим владельцем этой квартиры и желаю говорить с ее мужем. После нескольких минут появился крепкий высокий человек и между нами произошел следующий разговор:

— Чего вы хотите?

— Я бывший владелец этой квартиры.

— А я нынешний владелец этой квартиры. Я прежде был матросом, а теперь изучаю право. Пожалуйте-ка в мою комнату, я вам покажу, кто тут владелец.

Затем он поискал в столе, нашел бумагу и ткнул мне ее в лицо.

— Вы поздновато пришли. Немного слишком поздно, на целый год опоздали. Я уже в мае 1922 года зарегистрован, как законный владелец этой квартиры и всей находящейся в ней

мебели. Вот вам. Что же вы, собственно, хотите? Кто вы такой?

Я вынул из кармана мое удостоверение и показал ему, какую должность я занимаю. Матрос стал мягче.

— Прекрасно. Ну пожалуйста. Вы видите, как дело обстоит. Если хотите, я вам охотно разрешу осмотреть квартиру.

Я смотрел вокруг себя в кабинете, мебель была еще прежняя, но в страшном состоянии. Я бы ее не взял, если бы мне ее подарили. Другой жилец жил в соседней комнате, которая была почти совершенно пустой: в комнате стояла только железная кровать и столь. Мебель, прежде находившуюся в этой комнате, увез с собой прежний жилец. Вдруг взгляд мой упал на высокую полку с книгами. Я видел, что она сплошь заполнена моей юридической библиотекой и спросил его:

— Скажите пожалуйста, а книги. Они тоже вам принадлежат?

— Нет, видите ли, книги еще не регистрованы. Но я как раз составляю опись и дам ее зарегистровать на днях. Должен признаться, ваша библиотека действительно очень хороша и содержательна. Она мне теперь чрезвычайно полезна при моем изучении права.

Я заметил в углу полки монографию известного русского художника Врубеля и сказал ему:

— Видите ли, вот лежит книга Врубеля. Ведь эта книга вас вряд ли интересует. Дайте мне ее пожалуйста на память.

На это он ответил резко:

— По моей доброй воле, вы ничего от меня не получите. Даже ни единой страницы этой книги. Ежели суд решит в вашу пользу, пожалуйте, тогда вы получаете всю квартиру, тогда я съезжаю, но иначе — нет. Но я советую вам подумать — при этом он мне подмигнул — я член Петроградского Совета Рабочих Депутатов. Вам пожалуй трудно будет выиграть в суде против меня дело.

Я ответил ему сухо:

— У меня нет ни малейшего намерения судиться с вами. Оставайтесь спокойно там, где вы находитесь.

Я уже хотел уйти. Вдруг я увидел, что на стене в углу висит маленькая картина. Я вспомнил, что это был итальянский пейзаж Щедрина 1819 года, представлявший небольшую ценность. Я сказал ему:

— Тут висит маленькая картина. Может быть вы согласитесь мне ее продать?

— Да нет, да помилуйте, что ж вы думаете? Ведь вся квартира и все то, что в ней есть, принадлежит мне только пожизненно, ведь это я имею только в пользование. Это вовсе не моя собственность. Я теперь хорошо понимаю, в чем разница. Вы только подумайте: я вам продам картину, а потом придет совет и

скажет: А ты куда, товарищ, дел картину? Нет, нет, я вам ее продать не могу.

Я холодно поклонился и повернулся, чтобы уйти.

Вдруг этот человек заградил мне дорогу:

— Скажите пожалуйста. Вы собственно для чего сюда пришли? Чего ж вы от меня хотели? Вы что-ж хотели пощупать пролетарскую душу, что ли?

— Изучение вашей души меня не интересует, для меня вы в данный момент не пролетарий, а гражданин такой то. Я просто хотел осмотреть квартиру. Я просил вас о книге Врубеля и я вправе был это сделать. А ваше дело было мне в книге отказать. Больше нам нечего друг с другом разговаривать. Дайте мне уйти.

Он еще раз всмотрелся в моего коренастого проводника, открыл дверь и дал мне уйти. Когда я спускался с лестницы, мой шоффер возмущенно кричал:

— Ведь это же сволочь. Ведь это же все ваше, ведь это же не евонное. Ведь ежели это было бы мое, то я бы ему всю рожу разворотил. Как же он мог вам отказать в паршивой книжке, когда весь шкаф вам принадлежит?

Я ему сказал:

— Успокойтесь. Эта книга не так важна, в конце концов безразлично — имею я ее или нет.

Все же вся эта сцена и ужасная картина запущения, найденная мной в квартире, подействовали на меня. Я должен был взять себя в руки для того, чтобы внешне сохранить спокойствие.

Жилищные затруднения в Москве

Вскоре после моего приезда в Москву я просил народного комиссара финансов Сокольникова, предоставить в мое распоряжение маленькую меблированную квартиру в две комнаты. Сокольников отдал соответствующее распоряжение начальнику административного управления тов. Герштейну. Было чрезвычайно трудно найти свободные комнаты и в конце концов нашли следующий выход. Народному комиссариату финансов принадлежал дом в Мертвом переулке, который был населен исключительно сотрудниками этого комиссариата. Во дворе этого дома стоял маленький флигель, вроде дачного дома, в четыре комнаты. Этот маленький дом был частично населен, но находился в таком запущенном и отчаянном состоянии, что о въезде в него вообще не могло быть и речи. Решено было произвести капитальный ремонт домика и меблировать его, а

затем из четырех комнат предоставить в мое распоряжение две. Работа плохо подвигалась и я поэтому все время должен был жить в гостиннице. Мои гостиничные счета еженедельно оплачивались комиссариатом финансов. 2-го июня комиссариат уведомил меня письменно, что квартира моя теперь вполне готова для въезда и что комиссариат, начиная с этого дня, прекратит уплату дальнейших гостинничных счетов. Так как я как раз в этот день, 2-го июня, уезжал в служебную поездку в Петербург, то я принял к сведении это сообщение и поручил моему секретарю М. позаботиться о том, чтобы квартира до моего возвращения из Петербурга была омеблирована и приведена в полный порядок.

13-го июня я приехал из Петербурга в Москву. На вокзале меня ждал мой секретарь М. с автомобилем. Я спросил его: — Куда мы теперь поедем? — В новую квартиру, в Мертвый переулок. — А вы уже были в квартире? — Нет — ответил М. Но там, конечно, все в порядке. Ведь квартира, как вам известно, уже две недели как готова.

Я хотя чрезвычайно сомневался в этом, но не выразил вслух своих сомнений. Мы с секретарем отправились непосредственно в квартиру.

Когда я приехал туда и хотел пойти через двор во флигель, ко мне навстречу вышел дворник и, смущенно почесывая затылок, сказал:

— Да, видите ли, сюда несколько дней назад въехал товарищ из «бужетного» отдела и взял ваши две комнаты. Я ему говорил много раз, что комнаты эти назначены для вас, начальника валютного управления, а он мне в ответь: эх чего там, я человек партейный, я просто возьму эти комнаты. Сказал и повесил свой замок на дверь.

Я спросил дворника: — А как же с остальными двумя комнатами?

— Да, видите ли, сказал он смущенно. Эти две комнаты, пожалуй для вас не подойдут.

Чтобы раз навсегда покончить с этим делом, я осмотрел эти две комнаты. Одна комната была прежней дворницкой, узкое помещение, получавшее свет из окна, расположенного почти у самого потолка. Пол комнаты еще совершенно не был готов, и плотник как раз занят был тем, что прибивал половые доски. Другая комната представляла собой маленькое помещение в уровень с землей, с окном на двор. Эта комнатка была закрыта и в ней помещалась кое-какая мебель бывшего жильца.

— А где же моя мебель? — спросил я дворника.

Добродушно улыбаясь, он посмотрел на меня и сказал:

— А мебели и нету-ти.

При этих условиях, конечно, мой въезд в квартиру при всем желании был невозможен.

Я возмущенно обратился к моему секретарю:

— Ведь я вам определенно поручил перед моим отъездом, чтобы вы позаботились о том, чтобы квартира была в порядке. Если бы вы имели малейшее понятие о дисциплине и о чувстве долга, вы бы заранее осмотрели квартиру и увидели бы, в каком состоянии она находится. Вы бы тогда не посмели ехать со мной сюда и отнимать мое время.

Мой секретарь бормотал какие-то извинения, а я приказал шоферу отправиться непосредственно в гостинницу Савой. Прибыв туда, я предъявил мои мандаты и просил о комнате для меня и моей жены. Швейцар ответил, что у него хотя имеется маленькая комната, но что он не может мне ее дать без прямого разрешения «Бюробина», т. е. «бюро по обслуживанию иностранцев». Это бюро находилось в народном комиссариате иностранных дел, в «Наркоминделе». Я поехал на том же автомобиле со всеми моими вещами непосредственно в Наркоминдел, отправился в Бюробин и объяснил там положение дела, заявив, что квартира предоставленная в мое распоряжение народным комиссариатом финансов, о полной готовности которой мне еще 2-го июня сообщено, фактически еще ныне, 13 июня, находится в таком состоянии, что плотник прибивает половые доски. В виду этого я потребовал свободной комнаты в гостиннице Савой. Бюробин дал мне соответствующий ордер и я действительно получил комнату. Комната в гостиннице Савой была хотя и мала и узка, но во всяком случай это было нечто лучшее, чем полуготовый ремонтирующийся дом. После этого опыта я уже не настаивал больше на получении квартиры в две комнаты. И действительно, она никогда более не была ни предложена, ни предоставлена в мое распоряжение.

Гостиница Савой — Сыск и надзор — Цензура писем

Уже много писалось о системе сыска в советской России, много преувеличенного и выдуманного. Конечно, надзор за политическим настроением населения несомненно чрезвычайно интенсивен, гораздо более интенсивен, чем в государствах, где форма управления существует уже давно. В особенности интенсивен этот политический надзор за красной армией, за составом государственных служащих, за специалистами («спецами») и за приезжающими в Россию иностранцами.

Во время моего последнего пребывания в Москве я проживал

более трех месяцев в гостиннице «Савой», одной из немногих гостинниц, предназначенных для приема иностранцев. Все гостинницы, предназначенные для иностранцев, находятся в ведении Бюробина, который представляет собой особый отдел при народном комиссариате иностранных дел. Состав служащих гостинницы Савой, так же как и всех других гостинниц Бюробина, одновременно находится также на службе у ГПУ и, кроме своих прочих служебных функций, должен осуществлять и политический и полицейский надзор за жильцами гостинницы.

Для жильца, проживающего в гостиннице Савой, гостинница представляется просто стеклянной клеткой. Час, когда жилец гостинницы ушел из дому, когда он вернулся, Когда он принял посетителей, как долго посетители у него находились и кто именно были эти посетители, все это точно отмечается. Надзор производится подчас в такой неловкой форме, что он прямо бросается в глаза. Бывает, например, что возвращаешься поздно ночью домой, усталый поднимаешься на лестницу, так как лифт уже не действует, сонный направляешься через полутемный корридор в свою комнату, и вдруг натыкаешься на «парикмахера» в белом кителе, плохо скрывающегося за колоннами. Конечно, невольно вздрагиваешь, потому что никто не ожидает в это время встретить парикмахера в белом кителе. Что же оказывается? Этот милый человек только хотел знать, направляется ли поздно возвращающийся домой жилец в свою собственную комнату или в чужую, а если в чужую, то в какую именно.

Однажды я стоял после обеда в вестибюле гостинницы и разговаривал в течении нескольких минут со знакомым мне господином. Как только он со мной простился и за ним заперлась выходная дверь, швейцар подошел ко мне и осклабившись спросил:

— Скажите пожалуйста, кто собственно тот гражданин, с которым вы только что разговаривали? Какой симпатичный человек! Я его часто здесь вижу, только не знаю, кто он такой.

Я, конечно, в первый момент имел желание соответственно ответить на эту наглость. Но я вспомнил, что нахожусь в гостиннице Савой в Москве и что отказ в ответе на этот вопрос причинил бы как мне, так и моему знакомому бесцельную неприятность. Ибо, в случае моего отказа, немедленно был бы приведен в действие весь сложный аппарат сыска, чтобы установить личность «симпатичного» гражданина. В виду этого я дал швейцару поневоле нужную ему справку.

То, что все телефонные разговоры подслушиваются, это несомненный факт. Весьма часто слышишь совершенно ясно, как включается в телефон подслушивающий. Поэтому совершенно

естественно, что жилец, телефонирующий в город из комнаты гостинницы Савой, начинает свой телефонный разговор словами: — Алло, я говорю из гостинницы Савой! Собеседник тогда знает в чем дело, он знает, что разговор подслушивается и ведет себя соответственно.

Однажды, когда я еще жил в гостиннице «Париж», я заметил, что мой большой сундук открывается и закрывается с большим трудом. Мне пришлось промучиться с ключами почти четверть часа, пока не удалось открыть сундук. Замок был раньше совершенно исправен и поэтому было ясно, что была сделана кем-то попытка открыть сундук другими ключами. Я рассказал об этом знакомому, занимающему довольно важный пост в народном комиссариате внутренних дел (Наркомвнудел). Он ответил мне улыбаясь:

— Бросьте, чего вам волноваться по этому поводу? Ну, конечно, пытались открывать ваш сундук. Но ведь главное то дело в том, что у вас ничего не украдено. Вы что же, установили, что чего-нибудь не хватает?

— Нет.

— Видите ли. Вы и не должны удивляться, если ваш письменный стол и ваши шкафы тоже когда либо начнут плохо закрываться. Ведь при наших условиях совершенно естественно, что переписка и вещи иностранцев обыскиваются незаметным путем. Но вы спокойно можете оставлять лежать деньги в письменном вашем столе. Безусловно ничего не пропадет. Впрочем, я вам советую, вы пожалуйста не уничтожайте всех писем, которые вы получаете, а то знаете, как будто-бы странно, когда ничего не находишь в письменном столе. Ну оставьте там что-ли, как будто бы нечаянно, какое нибудь безвредное письмо от вашего отца, от вашей матери или от вашей жены.

Опытный человек с этим, конечно, считается, избегает по возможности вести записные книжки и дневники, главным же образом воздерживается от записи адресов и телефонных номеров.

Память мало по малу прекрасно привыкает к наиточнейшему удержанию адресов и телефонных номеров. Последнее производится по той весьма понятной причине, чтобы не вовлекать третьих лиц, когда случайно придешь в нежелательное близкое соприкосновение с ГПУ.

Во время моего проживания в Москве мне было конфиденциально сообщено, что во многих комнатах гостинницы «Савой» имеются особые микрофоны, т. е. аппараты для подслушивания разговоров, скрытые в вентиляторах или за шкафами, которые дают возможность слышать каждый ведущийся

в данной комнате разговор. Я не мог установить присутствия в моей комнате подобного аппарата, но считаю это сообщение весьма вероятным.

При этих условиях, конечно, не приходится удивляться, что жильцы «Савой» лишь редко принимают посетителей у себя в гостиннице, а предпочитают встречаться у частных лиц или в нейтральном месте, если необходимо видеть кого-либо, не будучи замеченным. Весьма распространенным является способ встречи в театре, где берут места находящиеся рядом.

То, что переписка выдающихся беспартийных лиц перлюстрируется, т. е. открывается и читается соответствующими органами, это не подлежит никакому сомнению. Для меня было ясно, что адресованная мне корреспонденция, а по возможности также и исходящая от меня, прочитывалась. Мои письма были весьма коротки и не содержали никаких личных впечатлений о советской России, о Москве, о том, что меня окружало и т. д. Но, как оказалось впоследствии, и переписка моей жены усердно прочитывалась. Когда я через некоторое время в Берлине имел возможность говорить с полномочным представителем С. С. С. Р. Крестинским и при этом указал ему на то, что мое желание иметь служебное местопребывание в Берлине объясняется отчасти и тем, что жена моя немка и не понимает по-русски, то Крестинский мне ответил:

— Незнание русского языка не является решающим. Если бы ваша жена имела желание принимать участие в нашей немецкой культурной работе (т. е. в социальной работе среди немецких коммунистов в Москве), то ей не приходилось бы писать своей матери в Шарлоттенбург письма полные отчаяния и тоски.

Это было явным доказательством, что и письма моей жены, не содержащие ни малейшей критики о Москве, открывались и читались и что содержание таковых уже попало в то «дело», которое велось обо мне.

Глава десятая
Валютное управление — Комиссия по реализации государственных ценностей — Служебная поездка за границу: Берлин — Амстердам — Париж — Лондон

Валютное управление

Как уже указано, мое положение по службе в валютном управлении с самого начала оказалось весьма затруднительным. То обстоятельство, что я добровольно, по причинам казавшимся мне тогда целесообразными, отказался от звания начальника валютного управления, оказалось тактической ошибкой. Она отняла у меня единственную действительную опору, которая имелась бы за мною вследствие самого звания и создаваемого благодаря ему формальному престижу власти.

Мой коллега, тов. Шлейфер, который до моего прибытия в Москву фактически исполнял обязанности начальника валютного управления, уже с первых дней подходил ко мне с плохо скрываемым недоброжелательством. Уже во время первых переговоров, когда мы распределили между собой отдельные функции, он мне сказал совершенно откровенно:

Эго весьма правильно, что вы отклонили должность начальника валютного управления. С моей точки зрения, было ошибкою со стороны Сокольникова, что он вам сразу предложил эту должность. Вполне возможно, что у вас имеются соответственный знания и подготовка, но вы сначала должны освоиться с нашими условиями, а прежде всего вы должны заслужить наше политическое доверие. Я являюсь начальником валютного управления и я добровольно не уступил бы этой должности вам. Вы можете быть вполне уверены, что если бы вы не были настолько умны, чтобы самому отказаться от должности начальника валютного управления, то вы бы у нас тут не продержались и семи дней.

Шлейфер — человек интеллигентный, но беспардонный карьерист — был до ноябрьской революции партийным социал-демократом и только впоследствии вступил в коммунистическую

партию. Он несомненно был убежденным членом партии, но был слепым фанатиком и делал, сознательно или бессознательно, все то, что мог, чтобы заставить коммунистов забыть его социал-демократическое прошлое. Он поэтому всегда был «plus royaliste, que le roi». Поэтому он гораздо чаще швырял вокруг себя громкими партийными лозунгами, чем это делали старые большевики, которые не нуждались в таком подчеркивании своей партийной правоверности.

Мне припоминается следующий характерный эпизод:

Мы имели совещание, на котором обсуждали вопрос о финансировании и снабжении жизненными припасами золотопромышленного треста в Сибири. Командированный в Москву представитель треста докладывал, что дело снабжения округа жизненными припасами обстоит очень плохо и что он боится, что уже заготовленные жизненные припасы не дойдут до места назначения до конца навигации. Наркомфин не предоставил своевременно средств для приобретения этих жизненных припасов. Кроме того инженер такой-то, управляющий работами на рудниках, также не стоит на высоте. Тогда Шлейфер прервал вдруг докладчика словами:

— Что же, и этот негодяй еще не расстрелян? Что же, и дело до сих пор не передано прокурору?

Я спросил его холодно:

— Почему же вы немедленно хватаетесь за расстрел? Ведь главный вопрос, который стоит перед ними — это тот, как бы фактически помочь теперь населению. Ведь прежде всего мы должны немедленно решить, какие конкретные меры для этого нужно принять. Притом, ведь вы вовсе еще и не знаете, кто в действительности виновен, действительно ли на-лицо злая воля инженера или просто сила обстоятельств.

Через несколько дней после моего поступления на службу Шлейфер мне сообщил, что валютное управление уже в течение почти трех месяцев ведет переговоры с голландской группой о продаже большого количества драгоценных камней. Он показал мне соответственный проект договора и просил о моем заключении. Я заявил ему, что должен лично вести переговоры с голландцами для того, чтобы составить себе точную картину дела. Шлейфер сначала никак не хотел этого понять. Но я категорически отклонил дачу заключения на основании простого проекта договора, заявив вместе с тем, что я согласен взять в свои руки проведение самого договора.

Я вел переговоры с голландцами около двух недель, добился для валютного управления наилучших условий и 28 апреля 1923 года валютное управление заключило договор с голландцами,

согласно которому голландской группе были предоставлены для продажи драгоценные камни и жемчуга, оценочной стоимостью около одиннадцати миллионов голландских гульденов. Продажа должна была совершаться на комиссионном основании по лимитным ценам, установленным валютным управлением, причем однако голландцы должны были взять на себя обязательство приобрести самим по лимитным ценам, установленным валютным управлением, определенную весьма значительную часть этой партии, в случае, если бы она оказалась непроданной третьим лицам до известного срока.

Комиссия по реализации государственных ценностей

Немедленно после заключения договора была учреждена «Комиссия по реализации государственных ценностей», которая между прочим должна была взять на себя контроль над проведением этой сделки в Голландии. Эта комиссия одновременно имела задачей обследовать во Франции, Голландии и Англии имеющийся рынок на драгоценные камни, жемчуг, золотые табакерки, антикварное серебро и т. д. Комиссия состояла из меня, как председателя, и из двух членов. Кроме того к комиссии были прикомандированы в качестве специалистов два русских ювелира Ч. и К., служившие в Гохране. Тов. Д., молодок человек около 23 лет, был предложен Шлейфером в качестве члена комиссии. Что же касается второго члена комиссии, то я решил избрать его лично. Я встретил в Москве хорошо знакомого мне бывш. присяжн. повер. Ф., которого я знал в Петербурге уже с 1911 года. Я знал, что он прежде был социал-демократом и полагал, что он за это время перешел в коммунистическую партии. Я отыскал его, мои предположения оказались правильными — он был коммунистом — и поэтому к его назначение в качестве члена комиссии препятствий не встречалось. Предстоящая ему работа была интересна и давала ему возможность поехать за границу на 3–4 месяца на хороших условиях. Ф. с радостью согласился. Правительственное учреждение, в котором Ф. служил, также не делало затруднений и Ф. был откомандирован и назначен членом комиссии.

14 июня тов. Ф. и ювелир Ч. отправились на аэроплане в Берлин, куда между тем был отослан запроданный товар. Передача товара должна была совершаться в советском торговом представительстве в Стокгольме. Товар был принят в Стокгольме двумя представителями голландской группы, причем каждый пакет был открываем в отдельности и подвергался самому

тщательному осмотру. Товар был направлен из Москвы в пакетах, снабженных печатью валютного управления и голландской фирмы. При передаче товара, которая имела место в маленьком помещении в торговом представительстве в Стокгольме присутствовали: торговый представитель СССР в Швеции Гарденин, его жена, занимавший высокий пост в торгпредстве Ландер и два представителя голландской фирмы. Передача длилась несколько дней.

Однажды вечером при упаковке уже вскрытых и осмотренных пакетов обнаружилось, что не хватает двух больших желтоватых бриллиантов, относящихся по своей старомодной шлифовке к 18-му веку. Весь пол комнаты, каждый упавший на пол клочок бумажки были подвергнуты тщательнейшему осмотру. Но оба камня исчезли бесследно.

Тем временем я был в Москве и только в конце июля приехал в Голландию. Во время нашей встречи владелец голландской фирмы сообщил мне, что два камня утеряны и что он поэтому должен вычесть их стоимость, составляющую около 6.000 гульденов, из общей стоимости всей переданной ему партии товара. Я не мог и не хотел из-за этой сравнительной малой суммы поднимать спор, который неминуемо должен был привести к самым щекотливым и неприятным толкам. Правда, прикомандированный к моей комиссии ювелир Ч., к великому счастью для себя, прибыл в Стокгольм только через день после исчезновения этих камней, так что на него никаких подозрений пасть не могло. Голландец с своей стороны заявил мне прямо, что совершенно исключено, чтобы его двое уполномоченных присвоили себе эти два камня и что поэтому он не принимает на себя никакой ответственности. Я также категорически ответил, что самая мысль, что камни эти могли быть присвоены кем-либо с советской стороны, совершенно отпадает и вообще не может быть обсуждаема. Я сказал ему, что камни очевидно были обронены на пол и выброшены вместе с содержимым корзины для бумаг. Помимо этого его двое уполномоченных уже имеют достаточно многолетний опыт в приемке камней и поэтому я вынужден возложить ответственность за исчезнувшие два камня на голландскую фирму.

Вместе с тем я потребовал от владельца голландской фирмы, чтобы он признал оба камня как бы ему переданными и кредитовал бы счет валютного управления суммой в 6.000 гульденов, представляющею стоимость этих двух камней. Голландец пошел навстречу моему требованию и письменно подтвердил свое согласие, поставив однако условием, что если камни все же когда либо найдутся, то они, как принадлежащие

ему, должны быть ему переданы.

Прошло несколько месяцев. Осенью 1923 года оба камня странным образом нашлись, а именно на том же месте, где они исчезли. Камни эти действительно засим были переданы голландской фирме.

Служебная поездка за границу

14-го июля 1923 года я с членом комиссии т. Д. и с ювелиром К. прибыли в Берлин, где мы уже встретили тов. Ф., который мне доложил о передаче товара в Стокгольме и от которого я узнал, что все пакеты с товаром за это время отправлены голландцами из Стокгольма в Амстердам. Все было в полном порядке, находившийся в Стокгольме ювелир Ч. уже тем временем выехал в Амстердам.

Вечером я имел частный разговор с тов. Ф., которого я, как уже указано выше, знал с 1911 года и спросил его в конце концов:

— Скажите, пожалуйста, ваш коллега Д., кто он собственно такой? Что он — чекист, агент ГПУ или что такое?

Подумав, он медленно ответил:

— Что ж, все может быть. Это, конечно, не исключено.

Я, конечно, знал, что за мной следят и при «советских условиях», в особенности при той высокой должности, которую я занимал, я находил это понятным. Но мне чрезвычайно тяжело было думать, что мой ближайший сотрудник, с которым я ежедневно и ежечасно должен был совместно работать, принял на себя эту сыскную службу. Я с радостью узнал бы, что он — не сыщик. Но медлительный ответь тов. Ф. заставил меня призадуматься.

На следующее утро я посетил тов. Д. в его берлинской гостиннице и неожиданно вошел в его комнату в 9 часов утра. Я увидел на его столе закрытое письмо с надписью: «Начальнику Валютного управления товарищу Шлейферу» и сказал ему резко:

— Скажите, тов. Д., вы что же, за моей спиной пишете доклады начальнику валютного управления? Ведь вы знаете, что я председатель, а вы член комиссии. Вы не вправе без моего ведома и без моего согласия посылать доклады о нашей деятельности кому бы то ни было. Все доклады должны быть составлены за общей подписью всех членов комиссии.

Д. быстро нашелся и ответил:

— Письмо, которое вы видите здесь на столе, есть частное письмо моему другу И. И. Шлейферу.

Я: — Почему же вы тогда его адресуете на имя начальника

валютного управления?

Д: — Дабы письмо вернее прибыло. Я посылаю его через полпредство, дипломатической почтой.

После этого Д. встал, пронизывающе на меня посмотрел и вдруг сказал:

— Впрочем, вы вчера вечером спросили тов. Ф., не являюсь ли я агентом ГПУ, неправда ли?

— Это верно, — протянул я медленно, ибо я не мог придти в себя от мысли, что Ф. в такой степени мог нарушить мое доверие.

Д: — Я вам хотел только сказать, что я не состою на службе Ч.К. или ГПУ. Я только член коммунистической партии. Я вовсе не послан для того, чтобы надзирать и следить за вами. Я приехал сюда для того, чтобы вам помочь и от вас кое-чему научиться. Конечно, если бы вы в вашей деятельности предприняли что-нибудь, что противоречило бы интересам советского правительства или коммунистической партии, то я, конечно, счел бы своим коммунистическим долгом донести на вас. Но я повторяю, я только член комиссии, больше ничего.

Я: — Можете ли вы показать мне письмо, которое вы адресовали на имя начальника валютного управления Шлейфера и которое вы теперь называете частным письмом?

Д: — Нет, к этому я не обязан. Я вам могу только повторить еще раз, что это частное письмо. Ведь в конце концов, имею же я право писать частные письма, но моему усмотрению.

Между тем вошел в комнату тов. Ф. и приветствовал нас любезной улыбкой. Я посмотрел на Ф. и спросил его:

— Скажите, тов. Ф., знали ли вы, что мой вчерашний разговор с вами был только конфиденциальным обменом мыслей и во всяком случае не был предназначен к тому, чтобы вы передали его содержание товарищу Д.?

Ф: — Нет, вы мне не заявили определенно, что я об этом должен молчать.

Я: — Я не сомневаюсь, конечно, в том, что для вас было вполне ясно, что тот вопрос, который я вам поставил, был совершенно конфиденциален. Я уже потому не сомневаюсь в том, что вы прежде состояли присяжным поверенным и что в виду этого я мог рассчитывать на особую дискретность с вашей стороны. Как бы то ни было, если вы уже нашли необходимым сообщить тов. Д. о моем вопросе, то почему же вы ему одновременно не передали ваш ответь?

Бледный и взволнованный Д. спросил:

— А что же он обо мне сказал?

Я: — Ф. ответил мне на мой вопрос: «что ж, все может быть. Это, конечно, не исключено». А теперь я вас оставляю вдвоем. Вы

можете объясниться друг с другом.

Этим закончился наш разговор. После обеда я встретил Ф. одного и сказал ему:

— Имейте в виду. Я вас знаю уже 12 лет, устроил вам служебную командировку заграницу и во всяком случае никогда не сделал вам ничего худого. Я никак не могу понять, почему вы передали Д. мой конфиденциальный разговор с вами. Очевидно только потому, чтобы выслужиться перед этим молодчиком. Другой причины я не вижу. Во всяком случае, вы злоупотребили моим доверием. Чтобы избегнуть дальнейших недоразумений, прошу вас отныне сноситься со мной только по деловым вопросам. Забудьте, что мы когда-то были хорошими знакомыми.

Дальнейшие мои отношения с обоими членами комиссии протекали в корректных и холодных формах. Я уже никогда более не ставил никому из них конфиденциальных вопросов и в моих отношениях с ними не выходил более за пределы чисто деловых вопросов. Я избегал поскольку возможно всякого частного сближения с ними.

Комиссия провела несколько месяцев в Голландии, между тем как я с ювелиром К. отправился во Францию. После моего возвращения в Голландию владелец голландской фирмы пригласил весь состав комиссии на обед. Осуществление договора производилось успешно, в деловых отношениях с голландской фирмой не имелось никаких трений, и я поэтому принял его приглашение от имени комиссии. Мы выехали в Вассенар, местечко около Амстердама, и там состоялся обед.

После обеда Д. рассказывал о советской России, рисовал советские условия в самых розовых красках, объявил Голландию самой реакционной, самой смехотворной провинцией в мире и сообщил несколько эпизодов из своей жизни, из которых я хочу передать здесь лишь один:

— Однажды — это было в 1920 г. в Смоленске — во время военного коммунизма, когда торговля вообще, а в особенности торговля жизненными припасами, была строжайше запрещена, в один прекрасный день арестовали старого еврея, торговавшего хлебом. В качестве спекулянта, его предали суду и надлежало приговорить его к расстрелу. Я был одним из судей. Случайно и дочь этого еврея оказалась членом суда и, представьте себе, она отказалась подписывать смертный приговор своему отцу. Я, как мог, уговаривал ее, но безуспешно. Тогда я силой заставил ее подписать судебный приговор. Конечно, старика расстреляли.

Владелец голландской фирмы спросил его совершенно растерянный:

— Помилуйте, что же вы и собственного отца расстреляли бы

за это?

Д. спокойно ответил: — Конечно.

Голландец: — Скажите пожалуйста, могут ли люди торговать сегодня в России жизненными припасами или хлебом?

Д: — Да.

Голл.: — Наказываются ли они ныне за это?

Д: — Нет.

Голл.: — Значит, вы расстреляли человека за простую торговлю хлебом, которая ныне в России является разрешенной. Что же, и этим вы еще хвалитесь? Ну, знаете, тогда я предпочитаю жить в этой провинции, чем в вашем раю.

Разговор после этого рассказа, конечно, больше не клеился. Молча и в раздумьи мы вернулись в Амстердам. Я скоро после этого поехал в Лондон, между тем как всем другим членам комиссии было отказано в английской въездной визе. В Лондоне я явился к заместителю председателя торговой делегации, тов. Ф. Я. Рабиновичу. Я предъявил ему мои мандаты и заявил, что у меня имеются различные задания, между прочим поручение составить подробную опись хранящихся в торговой делегации в Лондоне драгоценных камней и жемчуга, дабы таковые могли быть после составления описи возвращены в Москву, с целью продажи в общей массе.

Я заявил ему, что приехал один, так как оба члена моей комиссии, а равно ювелиры, не получили английской визы.

— Но ведь один член вашей комиссии уже здесь, — ответил Рабинович.

Я был этому чрезвычайно удивлен и сказал ему:

— Поскольку я знаю, моя комиссия имеет только двух членов, каковые оба остались в Голландии. Третьего члена комиссии я не знаю, а я то уж наверное должен был бы это знать, ибо я председатель комиссии.

Торговый представитель нажал кнопку и просил принести ему соответствующий мандат.

Мандат был подписан Шлейфером и гласил, что «тов. Браун является членом комиссии по реализации государственных ценностей. Свои инструкции тов. Браун имеет получить от члена комиссии тов. Д.».

Тов. Браун уже прибыл в Лондон и представился мне на другое утро. Я в нем узнал человека, с коим уже познакомился в Гохране в Москве под другим именем. Из текста этого «совершенно секретного» мандата, который несомненно не подлежал доведению до моего сведения, было ясно, что тов. Браун должен был получить свои инструкции не от меня — председателя комиссии, а от тов. Д., являющегося лишь членом

комиссии. Теперь, наконец, роль, которую играл в моей комиссии тов. Д., стала совершенно ясна. Секретный мандат имел лишь целью, чтобы тов. Браун оказывал мне в Лондоне ту же «помощь», какую мне оказывал тов. Д. в Голландии.

Я просил торгпреда после этого назначить особую комиссии, которая согласно моим инструкциям должна была составить опись находящихся в торгпредстве в Лондоне драгоценных камней и жемчуга.

Эти драгоценности находились в стальной камере, в здании «Аркоса» в Лондоне, и я решил войти в эту камеру лишь в присутствии всей комиссии. Я одновременно настаивал на том, чтобы «член комиссии» тов. Браун обязательно участвовал в этой работе. В виду этого была назначена комиссия из трех членов, состоящая из тов. Брауна, жены торгового представителя и сотрудника «Аркоса», бывшего ювелира Х.

Когда мы совместно с секретарем торгового представительства Гермером, в количестве пяти человек, вошли в стальную камеру, то нам представилась следующая картина. На полках лежали открытые картонные коробки, в которых находились бриллианты, сапфиры, изумруды, завернутые в вату. Некоторые предметы лежали на полках совершенно открытыми и неупакованными. Я прекрасно понимал, какие тяжкие последствия могли наступить для участвующих, если бы какой либо камень пропал здесь при столь невероятно халатном способе хранения этих ценностей. Я поэтому настаивал на строжайшем и тщательнейшем контроле всех имевшихся предметов.

После того как упомянутая трехчленная комиссия после двухнедельной работы составила надлежащую опись и после того как я сравнил ее с ведомостью, привезенной мною из Москвы, я мог установить с удовлетворением, что все в точности совпадало и что все камни имелись в наличности.

Глава одиннадцатая
Возвращение в Москву — Гохран — Классификация старинного серебра — «Серебро Черноголовых»

Возвращение в Москву

10-го октября 1923 года я получил в Амстердаме телеграмму, в коей мне сообщалось, что народный комиссар финансов Сокольников просить меня вернуться в Москву в скорейшем времени. Я немедленно отправился в Берлин, осведомил о моей деятельности полномочного представителя СССР Крестинского и торгового представителя Стомонякова и выехал 14 октября в Москву. На этот раз я ехал один, так как я в Москве квартиры не имел и из всего характера моей деятельности видел, что эта деятельность будет меня удерживать главным образом за границей.

Согласно полученным из Москвы распоряжениям, я пригласил в Лондоне на выезд в Москву на 2–3 месяца двух английских ювелиров в качестве экспертов по драгоценным камням и жемчугу. Этим экспертам было дано поручение проверить цены, назначенные русскими экспертами Гохрана на подлежащий продаже товар и приблизить их к тем ценам, которые в то время существовали на всемирном рынке.

Я одновременно вел переговоры с проживающим в Берлине известным историком искусства, д-ром Эрнстом Кон-Винер[6], и получил его согласие на то, что он отправится в Москву на более продолжительный срок, чтобы принять участие в классификации находящегося в Гохране старинного серебра. Немедленно после моего приезда в Москву я получил официальное разрешение на приглашение д-ра Кон-Винера и предложил ему немедленно приехать в Москву, куда он и прибыл 18 ноября.

Гохран — Классификация старинного серебра

В Гохране началась теперь чрезвычайно напряженная работа. Я избрал в Гохране громадный совершенно светлый зал, который предназначил в качестве рабочего помещения по раскладке классифицируемых предметов. В этом помещении был поставлен

ряд столов и полок, а отдельные полки были разделены по странам. Ежедневно 10–20 ящиков с серебряными предметами приносились из кладовых Гохрана в это помещение, там вскрывались и найденные предметы немедленно распределялись по отдельным полкам. Чаще всего среди бесчисленных кофейников, чайников, блюд и другой серебряной утвари вдруг всплывал какой-нибудь кубок 18-го века, какая-нибудь кружка 17 века, которая клалась на соответственную полку. Обычная серебряная посуда появлялась в таких количествах, что угрожала наводнить собой весь зал. Пришлось обычную посуду, относящуюся ко времени после 1801 года, просто поставить на пол под полки, причем и на полу эта посуда распределялась по роду посуды, как кофейники, чайники, корзинки для хлеба, чашки для фруктов и т. д.

Конечно, среди старинного серебра появилось прежде всего громадное количество русского серебра среднего и низшего качества: бесчисленные украшенные орнаментом рококо стаканы, сахарницы, шкатулки, чайники, чарочки и т. д., относящиеся ко второй половине 18-го века, многочисленные стаканы и кубки первой половины 18-го века и очень мало русского серебра 17 века.

Затем обнаружилось очень много немецкого серебра. Русское дворянство и богатое купечество 17 и 18 века покупали с особым предпочтением германские золоченные серебряные сосуды (кружки, стаканы, кубки, чаши, блюда и т. д.), которые большей частью были хорошего, а иногда и выдающегося качества. Такие блюда и кубки часто завещались православным церквам в качестве особенно ценного подарка. После нескольких месяцев работы обнаружилось уже столько немецких серебряных предметов, что на полках, предназначенных для германского серебра, красовались уже крупные надписи с обозначением отдельных городов: Нюренберг, Аугсбург, Лейпциг, Данциг, Бреслау, Кенигсберг и т. д. Было обнаружено также много предметов высокоценного шведского и балтийского серебра (Ревель, Рига, Митава).

Но главным образом было найдено ценнейшее французское серебро 18-го века и раннего Ампира, а также высококачественное английское серебро 18 века.

Русский двор в течение 18-го века, в особенности же во время Екатерины II (1762–1796), заказывал во Франции и Англии крупные роскошные, состоящие из сотен предметов, столовые сервизы с чудесными столовыми украшениями («Surtout de table»), а также чайные сервизы, дессертные сервизы, дорожные сервизы и т. д. исключительно тонкой работы.

Эти столовые сервизы были поименованы по крупнейшим городам России: «Московский сервиз», «Харьковский сервиз», «Екатеринославский сервиз», «Нижегородский сервиз», «Казанский сервиз», «Ярославский сервиз», «Тульский сервиз», «Пермский сервиз», «Митавский сервиз», «Рижский сервиз». Особенно выдающимся был большой «Орловский сервиз», который Екатерина II подарила своему фавориту князю Григорию Орлову и который один состоял из 842 предметов французского и нескольких сот предметов русского изделия.

Эти сервизы были изготовлены самыми выдающимися французскими[7], английскими[8], и германскими[9] мастерами, а также проживающими в Петербурге, чаще всего иностранными[10] мастерами 18-го века.[11]

Кроме европейского серебра объявилось также и громадное количество малоценного восточного серебра, т. е.: грузинского, персидского, турецкого, индийского и китайского.

Работа по классификации производилась под моим руководством и под надзором директора Эрмитажа С. Н. Тройницкого, а также директора Оружейной Палаты, Д. Д. Иванова, двумя экспертами, а именно д-ром Кюн-Винером по германскому и иностранному серебру и Вишневским — по русскому серебру. Несколько раз в неделю я посещал этот зал Гохрана и временно, до окончательного общего решения, откладывал те предметы, которые, по моему мнению, представляли интерес для государственных музеев. Это музейное серебро закрывалось в особый находившийся в зале железный шкаф. Кроме отбора высокоценнейших объектов для крупных музеев — для Оружейной Палаты и для Эрмитажа — мы при выборе предметов руководились также и тем, чтобы снабжать русские провинциальные музеи, имевшие быть учрежденными, соответственными предметами. Поэтому откладывались и такие предметы, которые сами по себе не представляли интереса для крупного музея. Но эти предметы, конечно, были хорошего качества и были снабжены ясным, разборчивым клеймом, например, гор. Астрахани, и следовательно представляли для Астраханского музея крупный интерес. Таким путем было отложено много предметов для Астрахани, Тулы, Вологды, Киева, Великого Устюга и т. д.

Классификация, произведенная в Гохране, привела ко многим сюрпризам. Однажды была найдена большая греческая серебряная тарелка 3-го века после Рождества Христова, украшенная прекрасными рельефами. Оказалось, что эта тарелка была приобретена графом Строгановым в Италии в 1863 году и подарена им «Музею для поощрения художеств» в Петербурге. Из

этого музея тарелка эта затем исчезла и была заменена не представляющей никакой ценности гальвано-пластической копией. Настоящая тарелка казалась исчезнувшей навсегда и вот потребовалась революция и связанные с ней события, чтобы она опять обнаружилась. Эта античная серебряная тарелка, так же как и все прочие выдающиеся музейные предметы, была найдена в ящике с простой серебряной посудой. Вообще не оказывалось ящика, который содержал бы исключительно ценные предметы. Ценнейшие предметы всегда находились скрытыми среди всякого не представляющего ценности хлама.

Серебро Черноголовых

Однажды я был вызван по телефону в Гохран и д-р Кон-Винер показал мне там чудесный серебряный сосуд, который был обнаружен в этот день в каком-то ящике.

Я внимательно осмотрел этот предмет и сказал ему:

— Что вы думаете об этом предмете?

— Я думаю, что этот предмет относится к «сокровищу Черноголовых».

«Компания Черноголовых» в Риге, представляющая собой союз холостых купцов, существующий с 1232 года, во время своего расцвета успела собрать коллекцию серебра очень высокой художественной ценности. До начала войны она помещалась в стальной камере «дома Черноголовых» в Риге, построенного около 1334 года, и была доступна публике. Во время войны, в июле 1915 года, когда производилась, по приказу русского главного командования, насильственная эвакуация всех фабрик и машин из Риги во внутрь России, и Компания Черноголовых получила распоряжение увезти из Риги свою коллекцию серебра (предметы искусства, декоративные сосуды, столовое серебро и т. д.). Означенная коллекция серебра была привезена в Петербург, в Частный Коммерчески Банк, и после октябрьской революции и конфискации банковых сейфов считалась погибшею. Когда Латвия в 1920 г. заключила мир с советской Россией, то серебряная сокровищница Черноголовых оказалась бесследно исчезнувшей. В Рижский мирный договор 11 августа 1920 года был включен пункт (а именно § 11 договора), согласно которому советское правительство обязывалось, в случае, если бы в его владении оказались библиотеки, архивы, предметы искусства и т. д., которые были вывезены из Латвии во время Великой войны 1914–1917 года, возвращать таковые правительству Латвии после их обнаружения.

Мы немедленно достали соответственную литературу и установили, что найденный предмет действительно относится к серебру Черноголовых. В виду этого при осмотре дальнейших ящиков было обращено сугубое внимание на то, не обнаружатся ли новые предметы. Я распорядился закрывать серебро Черноголовых, постепенно появлявшееся на свет, также в особый шкаф. Когда собралось уже несколько таких предметов, то я лично доложил народному комиссару финансов Сокольникову, что сокровищница Черноголовых частично найдена и что имеются основания думать, что пожалуй в Гохране окажется и вся коллекция серебра. Я обратил внимание комиссара на международно-правовое значение нашей находки и на соответственный пункт в Рижском договоре.

Сокольников меня спросил:

— Убеждены ли вы, что мы действительно все найдем?

Я: — Нет. Этого я утверждать не могу. Эти вещи ведь не найдены в одном ящике, а они мало по малу выплывают из отдельных ящиков. Проходит несколько дней или несколько недель, и опять находится какой-либо объект. Так, например, сначала найден был громадный кубок и лишь несколько недель позже крышка к нему. В виду этого вполне возможно, что некоторые из объектов серебра Черноголовых окажутся погибшими навсегда. Вот, например, до сих пор мы не нашли ни одной из знаменитых фигур Черноголовых.

Сокольников: — Ну, если у нас из за этих вещей еще могут быть неприятности, тогда самое лучшее — просто переплавьте все эти вещи.

Я: — Это совершенно исключено. Это было бы прямым вандализмом. Вы не должны забывать, что серебро Черноголовых содержит действительно исключительно выдающиеся предметы, известные в литературе и неоднократно описанные.

Сокольников: — Ну хорошо. Тогда я вам даю карт бланш. Делайте с ним то, что вы находите правильным.

Я: — Прекрасно. Тогда я соберу отдельные предметы серебра Черноголовых в особый шкаф и позволю себе предложить вам мысль, чтобы, после того как классификация в Гохране будет закончена, советское правительство сделало бы красивый жест и возвратило бы эти предметы Латвии. Я вполне убежден, что политическая польза этого жеста будет гораздо крупнее, чем та незначительная материальная стоимость, которую имеет все серебро Черноголовых с точки зрения русского бюджета.

Сокольников: — Ну, это уже другой вопрос. Вы пока велите собирать и откладывать это серебро. А мы уже посмотрим, что нам с этим серебром сделать.

Серебро Черноголовых было вручено 28 ноября 1925 года, согласно подписанному в Риге мирному договору, народным комиссариатом иностранных дел латвийскому посланнику в Москве К. В. Озолю, и помещается теперь вновь на старом своем месте, в стальной камере дома Черноголовых в Риге.

Всего возвращено было советской Россией 21 серебряный предмет. Между ними прекрасная крупная фигура Святого Георгия (изготовленная в Любеке в 1507 году), фигура всадника шведского короля Густава Адольфа (Аугсбург, 1684), фигура Святого Маврикия на морском коне (Аугсбург, середина 17-го века), большое блюдо «Падение фаэтона» (Аугсбург, 1661 года), три больших декоративных сосуда, а именно «Рижское приветствие» («Rigaer Willkomm»), (Рига, 1616), «Любекское приветствие» («Lübische Willkomm») (Любек 1661 г.), поднесенное Компании Черноголовых любекскими судовладельцами, «Кубок дружбы» («Amicitia-Pokal») (Рига, 1654 г.), семь кружек, один кувшин и шесть блюд.

Возвращенные предметы в большинстве своем представляют собой совершенно исключительные изделия серебряного мастерства 16 и 17 века. Компания Черноголовых получила обратно все художественно-ценные предметы своей сокровищницы. Потеряно лишь столовое серебро, снабженное монограммой Черноголовых, правда весьма многочисленное и представляющее большую стоимость.

При классификации Гохрана появились на свет и драгоценные церковные сосуды, хотя конфискованное церковное серебро сохранялось не в Гохране, а, как указано уже выше, в особо предназначенном для сего здании. Обнаруженные церковные сосуды и церковная утварь, поскольку они оказались в неповрежденном состоянии, тоже были отложены мной в особый шкаф.

Однажды, при осмотре обнаруженного в течение последних дней серебра, я нашел два серебряных сосуда, которые являлись моей личной собственностью, а именно: высокий золоченный русский стакан 1735 года и большая серебряная кружка Данцигского изделия, относящаяся ко времени около 1680 года. Я имел в свое время довольно значительную коллекцию старинного серебра, среди коей находилось также несколько предметов, имевших музейный интерес. Моя коллекция была конфискована во время моего отсутствия из Петербурга и, также как и все прочее серебро, нашло свой путь в Гохран. От означенных двух предметов у меня имеются фотографические снимки, так что исключено всякое сомнение в их тождественности. Я правда в первый момент был поражен этой находкой, но должен сознаться,

что не ощущал никакого чувства горечи. В огромном море конфискованного серебра я потерял всякое чувство личной собственности. Я, конечно, волнения моего не показал, но обратил внимание д-ра Кон-Винера на эту находку.

Чем больше разобранное серебро нагромождалось на полках, чем более собиралось на столах особенно выдающихся драгоценных предметов, чем более наполнялись музейным серебром находящиеся в рабочем зале шкафы, тем более захватывающим было впечатление от того громадного богатства серебряных изделий, которое было накоплено Россией за последние века. Каждый день приносил с собой новую находку, новое волнение, новые сюрпризы. Даже находившиеся в рабочем зале трое низших служащих — коммунисты, которые занимались раскладкой вещей, ожидали с нетерпением каждое утро результаты «раскопок» сегодняшнего дня. Когда я входил в рабочий зал, то часто уже они первые встречали меня с возгласом: «К сожалению, ничего не найдено» или «Сегодня мы нашли совсем замечательные вещи». Неоднократно я устраивал в рабочем зале совещание всех участвующих в работе лиц, и при этом в присутствии директора Эрмитажа Тройницкого и директора Оружейной Палаты Иванова окончательно выделялись предназначенные для музеев предметы.

Интересно отметить, что мы при разборке нашли очень мало фальшивых вещей. Я распорядился о том, чтобы в зал было поставлено два ящика — один для несомненно фальшивых вещей, а другой для сомнительных объектов. Несомненно фальшивых вещей мы нашли сравнительно очень мало, причем эти вещи были главным образом германского изделия или частично русской работы. В Германии уже издавна и еще поныне изготовляются копии серебряных сосудов времени Возрождения, а также 17 и 18 веков. Цена настоящих предметов, в особенности относящихся к 16 и 17 веку, настолько высока, что они совершенно недоступны для среднего покупателя. Подделанные предметы таким путем попадали и в Россию. Из русского серебра подделывались лишь чрезвычайно дорогие предметы 17-го века, в особенности так называемые «братины» и ковши.

Сомнительных объектов тоже было сравнительно немного. Мы считали сомнительными объектами такие, подлинность коих вызывала хотя бы малейшее сомнение и кои поэтому могли в конце концов оказаться искусными подделками. Я помню, что мы долго спорили о большом декоративном сосуде начала 17 века, представлявшем слона и воина в доспехах. Мнения наши расходились. Сосуд был так хорош, что мы все охотно объявили бы его настоящим. Но мы все таки не могли на это решиться и в

конце концов отнесли его к сомнительным объектам.

Д-р Кон-Винер взял на себя классификацию иностранного серебра. К каждому серебряному предмету, после осмотра такового, прикреплен был ярлычок, с кратким описанием предмета и обозначением места происхождения и времени.

Если только возможно было это установить, то на основании капитального труда Марка Розенберга: «Клейма золотых дел мастеров» («Der Goldschmiede Merkzeichen») был обозначаем на каждом предмете город, имя мастера и год данного изделия. При этом были достигнуты и научные результаты, так как были найдены клейма городов и мастеров, которые до тех пор не были обозначены в книге Розенберга.

Работа по классификации старинного серебра продолжалась много месяцев. Много сотен предметов попало в музеи, а целые тысячи предметов, которые не представляли больше интереса для современной России, были предназначены для продажи за границу. Большие русские музеи, а именно и Оружейная Палата в Москве, и Эрмитаж в Петербурге, настолько богаты первоклассным серебром, что для них представляют интерес лишь совершенно исключительные объекты самого высокого качества, а также своеобразные или исторические предметы. После того, как был отложен целый ряд предметов для русских провинциальных музеев, все же остальная масса не-русского европейского серебра еще стояла на таком высоком уровне, что при продаже предметов на европейском рынке целый ряд таковых несомненно представлял интерес для европейских музеев.

Благодаря произведенной в Гохране классификации старинного серебра не только множество предметов попало в русские музеи, но всего было сохранено от переплавки около 11.000 предметов. Обычное русское столовое серебро, и в большинстве своем малоценное восточное серебро было продаваемо частным лицам целыми париями, а остаток, не представлявший ценности и не нашедший покупателей, был переплавлен. Я могу утверждать с уверенностью, что из серебра, накопленного в Гохране, несомненно не был переплавлен ни один хоть сколько нибудь ценный предмет.

Если припомнить, как мало ценнейшего английского серебра 16 и 17 века сохранилось по сегодняшний день вследствие гражданских войн и военных событий, если припомнить, что во время французской революции и наполеоновских войн переплавлено было громадное количество прекраснейшего французского серебра 18 века, а равно, что и выдающиеся изделия германского серебра погибли от плавки во время освободительных войн, то с культурно-исторической точки зрения

нужно считать счастьем, что во время русской революции из прекрасного старинного серебра не погибло ничего или почти ничего.

Напротив, беспардонная конфискация серебра и предметов искусства, которая была произведена советским правительством у церкви, у дворянства, у помещиков и у богатой буржуазии, как одно из средств к уничтожению власти господствующих классов, имела — несмотря на свою жестокость и на грубость, с которой она производилась — по крайней мере то последствие, что серебро и предметы искусства, которые до этого почти или вовсе не были доступны искусству, науке или общественности, отныне обогатили русские музеи в размере, о котором никто и не мечтал. Конечно, для тех, кто от этого пострадал, это обстоятельство является весьма малым утешением.

Глава двенадцатая Реорганизация Валютного управления — Предстоящая командировка за границу — Отказ в разрешении на выезд — Переговоры с ГПУ — Борьба за выезд — Разрешение на выезд — Смерть Ленина — Отъезд в Берлин — Назначение представителем Валютного управления за границей

После моего прибытия в Москву, 18 октября 1923 года, я нашел в валютном управлении совершенно изменившуюся картину.

Шлейфер оставил валютное управление и был назначен начальником другого управления народного комиссариата финансов. Начальник Гохрана Никифоров тоже был перемещен.

Политическим руководителем валютного управления был назначен Н. Г. Туманов[12], заместителем начальника Р. Я. Карклин — оба члены коммунистической партии. Проф. Юровский был назначен начальником валютного управления.

В валютном управлении во время моего отсутствия была произведена реорганизация. Некоторые отделы были вновь учреждены, а некоторые были слиты друг с другом и изменены. Между прочим, был учрежден особый отдел под названием Отдел Валютного Фонда, который охватывал очень серьезные функции и управление коим было поручено члену партии тов. Фед.

Немедленно после моего появления на службе пришел ко мне Фед., чтобы доложить мне о текущих делах. Я из его устного доклада ничего не понял и сразу увидел, что имею перед собой человека, который с деловой точки зрения понятия не имел о порученных ему сложных функциях. Я потребовал от него письменный материал и в несколько минут увидел, в чем дело. Я заявил ему после этого, что я считаю необходимыми чтобы он — до того времени пока приобретет нужный опыт по делам своего отдела — докладывал бы мне в присутствии двоих своих подчиненных, с которыми я уже прежде работал несколько

месяцев и которые были в курсе дела. Фед. отклонил мое предложение и сослался на то, что от этого пострадает его престиж. Чтобы пойти ему навстречу, я заявил ему, что согласен на то, чтобы он лично делал мне доклад, между тем как означенные двое подчиненных будут присутствовать при докладе молча. Этим путем я имел-бы возможность, если возникнуть какие либо вопросы, поставить таковые немедленно его двоим помощникам, без малейшей потери времени. Но этот упрямец и с этим не соглашался и пожаловался на меня политическому руководителю валютного управления, Н. Г. Туманову.

Туманов меня призвал и я ему объяснил полную невозможность совместной деловой работы с Фед., покуда Фед. не вошел в курс совершенно новой для него области. Туманов это, конечно, понимал и старался убедить Фед. в правильности моего предложения. Но Фед. остался при своем отказе и оставил меня с Тумановым наедине. Туманов мне тогда сказал:

— Знаете ли, Фед. старый и испытанный партийный товарищ и уважаемый человек в партии. Смысла нет, чтобы вы с ним начали конфликт по этому вопросу. Ведь вы же видите, что он не поддается убеждениям. Да вы несомненно и так, как он этого хочет, справитесь с вашей работой.

Конечно, мне ничего другого не оставалось, как принимать ежедневные «доклады» Фед. и затем уже объясняться с его двумя помощниками.

В конце ноября 1923 года прибыли в Москву представители крупной французской фирмы, которые должны были вести переговоры с валютным управлением по поводу покупки значительной партии платины. Переговоры были довольно сложными и продолжались несколько дней. Засим окончательный проект договора был одобрен народным комиссаром финансов Сокольниковым, и самый договор подписан.

Мне было поручено народным комиссаром финансов провести всю эту сделку во Франции и с этой целью мне был выдан соответственный мандат. Я обратился 6-го декабря с приложением этого мандата в соответствующей отдел комиссариата внутренних дел, который дает разрешение на выезд, вручил там мой иностранный паспорт и просил о выдаче выездной визы. Через пять дней я имел получить паспорт с визой. 11 декабря я послал моего секретаря в соответственный отдел, чтобы взять мой паспорт. Вместо паспорта я получил ответ, что мне отказано в разрешении на выезд. Я как раз вел переговоры с французами о технических подробностях имеющего быть исполненным договора, когда мой секретарь принес мне эту весть. Я был чрезвычайно поражен этому совершенно

неожиданному ответу и немедленно привел в движение все рычаги, чтобы установить причину отказа, но ничего в этом отношении добиться не мог. Мой коллега Карклин телефонировал неоднократно из нашего общего кабинета и в моем присутствии в ГПУ и всегда успокаивающе мне заявлял, что дело в порядке, что мой выезд задерживается лишь техническими формальностями и т. д. Сначала я верил этим заявлениям и ожидал каждый день визу.

Однажды Карклин опять телефонировал в моем присутствии в ГПУ и просил заведующего соответственным отделом, Покровского, ускорить выдачу визы, так как мой отъезд необходим для скорейшего проведения подписанного валютным управлением договора. Я, конечно, мог слушать лишь вопросы Карклина, а не полученные ответы. Я вышел на минуту в переднюю, чтобы там по срочному делу поговорить по телефону. Как только я поднес к уху телефонную трубку, я услышал разговор и понял через несколько секунд, к моему величайшему удивленно, что я включен в разговор между Карклиным и ГПУ. Я решил, наконец, выяснить, в чем дело и стал слушать. Я услышал, как Покровский сказал:

— Да мы и не подумаем выпустить его за границу. Пускай подышит нашей атмосферой.

На вопрос Карклина, имеется ли против меня что-нибудь серьезное, Покровский ответил:

— Да, если бы против него имелось что нибудь серьезное, так поверьте, он наверное не сидел бы больше ни в своем кабинете, ни в своем кресле. По этому поводу можете быть совершенно спокойны. Прямой вины за ним нет. Но пускай он сидит здесь. Ведь вы же можете найти другого, который проведет это дело.

Теперь я по крайней мере знал, в чем дело.

Между тем наступил конец декабря. Моя жена в Берлине серьезно заболела и мое настроение стало в виду этого чрезвычайно подавленным. Я увидел свою полную беспомощность в борьбе за выезд и убедился в том, что предоставлен на добрую волю ГПУ. Так как я не знал причин отклонения выездной визы, то делал самые различные предположения. Я в конце концов решил, что настоящей причиной отказа в выезде является то обстоятельство, что я не был советским гражданином, а иностранцем[13] и что это качество несовместимо с занимаемой мною высокой должностью на государственной службе в советской республике.

Конечно, было необыкновенным случаем, чтобы иностранец занимал на государственной службе должность, которая охватывала бы такое громадное и разнообразное поле

деятельности и была бы связана с такими ответственными функциями. Я поэтому мог допустить, что ГПУ, в качестве политической полиции, возражало по принципиальным соображениям против моего отъезда за границу в качестве носителя важных полномочий и государственных поручений. Я прекрасно знал, что я ни в чем не виновен, и поэтому ухватился за мысль, что мое состояние в иностранном гражданстве неугодно ГПУ. Одно обстоятельство, правда, меня заставило призадуматься. А именно то, что ни одна советская инстанция — ни прямое мое начальство, ни какое либо другое учреждение — от меня не потребовала отказаться от моего иностранного гражданства и приобрести гражданство советское. Поэтому я был вынужден допустить возможность того, что за отказом в выездной визе скрываются еще другие мотивы. В этом положении я обратился к народному комиссару финансов Сокольникову, который мне заявил, что в данный момент как раз происходить большая «партийная дискуссия» и что поэтому он завален работой. Конечно, как член «Политбюро»[14], он мог бы взять на себя личное ручательство за меня, но партийными товарищами ему было указано на то, что такая чрезвычайная мера ныне, в момент партийной дискуссии, была бы неуместной. Он вместе с тем предложил мне успокоиться, пройдет может быть еще несколько недель, и я наверное получу разрешение на выезд.

Я телефонировал в Кремль полномочному представителю СССР Крестинскому, приехавшему из Берлина на партийную конференцию, и объяснил ему положение дела. Он ответил мне сухо, что он в это дело вмешаться не может, что моим начальником является народный комиссар финансов Сокольников, а Сокольников уже несомненно позаботится о том, чтобы тот человек, который пользуется его доверием и по его поручению имеет исполнить за границей важное задание, действительно смог уехать за границу.

Я не мог более переносить то ощущение, что являюсь игрушкой в руках незримой, вездесущей и всесильной тайной полиции. Во мне возмущалось против этого элементарное сознание свободы, присущее всякому нормальному человеку.

Я в виду этого отправился к Туманову, доложил ему о моих сомнениях по поводу моего положения в качестве иностранца и предложил ему, что я добровольно откажусь от должности заместителя начальника валютного управления для того, чтобы убрать с пути самое главное по моему мнению препятствие. Туманов был весьма предупредителен и участлив и не имел никаких возражений против моего предложения.

В виду этого я обратился 28 декабря 1923 года к Н. Г.

Туманову, в качестве члена коллегии народного комиссариата финансов, со следующим прошением:

«Вследствие принципиальных соображений, препятствующих моей командировке за границу, в качестве заместителя начальника валютного управления, и в виду срочности и важности возложенных на меня народным комиссаром финансов поручений, я в интересах дела прошу освободить меня с 1-го января 1924 года от обязанностей заместителя начальника валютного управления с назначением меня на должность консультанта при валютном управлении.

В качестве консультанта я изъявляю готовность исполнить все заграничные поручения валютного управления и принять на себя обязанности представителя валютного управления за границей».

Народный комиссариат финансов имел на своей службе иностранца, чехо-словака, в качестве специалиста по драгоценным камням. Народный комиссариат внешней торговли вызвал англичанина в качестве эксперта-советника в Москву, в иностранных торговых представительствах СССР работал целый ряд специалистов и служащих с иностранным подданством, ничто следовательно не препятствовало назначению иностранца в качестве консультанта при валютном управлении.

Я полагал, что вследствие этого добровольного отказа — который, конечно, немедленно был сообщен в ГПУ — я фактически устранил основное препятствие к моему выезду. Но я ошибся. Выездная виза мне и после этого не была дана. Я понял, что, следовательно, против меня имеется донос и решил взять быка за рога.

Я просил Туманова сообщить мне откровенно, какие против меня имеются обвинения. Я желаю энергично взяться за мою защиту, так как не чувствую за собой никакой вины. Туманов медленно ответил, что против меня не имеется формальных обвинений, вызывающих необходимость официального обо мне следствия. Центральная Контрольная Комиссия (ЦКК) — которая имеет задачей надзор за служебной деятельностью государственных служащих — действительно может обсуждать известные данные и факты, относящиеся к моей личности, и вынести по этому поводу свое решение. Более точных сведений он, к сожалению, мне сообщить не может, ЦКК в скором времени займется этим вопросом и в связи с этим будет разрешен вопрос о моей поездке за границу.

Я на это предложил Туманову, что я готов добровольно ответить на все вопросы, которые он захотел бы поставить мне относительно моего прошлого и моей прошлой и нынешней

деятельности, причем я готов дать прямые, исчерпывающие и правдивые ответы. После этого Туманов поставил мне следующее вопросы:

Во-первых, являюсь ли я собственником дома или другой недвижимости в Берлине или где бы то ни было за границей.

Во-вторых, являюсь ли я собственником или совладельцем какого-либо находящегося в Германии банкирского дома или другого находящегося за границей кредитного, промышленного или торгового предприятия.

В-третьих, владею ли я акциями или паями подобных предприятий в какой бы то ни было стране.

В-четвертых, занимаю ли я, кроме моей должности в валютном управлении, какую либо должность в качестве члена правления, члена наблюдательного совета или ревизионной комиссии германского или другого иностранного кредитного, промышленного или торгового предприятия.

Я на все эти вопросы ответил правдиво категорическим «нет».

Туманов посоветовал мне также зайти к начальнику административного отдела народного комиссариата финансов (т. е. начальнику личного состава) тов. Горбунову, объясниться с ним и ответить на его вопросы. 14-го января 1924 года, я посетил Горбунова, который с самого начала принял меня сурово и обошелся со мной немедленно как с обвиняемым. Я не дал себя запугать этим и заявил ему в твердом тоне то же самое, что я сказал Туманову. Горбунов подтвердил мне, что все дело ныне находится в ЦКК, которая постановит о дальнейшем оставлении меня на государственной службе, а следовательно и о моей возможной поездке за границу.

Прием у Горбунова был обескураживающий, дело несомненно обострялось, настоящей опоры у меня не хватало, и личных друзей, которые могли бы мне помочь в моем положении, я не имел.

Хотя в действительности, кроме беспочвенных доносов, ничего не имелось и иметься не могло, но я уже из характера поставленных мне Тумановым вопросов усмотрел, в чем меня по всему вероятию обвиняют. Я должен был при данных обстоятельствах считаться с тем, что могут пройти пожалуй месяцы, прежде чем мне удастся обелить себя перед ЦКК и получить от нее отпущение грехов.

Мысль о том, что я несмотря на самое добросовестное исполнение служебного долга, несмотря на знание дела и живейший интерес к порученным мне функциям, я буду вынужден ждать может быть месяцами решения ЦКК, возмущала меня до крайности.

В том нервном и раздраженном настроении, в котором я находился, я воспринимал образ действий ЦКК как насилие, а мою полную беспомощность по отношению к существующим обстоятельствам, как глубокое личное унижение. Дошло до того, что 14 января вечером, когда я, после разговора с Горбуновым, возвратился в мою гостинницу, я впал в конвульсивные рыдания. Меня трясла бессильная злоба и я только с большими усилиями сдержал свои нервы.

Мысль о том, чтобы я мог обратиться за помощью к латвийскому посланнику, я должен был отвергнуть. Мое высокое служебное положение запрещало мне принципиально пойти по этому пути, но и кроме того вмешательство посланника не только не помогло бы мне, но лишь осложнило бы и ухудшило мое положение.

Я поэтому решил пойти на самые крайние меры и обратиться к начальнику ГПУ Р. В. Менжинскому. Я говорил об этом на следующее утро с Тумановым, который охотно согласился немедленно поговорить с Менжинским. Он телефонировал Менжинскому в моем присутствии и сказал ему:

— Тов. Менжинский, ведь вы же знаете Л. уж давно. Ваш аппарат его совершенно раздавил. Он абсолютно не в состоянии больше работать. Он до сих пор не получил разрешения на выезд за границу. Я прошу вас лично поинтересоваться этим делом и посмотреть, нельзя ли что либо сделать по этому вопросу.

Телефонный ответ Менжинского я, конечно, не услышал, но Туманов мне сказал, что Менжинский ему ему ответил, что он посмотрит, что он может сделать. Прошло еще несколько дней и 18 января после обеда Туманов меня призвал и показал мне отношение, полученное народным комиссаром финансов Сокольниковым от ГПУ и датированное 16 января, коим ГПУ сообщало Сокольникову о том, что оно разрешает мне выезд за границу на 10 дней для свидания с больной женой. Вместе с тем, однако, мне при выезде не должны быть выдаваемы никакие поручения служебного характера.

На следующее утро я лично заехал в соответственное учреждение и нашел мой паспорт уже снабженный выездной визой. Виза была датирована 16 января. Я в тот же день успел получить латвийскую и литовскую транзитные визы, привел в порядок все служебные дела, имел 20 января утром — несмотря на то, что этот день был воскресением — еще последнее двухчасовое совещание в Гохране, получил в понедельник утром, 21 января, германскую визу на въезд и таким образом был совершенно готов к отъезду из Москвы. Я явился в понедельник утром к Туманову, сообщил ему, что я готов к отъезду и что я

желаю уехать в тот же вечер. Туманов сказал мне, что народный комиссар Сокольников ему только что телефонировал и сообщил ему, что он желает меня видеть лично до моего отъезда. Я просил по телефону о немедленном свидании, но Сокольникова лично добиться по телефону не удалось. Туманов заявил мне, что Сокольников чрезвычайно занят партийной дискуссией и что пожалуй может пройти несколько дней перед тем как он найдет возможность меня принять. На дальнейшее откладывание моей поездки я теперь уже не соглашался и ответил Туманову, что я постараюсь увидать Сокольникова еще сегодня вечером в его квартире, после возвращения с партийной конференции. Туманов не возражал и предоставил мне сделать то, что я сочту правильным.

В половине десятого вечера я отправился в квартиру народного комиссара финансов Сокольникова в гостиннице «Метрополь». Сокольников жил чрезвычайно скромно в маленькой квартире из 3-х комнат, которая была обмеблирована просто и без всяких претензий. Его секретарь спросил меня, назначено ли мне свидание. Я ответил, что я желаю иметь свиданье еще сегодня, так как я завтра уезжаю (следующий день был днем неприсутственным), и что я подожду Сокольникова здесь. Секретарь, который знал меня лично и занимаемое мной положение, сказал мне, что ему неизвестно, примет ли меня Сокольников еще сегодня вечером, но он предоставляет мне ждать, если я этого желаю. В 11 ч. вечера явился Сокольников с Тумановым. Я объяснил Сокольникову причину моего неожиданного и в этот час необычного визита и просил его иметь разговор, который он предполагал вести со мной, сегодня же, так как я завтра намерен уехать. Сокольников согласился и мы разговаривали в течение целого часа. Сокольников сказал мне, что мое дело как раз теперь разбирается ЦКК и что он был бы очень рад, если бы я после решения вынесенного ЦКК, в благоприятном исходе коего он не сомневается выехал бы за границу, снабженный всеми мандатами. Я просил его не настаивать на своем желании. Ведь дело в ЦКК может все-же затянуться на несколько недель, а у меня имеется понятное желание выехать к моей больной жене. Впрочем, я, конечно, вполне сообразуюсь с решением ЦКК. Если таковое окажется благоприятным, то мне все мандаты могут быть высланы в Берлин и я, конечно, добросовестно выполню все порученные мне служебные дела.

Сокольников согласился с этим решением и окончательно одобрил мой завтрашний отъезд. Мы переговорили с ним в присутствии Туманова обо всех вопросах, связанных с моими

служебными поручениями, и дружески распрощались.

Следующий день, 22 января 1924 года, был неприсутственным днем в память кровавого воскресенья 9 (22) января 1905 года, когда царское правительство на площади перед Зимним Дворцом в Петербурге распорядилось стрелять в народную толпу, мирно, с иконами впереди и во главе со священником Гапоном, шествовавшую к Зимнему Дворцу, причем тогда около 2.000 человек осталось на площади убитыми и тяжело раненными.

Я поздно вернулся в гостинницу, плохо спал и очень рано встал. Было еще темно. В гостинничном корридоре я заметил нескольких людей. Один из них, англичанин, подошел ко мне и сказал мне тихо: «Ленин умер». Я сначала его даже не понял. До того я был поражен этим неожиданным известием. Когда он повторил свои слова, я спросил его удивленно, знает ли он, что делает, ибо распространение подобного неверного слуха может иметь для него чрезвычайно неприятные последствия. Англичанин ответил, что он отлично знает, что он делает, что он получил эту весть сегодня в 6 час. утра от народного комиссариата иностранных дел. Ленин, по его словам, умер уже вчера вечером в 8 часов.

Я вышел на улицу, всюду висели красные флаги, обтянутые черным крепом в память 9 января, но население ничего не знало еще о смерти Ленина. Лишь в 4 часа после обеда населению было официально объявлено о смерти Ленина.

В 7 час. вечера я уехал из Москвы. На другое утро на всех станциях, через которые проходил поезд, были отслужены гражданские панихиды по Ленину. В 2 часа дня я прибыл на латвийскую пограничную станцию Зилупэ, а 26 января прибыл в Берлин.

Из Москвы я не слыхал ничего, покуда 16 февраля не получил большого пакета с мандатами. К мандатам не было приложено никакого сопроводительного письма. Но из самой выдачи мандатов было ясно видно, что мое дело тем временем было разобрано Центральной Контрольной Комиссией и что решение комиссии было вынесено в благоприятном для меня смысле. Все мандаты были датированы 8 февраля 1924 года и подписаны народным комиссаром финансов Сокольниковым и начальником валютного управления Юровским.

Кроме ближайшей задачи — а именно наблюдения за проведением заключенной в декабре 1923 года с французской фирмой платиновой сделки — я получил мандат вести переговоры по следующим вопросам в Лондоне и в Нью-Йорке:

1. О заключении сделок на продажу платины.

2. Об образовании смешанного общества по реализации платины.

3. О чеканке серебряных и медных монет на Лондонском Монетном Дворе.

4. Об аффинаже русского низкопробного серебра в Лондоне.

5. О покупке чистого серебра в Лондоне.

6. О реализации имеющегося в Гохране и предназначенного к продаже старинного серебра.

Как указано в нижеследующих главах, я провел все поручения, отправился с этой целью в апреле-мае в Соединенные Штаты С. Америки, и после моего возвращения из Нью-Йорка и заключения первой крупной платиновой сделки в Лондоне я был 9-го июля 1924 года назначен представителем валютного управления за границей с местопребыванием в Лондоне.

В начала января 1925 года народный комиссариат финансов, согласно декрету от 7 августа 1923 года, учредил генеральную агентуру народного комиссариата финансов за границей, имевшую свое местопребывание в Берлине и к коей я был прикомандирован в качестве заведующего коммерческой частью. Я в виду этого в конце января 1925 года оставил Лондон и отправился в Берлин, где я вошел в состав генеральной агентуры.

Глава тринадцатая
Реализация платины — Политика продаж — Совершенные сделки — «Акционерное общество для продажи драгоценных металлов» в Берлине

Одною из главных задач, которая стояла передо мною, было введение в нормальное русло продажи русской платины, которая окончательно прекратилась между 1918 и 1922 годом.

До всемирной войны Россия была крупнейшим производителем платины.

Добыча платины в 1913 году была следующей:

Россия 157.735 унций = 5.072 килогр. = 90,5%

Колумбия ок. 15.000 унций = 483 килогр. = 8,6%

Др. страны 1.400 унций = 45 килогр. = 0,9%

Всего 174.135 унций = 5.600 килогр. = 100%

Мировая рыночная цена с 1911 года до 1915 года была совершенно устойчивой и составляла в Лондоне 9,5 ф. ст. (т. е. 44,85 доллара) за унцию.[15]

Во время всемирной войны недостаток в платине стал чрезвычайно чувствителен, так как все наличные запасы были реквизированы для военно-технических целей. В виду этого пришлось прибегнуть в виде суррогата к самым различным сплавам.

После всемирной войны русская платина исчезла совершенно с мирового рынка, ибо хозяйственные и политические отношения между Россией и большинством остальных стран были совершенно прерваны в течение ближайших лет, следовавших за октябрьской революцией. Русскими государственными учреждениями вообще не совершалось никаких продаж и только нелегально некоторое, впрочем довольно значительное количество платины (которое в 1923 году можно оценить приблизительно в 15.000 унций) просачивалось через русские границы. Эта платина, нелегально проникшая из Россия, закупалась в Риге, Ревеле и Харбине тамошними представителями, крупных платиновых фирм.

Цены вскочили, но подвергались значительным колебаниям. В январе 1920 года мировая цена платины достигла своего

высшей точки, а именно 38,10 ф. ст. (= приблизительно 145 долларов) за унцию, а 28 июня того же года цена упала до 18 ф. ст. (= приблизительно 71,50 долларов) за унцию. В середине 1923 года цена составляла около 115 долларов за унцию и держалась на этом уровне твердо.

Платиновые фирмы начали интенсивнейшим образом использовывать платиновый лом и всякие платино-содержащие остатки, и одновременно ввели в оборот ряд самых разнообразных новообразованных сплавов. Эти сплавы (появившиеся в обороте под именем «белое золото», «платор», «альбадор», «осмюр» и т. д.) состояли из сплава золота и никкеля, сплава золота с цинком и оловом, сплава золота с палладиумом и платиной и т. д. и по техническим своим качествам — поскольку дело касалось практического применения — не слишком уступали качествам чистой платины.

Между тем, вследствие возрастающего спроса и высоких цен, поднялась добыча в других странах, прежде всего в Колумбии (Южной Америке), которая в 1923 году уже добывала около 45.000 унций. После революции добыча в России очень упала и увеличивалась лишь постепенно. Она составляла в 1923 году: 57 пудов = около 30.000 унций, а в 1924 году: 105 пуд. = около 55.000 унций.

Потребление платины, вследствие высоких цен, совершенно видоизменилось. В то время, как до всемирной войны более половины всего потребления шло на цели химической, электротехнической и зубоврачебной промышленности, причем лишь остаток находил применение в ювелирной промышленности, потребление платины в Соединенных Штатах Северной Америки — самой крупной стране-потребителе — в 1923 году представлено в следующем виде:

Химическая промышленность….. 9.578 унций 5%
Электротехнич. промышленность 23.937 унций 13%
Зубоврачебная промышленность. 26.557 унций 14%
Ювелирная промышленность… 123.910 унций 65%
Другие области применения. 6.801 унций 3%
Всего. 190.783 унций 100%

Другими словами, ювелирная промышленность потребляла теперь две трети общего потребления платины, между тем как на все остальные отрасли промышленности вместе приходилась только одна треть.

По отдельным металлам платиновой группы потребление в 1923 году распределялось нижеследующим образом:

Платина — 152.376 унций
Иридий — 6.494 унций

Палладий — 30.201 унций

Другие металлы (осмий, родий, рутений) — 1.712 унций

Всего… 190.783 унций

Дело шло теперь о том, чтобы в кратчайший срок вновь завоевать для России, которая в течение пяти лет (1918–1922 г.) совершенно исчезла с платинового рынка, соответствующее место на мировом рынке. Необходимо было создать немедленно на мировом рынке место как для текущей добычи русской платины, так и для постепенной реализации накопившихся русских запасов, причем это должно было быть проведено по возможности без понижения или серьезного потрясения существующей на мировом рынке цены.

Эту трудную задачу, по моему глубокому убежденно, нельзя было решить путем случайных единичных продаж отдельным покупателям, совершаемых без всякого плана, а лишь путем соглашения и систематической совместной работы с крупными фирмами, контролирующими мировую торговлю платиною.

Для того, чтобы прежде всего появиться вновь и официально в качестве продавца на мировом рынке, валютное управление продало в конце мая 1923 года партию в 9.640 унций платины по твердой оптовой цене известной германской фирме, торгующей металлами, которая с своей стороны немедленно перепродала купленное количество американским и европейским платиновым фирмам.

Возникла тогда мысль образовать с одной или с несколькими из крупных платиновых фирм совместно смешанное общество, в коем советское правительство и платиновые фирмы должны были участвовать на равных основаниях в размере одной половины акционерного капитала.

Этому смешанному обществу должна была быть передана продажа всей русской платины и таким путем, вместо создания собственной новой организации, можно было бы использовать уже давно существующую и располагающую долголетними широко разветвленными связями организацию по продаже, со всеми ее традициями и опытом.

По поручению народного комиссара финансов Сокольникова, а также председателя главного концессионного комитета Пятакова, я в сентябре-октябре 1923 года вел соответственные переговоры в Лондоне и Париже, но тогда, несмотря на все мои старания, оказалось невозможным согласовать противоречащие интересы сторон. Условия, которые были поставлены контрагентам с русской стороны для участия в предполагаемом смешанном обществе, оказались для платиновых фирм в некоторых отношениях неприемлемыми.

После моего возвращения в Москву, 18 октября 1923 года, я сделал подробный доклад об имевших место переговорах. Мысль об образовании смешанного общества не была окончательно оставлена, переговоры были начаты в Лондоне вновь, но они вскоре заглохли.

Между тем попытки продажи существующего товара энергично продолжались и 14 декабря 1923 года валютное управление совершило с крупной французской фирмой, и притом по твердой и высокой оптовой цене, сделку по продаже партии в 11.200 унций платины.

Весной 1924 года я отправился в Лондон и Ныо-Йорк, вел длительные переговоры с руководящими платиновыми фирмами и в конце концов добился заключения первой крупной полугодовой сделки, а именно 23-го июня 1924 г. в Лондоне был подписан договор с руководящею англо-американскою группою на продажу партии в 29.800 унций, с поставкой до конца 1924 г.

Для того, чтобы успокоить платиновый рынок относительно намерений советских кругов, я дал руководящему американскому журналу «Инженерный и Горный Журнал («Engineering and Mining Journal Press») в Нью-Йорке, 12 мая 1924 года, интервью, в котором было заявлено, что советское правительство не имеет намерения выбрасывать свои запасы внезапно на рынок, но что наоборот политика по продаже платины будет сообразовываться с потребностями рынка, руководясь стремлением по возможности стабилизировать мировую цену платины.

В конце 1924 года заместитель народного комиссара финансов М. И. Фрумкин предложил мне — в ответь на критику, сделанную высшим советом народного хозяйства по поводу политики, которую проводил народный комиссариат финансов при продаже платины — составить подробное заключение по платиновому вопросу. Я в виду этого составил подробный доклад от 12 сентября 1924 года, который состоял из 23-х страниц и исчерпывающее освещал всю совокупность вопроса.

Я резюмировал мое заключение в том смысле:

1. что обратное завоевание мирового рынка, без потрясения или серьезного понижения тогдашнего уровня цен, составлявшего около 116–118 долларов за унцию,[16] возможно исключительно лишь путем систематического совместного сотрудничества с крупными фирмами;

2. что наивысшее количество русской платины, которое может быть размещено на мировом рынке по тогдашней мировой цене, составить для ближайших двух лет (1925-26 г.г.) около 65.000 до 70.000 унций в год.

3. что насильственная попытка, во что бы то ни стало,

размещать большое количество платины повлечет за собой лишь падение цен и чрезвычайно крупные убытки и

4. что новая русская добыча для ближайших двух лет, 1925-26 г.г., должна быть нормирована на уровне около 125 пудов (= около 66.000 унций) в год.

Валютное управление — отчасти под давлением уральских рабочих, которые при нормировке добычи опасались частичного увольнения занятых на этом деле рабочих — не удовлетворилось этими перспективами, а поручило мне разместить в 1925 году твердо, по мировой рыночной цене (следовательно по оптовой цене 108 долларов за унцию), обязательно 180 пудов (= 94.700 унций).

Принимая во внимание, что платиновый рынок был чрезвычайно чувствителен и весьма мало растяжим и имея в виду, что приемоспособность его могла быть расширена лишь весьма постепенно, исполнение этого поручения было совершенно невозможно.

Я знал, что крупные фирмы в своем собственном интересе серьезно стремились к тому, чтобы пойти навстречу сов. России во всех отношениях, для того, чтобы избегнуть бессистемных действий России на платиновом рынке и этим самым тяжелого падения цен. Я знал, что крупные фирмы готовы принести финансовые жертвы для того, чтобы придти к соглашению с Россией. Но я вместе с тем знал, что крупные фирмы вынуждены — если они хотят держать цены на нынешнем уровне — закупать не только русскую, но всякую платину, появляющуюся на мировом рынке, а следовательно и колумбийскую добычу около 45.000 унций.

Для меня было ясно, что соглашение между Россией и крупными фирмами было единственно правильным, единственно выгодным решением для России. Годовая сделка в 70.000 унций гарантировала народному комиссариату финансов твердую бюджетную доходную статью в 7.500.000 долларов, которая выплачивалась бы ежемесячными платежами в 625.000 долларов.

Россия при этом не имела бы никакого риска, а наоборот, вся тяжесть продажи, регулирования и контроля мирового рынка лежала бы на плечах крупных фирм.

Но тем не менее я должен был считаться с известным течением в Москве, которое сознательно стремилось провоцировать борьбу, вызывать путем внезапного выбрасывания на рынок крупных запасов полную разруху, вызывать, не считаясь ни с чем, крупное падение цен, чтобы этим путем якобы раз навсегда уничтожить добычу платины в Колумбии и вновь завоевать для Россия место диктатора на платиновом рынке.

Я убежденно боролся против этой авантюрной политики. Я докладывал валютному управлению неоднократно, что нет никакого основания думать, что колумбийская промышленность, в которую помещены крупные капиталы, может быть раз навсегда уничтожена внезапным падением цен, я доказывал, что себестоимость производства новой русской платины сама весьма высока, гораздо выше, чем до войны. Я указывал на то, что при крупном падении цен не только пострадает серьезнейшим образом новая добыча платины, ибо советской платинопромышленности придется работать без малейшей прибыли, но, что кроме того потеряют значительную часть своей стоимости и крупные старые запасы платины, имеющиеся у советского правительства, каковые в виду этого не смогут более служить в той же мере, как до сих пор, для обеспечения бумажно-денежного обращения. Я высказывал убеждение, что действительное увеличение потребления, т. е. значительное повышение приемоспособности рынка, безусловно не сможет быть достигнуто путем падения цен всего лишь на 10 или 20 долларов за унцию. Наоборот, цены должны будут упасть до совершенно запретного с точки зрения стоимости производства предела — и притом на долгий срок, — дабы технические отрасли промышленности опять возымели-бы интерес возвратиться к прежнему высокому уровню потребления платины.

Вначале января 1925 года я доложил прибывшему в Лондон начальнику валютного управления проф. Юровскому устно и положение дела по платиновому вопросу и мою точку зрения на него.

Другими словами, я сделал все, чтобы добиться разумного соглашения между советским правительством и крупными фирмами на платиновом рынке и этим устранить возможность внезапного и крупного падения цен, которое причинило бы России самый тяжкий ущерб, как в качестве владельца старых запасов, так и в качестве производителя новой платины.

Надлежащие ведомства в Москве, не понимавшие фактического взаимодействия отдельных факторов на мировом рынке платины или не желавшие понимать такового, чинили мне в этом отношении самые крупные препятствия.

В конце ноября 1924 года я получил телеграмму из Москвы от заместителя начальника валютного управления Карклина, что московский представитель крупной германской фирмы, торгующей металлами, сделал народному комиссариату финансов твердое предложение на покупку 3.000 килограмм платины (— около 96.500 унций = около 183,5 пуда) с поставкой в 1925 году и по очень высокой цене. Предложение было

чрезвычайно выгодным и я поэтому посоветовал валютному управление телеграфно немедленно заключить эту сделку. Дело это однако, казалось мне весьма сомнительным, потому что партия платины, о которой тут шла речь, была слишком большой для того, чтобы имелась бы возможность разместить ее твердо по высокой цене. Я поэтому решил обследовать это дело в корне, немедленно отправился из Лондона в Германию и посетил соответственную фирму. Фирма эта ничего не знала о якобы твердом предложении ее московского представителя и была чрезвычайно поражена моему сообщение. После долгого обмена телеграммами между фирмой и ее московским представителем в конце концов выяснилось положение дела прямо противоположное тому, что мне было официально сообщено Карклиным, а именно не германская фирма сделала твердое предложение валютному управлению на покупку 3.000 килограммов платины, а наоборот, валютное управление сделало германской фирме твердое письменное предложение на продажу 3.000 килограммов платины, с поставкой в 1925 году и по цене в 109.50 долларов за унцию. Это предложение имело силу до 11 декабря 1924 года и германской фирмой, конечно, не было принято.

В этом «недоразумении» может быть следовало бы усмотреть известную методичность: может быть в Москве пожелали этим путем подтолкнуть меня к тому, чтобы я добивался еще лучших условий, чтобы я действовал еще энергичнее. Но я в этом видел лишь наивную и чрезвычайно неудачную попытку валютного управления ввести в заблуждение своего собственного представителя и поверенного относительно действительных шансов имеющей быть проведенной сделки. Поэтому, когда Карклин мне телеграфировал из Москвы 6-го февраля 1925 года, что японская группа твердо купила для Японии очень крупную партию платины, а именно 30 пудов (= 15.780 унций) с поставкой в 1925 году, по высокой цене в 110 долларов за унцию, то я принял это сообщение с полным убеждением, что невероятность такового обнаружится в ближайшем же времени, что, конечно, и случилось через несколько недель.

Дабы не допустить перерыва в снабжении мирового рынка русской платиной, мною, с разрешения валютного управления, было продано 31 января 1925 года в Лондоне партия в 10.000 унций платины руководящей англо-американской группе по высокой твердой оптовой цене.

Тем временем, я делал все возможное, чтобы побудить названную группу пойти на самые крайние уступки по отношению к валютному управлению, и в моих переговорах

энергично поддерживал точку зрения валютного управления. Переговоры несколько раз прекращались и опять возобновлялись и кончились наконец тем, что народный комиссар финансов Сокольников дал свое согласие на заключение годовой сделки, с поставкой в 1925 году, и поручил мне подписать таковую.

2-го апреля 1925 года был заключен в Лондоне договор, согласно коему англо-американская группа купила партию в 60.000 унций платины, с поставкой до 31 декабря 1925 года по твердой высокой оптовой цене. Совместно с купленным 31-го января 1925 года количеством в 10.000 унций таким образом была размещена на мировом рынке, без малейшего потрясения мировой цены, крупнейшая партия в 70.000 унций (= 133 пуда).

Во время этой борьбы в Москве уже возникла мысль создать собственную организацию для продажи русской платины и мне было поручено выработать устав соответственного общества. Это общество должно было иметь целью совершенную самостоятельность и полную свободу действий на платиновом рынке, полную независимость по отношению к фирмам и группам, контролирующим мировой платиновый рынок, а также реализацию на мировом рынке полностью русской текущей добычи платины и русских старых запасов.

Характерно, что в некоторых местах попытались придать и этой чисто деловой цели учреждения общества партийно-политическую окраску. В марте 1925 года генеральный агент народного комиссариата финансов за границей, А. С. Сванидзе, обратился к народному комиссару финансов Сокольникову с просьбой поместить в московской печати заметку относительно предстоящего учреждения общества для продажи платины в том смысле, что «в виду искусственно созданной монополии на платиновом мировом рынке, в которой не заинтересованы ни производители, ни широкие потребители, и которая идет на пользу только нескольким крупным фирмам, захватившим в свои руки реализацию платины, народный комиссариат финансов предполагает учредить за границей акционерное общество по продаже платины, которое откроет доступ к платине и для широких потребительских кругов».

Что платина не является предметом первой необходимости, который интересует широкие народные массы, известно, конечно, всем. Какие «широкие потребительские круги» имел в виду генеральный агент при этом объявлении, остается очевидно его секретом, тем более, что имеющее быть учрежденным общество, конечно, уже вследствие фискальных соображений, а также высокой себестоимости добычи русской платины, должно было стремиться к тому, чтобы по возможности предупреждать падение

или серьезное понижение мировой цены на платину.

Я оставил мою должность 1-го мая 1925 года,[17] а поэтому очерчу здесь дальнейшее развитие лишь краткими штрихами.

Предполагаемое общество было учреждено в Берлине, 3-го декабря 1925 года, под наименованием «Акционерное Общество для продажи драгоценных металлов» («Edelmetalle-Vertriebs-Aktien-Gesellchalt»).

Вышеупомянутый договор 2-го апреля 1925 года был исполнен к общему удовлетворенно обеих сторон. В конце 1925 года борьба за заключение нового договора возобновилась. С русской стороны пытались использовать против англо-американской группы конкуренцию других контрагентов и поэтому продали в январе 1926 года 15.000 унций французской фирме. Но в конце концов опять пришли к соглашению и 22-го марта 1926 года «Акционерное Общество для продажи платины» заключило договор с англо-американской группою о поставке 78.000 унций платины в течение одного года, до конца марта 1927 года, по цене, которая несмотря на значительность этой крупной партии все же превышала 100 долларов за унцию.

После истечения срока этого договора, 1-го апреля 1927 года, Москва решила не заключать дальнейших монопольных договоров и «Акционерное Общество по продаже платины» взялось «отныне самостоятельно организовывать продажу русской платины на мировом рынке».

Результатом этой «организации» — как и следовало ожидать — было страшное падение цен (например, в конце июля 1927 года, до 62 долларов за унцию в розничной продаже, следовательно, почти наполовину) и ничем не оправдываемый крупнейший убыток для советского правительства, но также и для других участвующих на платиновом рынке: для производителей, аффинеров, торговцев и потребителей.

В своем отчете от 25-го февраля 1928 года (за операционный год с 1-го октября 1926 г. по 1-ое октября 1927 г.) «Акционерное Общество по продаже платины» следующим образом охарактеризовывает положение дела:

«Факт усиленного появления русской платины на мировом рынке естественно привел к пониженно платиновых цен, так как для установления этих цен ныне уже не были решающими мероприятия известных заинтересованных групп, а, напротив, образование цен определялось стоимостью производства. Благодаря модернизации имеющихся для добычи платины установок и усиленному применению самых современных электрических машин и драг величайшей дееспособности, себестоимость добычи русской платины понизилась настолько,

что Общество имело возможность установить продажную цену, которая находится на уровне себестоимости других стран-производителей или даже ниже такового.

Эффект этого понижения цены, конечно, сказался, и мы теперь можем констатировать, что наше общество сумело стать твердой ногой на мировом рынке платины, причем наши старания в большой мере были поддержаны тем, что нам удалось на всех главных мировых пунктах найти первоклассные фирмы, как представителей для продажи русской платины.

Достигнутый нами оборот значительно повысился. Деятельность по продаже за истекшие месяцы текущего операционного года также является весьма оживленной… так что и для текущего года следует предвидеть благоприятное развитие, если не произойдет непредвиденных случаев».

Согласно этому отчету, следовательно, «Акционерное Общество по продаже платины» оказывается чрезвычайно удовлетворенным добытыми результатами.

Все же остается фактом, что другие производители, прежде всего Колумбия, не исчезли с мирового рынка, несмотря на страшное падение цен. Вместе с тем и крупные платиновые фирмы, несмотря на понесенные убытки, не оказались разоренными, а продолжают существовать и контролировать мировой рынок так же, как и до сих пор. Напротив, производство Колумбии повысилось и теперь составляет около 60.000 унций в год, между тем как Южная Африка (Трансвааль) вообще лишь в последние два года появилась на рынке в качестве серьезного производителя платины.

Далее является фактом, что официальная цена в Нью-Йорке на розничную продажу платины в первой четверти (январь-март) 1929 года составляла от 64 до 65 долларов за унцию (против 112–120 долларов за унцию в течение периода от 1923 до 1926 года), другими словами, мировая цена на платину уже близко подошла к самому пределу русской себестоимости.

Наконец, самым несомненным фактом является тот, что фактически убыток в миллионы долларов, понесенный русским бюджетом и русским народным хозяйством вследствие неправильной политики продаж — убыток, который за время от 1-го апреля 1927 г. до 1-го апреля 1929 г., может быть оценен минимально в 5.250.000 долларов, — не может быть возмещен даже самыми распрекрасными фразами годового отчета «Акц. О-ва по продаже платины».

При этом нужно иметь в виду, что народный комиссариат финансов, несмотря на эти совершенно бесцельные жертвы и несмотря на то, что не удалось устранить конкуренцию прочих

стран-производителей, все равно не достиг настоящей поставленной им цели: учреждения собственной независимой организации по продаже платины. Ведь, продажи все равно и ныне не производятся собственными органами по продаже, а осуществляются лишь на комиссионном основании через посредство разных платиновых торговцев в Лондоне, Париже и Нью-Йорке. Разница только в том, что прежде Валютное Управление продавало крупную годовую партии твердо по высокой цене и, в виду этого, выступало на мировом платиновом рынке в качестве важного, решающего и стабилизующего фактора. Теперь же «Акц. О-во по продаже платины» с многоголовым аппаратом служащих размещает товар на рынке маленькими партиями на комиссионном основании по низким и вечно меняющимся ценам и поэтому лишено возможности гарантировать русскому бюджету твердую, заранее точно определяемую, доходную статью.

При сегодняшнем положении дела «Акц. О-во по продаже платины», хотя и является номинально совершенно независимым, но фактически оно, может быть, находится еще в большей зависимости от контролирующих мировой платиновый рынок и борющихся против него крупных платиновых фирм, чем Валютное Управление со своими монопольными договорами в период 1924–1926 г.г.

Цель, которую поставило себе «Акц. О-во по про-даже платины» в упомянутом своем отчете от 25-го февраля 1928 г., а именно «вновь завоевать для русской платины ту позицию, которую она занимала до всемирной войны, когда свыше 96 % мирового потребления этого металла покрывалось экспортом из России», при нынешних изменившихся обстоятельствах является печальной утопией.

Сегодня, когда, кроме Россия, и другие страны, в особенности Колумбия, Южная Африка и Канада, развили серьезную добычу платины, Россия не может претендовать, как до войны, на удовлетворение 96 % мирового потребления, а лишь на то место на мировом рынке, которое полагается ей при сегодняшнем положении дела. А это место не оспаривается у советской России. Путем надлежащего соглашения с уже существующими на платиновом мировом рынке факторами, России удалось бы это место удержать гораздо спокойнее и увереннее, чем путем борьбы цен, проводимой с громаднейшими убытками.

Эта борьба, начатая два года тому назад и направленная в действительности на то, чтобы добиться диктаторского положения на мировом рынке и уничтожить колумбийскую и прочую конкуренцию, может ныне считаться окончательно

проигранной.

Глава четырнадцатая
Монетный двор в Лонлоне — Чеканка русской серебрянной и медной монеты — Покупка чистого серебра — Аффинаж русского серебра

Одновременно с другими задачами, мне было поручено вести переговоры с Английским Королевским Монетным Двором (The Royal Mint) в Лондоне относительно чеканки русской серебряной монеты.

С введением твердого золотого обращения в 1923 году, с постепенным оживлением торговли, транспорта, банкового дела и промышленности, после проведения «новой экономической политики», так называемого «НЭП»-а, выявилась срочная потребность в твердой, высокоценной монете, а также и в разменной монете.

В течение долгих лет, прошедших с начала войны, золотая и серебряная монеты совершенно исчезли из оборота и были заменены бумажными деньгами, который в последнее время часто меняли свой вид и ежедневно меняли свой курс. Кроме того, в течение гражданских войн, во многих областях громадного российского государства, разными временными правителями было выпущено столько бумажных денежных знаков, что население, в особенности же неграмотное крестьянство, потеряло всякое доверие к бумажным деньгам.

Монетной единицей нового обращения остался прежний золотой рубль, и была отчеканена новая золотая монета, золотой червонец, равный десяти золотым рублям, которая, однако, не была пущена в общее обращение, так как иначе она немедленно была бы вновь поглощена населением и, несомненно, окончательно была бы утеряна для денежного обращения.

Золотой червонец имеет на своей лицевой сторона изображение крестьянина-сеятеля, идущего по полю, справа видны фабричные трубы, слева — восходящее солнце. Над этим в полукруге красуется в стильных буквах надпись «Один червонец» и год «1923». На оборотной стороне имеется в таких же буквах девиз: «Пролетарии всех стран, соединяйтесь», а также герб РСФСР.

С введением нового денежного обращения Валютное Управление стояло перед задачей ввести в оборот серебряную монету, которая в ясных символах должна была олицетворять идею советской власти и вместе с тем отвечать художественным требованиям.

С этой целью летом 1923 г. было поручено трем известным русским графикам и медальеру монетного двора представить для закрытого конкурса художественно исполненные рисунки для серебряного рубля и полтинника. Художникам была дана определенная тема, а именно: изображение крестьянина и рабочего совместно, и изображение крестьянина и рабочего в отдельности. Рисунок, представленный художником Сергеем Грузенбергом, был избран на конкурсе и утвержден народным комиссаром финансов.

Серебряная монета в один рубль имеет на лицевой стороне изображение рабочего, указывающего крестьянину протянутой рукой на восходящее на горизонте солнце, символизируя этим единение рабочего и крестьянина в деле создания мощного союза советских республик.

Серебряная монета в 50 копеек (полтинник) имеет на лицевой стороне изображение рабочего, выковывающего молотом на наковальне сельско-хозяйственные и промышленные орудия. У ног его лежат зубчатое колесо и плуг. На оборотной стороне обеих монет имеется девиз и герб союза советских республик.

Монетный Двор в Петербурге был полностью занять чеканкой серебряной рублевой монеты и серебряной разменной монеты в 20, 15 и 10 копеек, а также медной разменной монеты. Монетный Двор в Петербурге не был в состоянии поставить в кратчайший срок потребное большое количество полтинников. В виду этого необходимо было, сдать чеканку полтинников на сторону, и наиболее подходящим для этой цели представлялся Монетный Двор в Лондоне, который уже издавна исполнял заказы по чеканке для самых различных государств и известен был превосходным качеством своих работ.

После длительных переговоров, кои я имел с Монетным Двором в Лондоне, 27-го марта 1924 г. был заключен договор, коим Монетный Двор принял на себя чеканку 40.000.000 штук серебряных полтинников, представляюших собой монетную стоимость в 20 миллионов рублей. Полтинник имеет приблизительно ценность одного шиллинга, и ныне является наиболее популярной монетой в советской России. Полтинник содержит 900 частей серебра и 100 частей меди и имеет общий вес ровно в 10 грамм.

Сдача всего заказа должна была последовать в течение

четырех месяцев со дня утверждения Валютным Управлением имеющей быть представленною Лондонским Монетным Двором пробной монеты.

Потребное для чеканки очень значительное количество чистого серебра, в размере 360.000 кило, было куплено на Лондонской бирже, по поручению валютного управления, через посредство крупных маклерских фирм. Покупка совершалась строго конфиденциально и весьма осторожным образом для того, чтобы не поднять рыночной цены на серебро. Маклера по поручению торгпредства в Лондоне заключали почти ежедневно покупные сделки на маленькие партии серебра вплоть до того момента, когда было закуплено все потребное количество серебра.

Часть потребного серебра была поставлена из России, причем церковное и прочее серебро, переплавленное в Монетном Дворе в Петербурге, отправлялось оттуда прямым рейсом, с целью очистки, в Лондон, там подвергалось аффинажу на крупном заводе, а полученное чистое серебро сдавалось Лондонскому Монетному Двору. Всего, на основании заключенного 3-го июля 1924-го года договора, было аффинировано в Лондоне летом и осенью 1924-го года, около 16.000 пудов (= около 262.000 кило), привезенного из Петербурга переплавленного серебра.

Кроме чеканки серебряной монеты, Монетному Двору в Лондоне (на основании соглашения от 5-го июля 1924-го года) была поручена также и чеканка 40.000.000 штук медных пятаков, представляющих собою монетную стоимость в два миллиона рублей. Потребное количество, около 645 тонн, электролитической меди было закуплено на Лондонском рынке. Чеканка медной монеты производилась, помимо Лондона, также и, на частном монетном дворе в Бирмингаме, под надзором и ответственностью Лондонского Монетного Двора. Оба поручения были исполнены Монетным Двором в Лондоне до конца ноября 1924-го года к полному удовлетворению валютного управления и в полном своем объеме. Новые монеты, по мере их изготовления, отправлялись прямыми пароходами непосредственно в Петербург и немедленно вводились в обращение.

Заказ на чеканку русской серебряной монеты в свое время возбудил интерес английской общественности и был очень благосклонно принят английской прессой.

Глава пятнадцатая
Реализация старинного серебра — Переговоры об аукционе — Отклонение аукциона

Третья задача, стоявшая передо мной, была рациональная организация продажи классифицированного в Гохране старинного серебра.

После того, как русские музеи получили из найденных предметов все то, что для них имело малейшую ценность, все же остались многие тысячи предметов, из коих некоторые представляли собой с полным основанием музейный интерес, некоторые являлись желанными и высокоценными объектами для коллекций, между тем как остаток представлял собою, в среднем, хороший материал среднего антикварного качества.

Я должен был считаться с тем, что половина найденного старинного серебра была русского происхождения, и поэтому лишь очень туго поддавалась продаже. Прежде для русского серебра 17-го и 18-го века, а также и начала 19-го, существовал широкий внутренний рынок, который поглощал хорошие объекты немедленно и по высокой цене, между тем как средний товар также находил хороший сбыт. При советских же условиях внутренний рынок, как бы исчез, между тем, как внешний рынок, который старинного русского серебра, так же, как и вообще старинного русского искусства, не знал, не проявлял интереса к русскому серебру. Приходилось считаться разве лишь с центрами русской эмиграции, прежде всего с Парижем, где поселилось несколько русских антикваров, начавших с успехом пропаганду старинного русского искусства.

За границей можно было, следовательно, ожидать живого интереса лишь для серебра иностранного происхождения, прежде всего для французского, английского и германского серебра.

Так как старинное серебро, так же, как и старинные вещи вообще, представляет собой товар, который не имеет определенной, точно установленной, рыночной ценности, но колеблется в цене, смотря по конъюнктуре, по направлению моды и по своеобразию и вкусу покупателя, то рационально организованный аукцион являлся единственным и самым правильным путем продажи, в особенности для высококачественного, хорошего и среднего товара.

Рыночный же товар (серебряная посуда 19-го века русского

изделия и т. д.), можно было сбыть торговцам путем продажи большими париями.

В виду этого я занялся обследованием условий, имеющихся для производства аукциона в Берлине, Париже и Лондоне, и убедился в том, что Берлин является наиболее подходящим местом для аукциона.

Франция в 1924-м году не имела еще дипломатических отношений с советской Россией, так что аукцион в Париже сам по себе был исключен.

В Англии же ввозу больших партий старинного серебра препятствовали непреодолимые таможенные затруднения, ибо, согласно английскому таможенному закону, все ввозимые в Англию серебряные изделия, изготовленные после 1800-го года, должны были быть снабжены английским пробирным клеймом. Кроме того, в Гохране вообще найдено было лишь сравнительно мало английского серебра, так что вряд ли приходилось говорить об аукционе в Англии. К тому же крупная английская аукционная фирма, к которой я обратился в августе 1924-го года по поводу возможного аукциона драгоценных табакерок и т. д., отнеслась к возможности такового аукциона совершенно отрицательно, заявив, что при осмотре товара до производства аукциона могли бы объявиться бывшие собственники отдельных объектов, а это обстоятельство могло бы принести серьезный ущерб репутации фирмы, а также поставить под сомнение самый успех аукциона.

В виду этого, я в конце июля 1924-го года возобновил начатые уже в феврале того же года переговоры с одним из самых крупных домов по производству художественных аукционов в Берлине. Эта фирма, несмотря на существовавший в то время дипломатический конфликт между Германией и Россией, согласилась взяться за проведете аукциона. Фирма эта послала в октябре 1924-го года своих представителей в Москву и повела с валютным управлением непосредственные переговоры с тем результатом, что 1-го ноября 1924-го года в Москве было заключено соглашение, согласно коему данной фирме было поручено производство аукциона старинного серебра, табакерок и т. д. в Берлине весной 1925-го года на известных, вполне приемлемых условиях.

Вся партия серебра, долженствующая быть пущенной на аукцион, была оценена Государственным Хранилищем в Москве в 1.446.848 рублей 25 коп., среди коего имелось:

русского дворцового серебра на сумму… 292.154 р.

иностранного дворцового серебра (следов. французское, германское и английское серебро) на сумму… 548.445 р.

Всего дворцового серебра на… 840.599 р.

Берлинская фирма взяла на себя обязательство изготовить каталог аукциона, снабженный многими иллюстрациями и тщательно разработанный с научной точки зрения, дабы этим путем закрепить навсегда художественную и научную ценность пущенных на аукцион предметов. На основании соглашения от 1-го ноября, фирма в декабре 1924-го года вновь послала своего представителя в Москву, который подробно осмотрел старинное серебро, долженствующее быть переданным на аукцион, и пришел к соглашению с валютным управлением относительно предельных цен отдельных предметов.

2-го января 1925-го года я имел еще подробное совещание с этой фирмой и урегулировал также вопрос о банковой гарантии, имеющей быть предоставленной берлинской фирмой. Ибо валютное управление, при заключении соглашения, поставило условием, чтобы берлинская фирма предоставила от германского крупного банка соответствующую гарантию, как относительно переданного ей для аукциона товара, так и относительно полученной на аукционе выручки.

Когда я, в конце января 1925 г., прибыл из Лондона в Берлин, будучи прикомандирован к генеральной агентуре народного комиссариата финансов за границей, дабы здесь окончательно остаться, генеральный агент Сванидзе заявил мне, что недавно было принято решение не дать состояться весной 1925 г. аукциону старинного серебра. Соответственное решение имеется как со стороны торгового, так и полномочного представительства, ибо предполагается, что при громадном количестве имеющих поступать на аукцион серебряных предметов — из коих значительная часть представляет собой бывшее частное имущество, конфискованное советской властью, — в Берлине во многих случаях могли бы объявиться бывшие владельцы соответственных предметов, которые могли бы доказать принадлежность им этих предметов путем фотографе или других доказательства. Все это дело с бюджетной точки зрения не представляется настолько важным, чтобы из-за него стоило рисковать какими-либо неприятными осложнениями.

Я указал Сванидзе, что договор уже заключен валютным управлением в Москве и что я не вижу серьезной причины, по которой можно было бы ныне отказать в аукционе фирме, понесшей уже значительные расходы по этому делу, тем более, что и вопрос о политических соображениях, имеющихся против производства аукциона в Берлине, был подробно освещен и обсужден в Москве во время октябрьских переговоров с фирмой. Сванидзе, однако, настаивал на своем предложении, чтобы я устно отказал фирме в договоре. Я отправился в полпредства и

узнал там, что полпредство, как таковое, не имеет прямых возражений против аукциона, но что такие возражения сделаны торгпредством в Берлине, а именно лично торговым представителем Старковым, и что полпредство не считает возможным пройти мимо этих возражений.

В виду этого, я заявил соответственной фирме 5-го февраля 1925-го года, что валютное управление, вследствие возникших ныне политических соображений и препятствий, к сожалению, должно отказаться от производства аукциона. Директора фирмы обрушились в жестоких упреках против валютного управления, которые я, конечно, вынужден был отразить. Я указал фирме на полную безнадежность судебного иска, и советовал ей настоятельно примириться с создавшимся положением, в надежде, что ей будут переданы новые аукционные поручения тогда, когда эти политические препятствия не будут более играть роли.

Фирма, в конце концов, согласилась, примирилась с отклонением аукциона и купила у валютного управления, в качестве известной компенсации, несколько партий обычного столового серебра начала 19-го века по цене несколько меньшей по сравнению с официальной продажной ценой.

Когда заместитель начальника валютного управления, тон. Карклин, заключивший договор с берлинской фирмой и руководивши ныне Гохраном, узнал об этом обстоятельстве, он заявил категорический протест. Он заявил в своем письме на имя генерального агента Сванидзе, что нельзя произвольно и односторонне объявлять уничтоженными договоры, заключенные валютным управлением, и к тому же без того, чтобы его предварительно об этом запрашивать. Престиж валютного управления и народного комиссариата финансов, как и советских учреждений вообще, не может не пострадать, если контрагенты этих учреждений останутся под впечатлением, что договоры, раз заключенные, не исполняются. Конечно, «львиная доля вины» лежит на представителе валютного управления, который ни при каких обстоятельствах, хотя бы и устно, не должен был заявлять отказа от договора.

В этом отношении Карклин, аргументы которого были сами по себе вполне правильны, был неправ. В качестве представителя валютного управления за границей, я должен был руководиться твердо установленным и ясно подчеркнутым в моих мандатах правилом, что все мои действия за границей могут быть предприняты мной исключительно с ведома и согласия находящегося в данной стране полномочного представителя. Поскольку полпред мне заявил, что он по известным причинам не

считает возможным производство аукциона в Берлине, это заявление являлось для меня единственно решающим. Это было делом полпредства засим согласовать свое решение с валютным управлением. Я же во всяком случае должен был подчиниться распоряжению полномочного представителя.

Затем началась между Сванидзе и Карклиным чрезвычайно резкая переписка. Сванидзе угрожал Карклину в своем ответном письме, что он привлечет его к партийному суду, если тот не прекратит своих нападок на него, и заявил ему вместе с тем, что он находит весьма странным, что Карклин с таким рвением защищает интересы германской фирмы. Сванидзе, однако, вопреки моему требованию, не обмолвился в этом письме ни словом о том, что в действительности на мне не только не лежала «львиная доля вины», но что я вообще не был виновен в том обороте, который приняло это дело. Он намеренно умолчал о том, что я заявил отказ от договора лишь по его поручению и вследствие требования полпредства.

Классифицированное в Москве старинное серебро в виду этого не было пущено на аукцион, а было в конце 1925-го года, после того, как я оставил мою должность, привезено в Берлин. Тут оно совершенно бессистемно и по отдельным предметам в течение нескольких лет продавалось отдельным антикварам и частным покупателям. Конечно, при подобном роде продажи, наилучшие и наиболее дешево лимитированные предметы немедленно были проданы, тогда как высоколимитированный или не ходкий товар оставался лежать. Проданные вещи, конечно, не были ни каталогизированы, ни иллюстрированы и, таким образом, для научных целей могут считаться погибшими.

Глава шестнадцатая
Берлин — Генеральная агентура Народного Комиссариата финансов за границей — Мой уход с должности

2-го февраля 1925-го года я приступил к моей деятельности в Берлине, в генеральной агентуре народного комиссариата финансов за границей.

По предложению народного комиссара финансов Сокольникова, я в начале марта 1925 г. отправился на Лионскую ярмарку, где в советском павильоне была выставлена платина в слитках и в изделиях. Эррио, французский министр и мэр г. Лиона, и Красин, советский посол в Париже, посетили советский павильон 8-го марта и внимательно осматривали выставленную платину.

Я затем уехал в Париж и Лондон, где вел переговоры по текущим делам валютного управления, и 23-го марта вернулся в Берлин.

Согласно телеграфному поручению народного комиссара финансов, я в конце марта вновь отправился в Лондон, подписал там 2-го апреля годовой договор на продажу платины, и вернулся вновь в Берлин.

15-го апреля генеральный агент Сванидзе вручил мне подписанное им письмо, адресованное на мое имя, следующего содержания:

«Настоящим сообщаю для сведения Вашего, что мною сего числа получена телеграмма от Валютного Управления, извещающая меня о том, что должность Коммерческого Агента при Генеральной Агентуре упраздняется Валютным Управлением в виду недавнего заключения Вами в Лондоне сделки на реализацию платины на весь текущий год, а также потому, что других коммерческих сделок в ближайшем будущем не предвидится.

Вместе с тем мне предлагается известить Вас, что Вы откомандировываетесь обратно на службу в Москву в распоряжение Валютного Управления.

Прошу сообщить мне, когда Вы можете закончить Вашу текущую работу с тем, чтобы отправиться к месту Вашей командировки.

Уважающий Вас А. Сванидзе.»

Это сообщение явилось для меня неожиданным, тем более, что мотивировка моего отозвания в Москву не соответствовала обстоятельствам дела и поэтому произвела на меня весьма своеобразное впечатление.

Но это известие по крайней мере было ясно. Дело шло о том, чтобы отправиться в Москву на постоянную службу, на совершенно неопределенный срок, может быть, на долгие годы. Это было для меня, после всего того опыта, который я проделал, совершенно неприемлемо. Прежде всего, я должен был бы туда отправиться один. Но уже не говоря о семейных обстоятельствах и об общих условиях, существующих в Москве, я был уверен в том, что я, при данном положении дела, безусловно не найду в Москве того поля деятельности, к которому я стремился. Моя работа представляла для меня большой интерес, она охватывала обширную, разнообразную и необыкновенную область и заполняла меня совершенно. Но за границей — даже теперь, где я был лишь одним из членов генеральной агентуры, — я все же мог сохранить за собой известную инициативу, самостоятельность и свободу действий. В Москве же все это было для меня совершенно исключено, это я теперь знал наверное.

В виду этого я стоял перед трудным решением, тем более, что генеральный агент настаивал на скорейшем ответе.

Я решился просить его дать мне свое личное откровенное мнение по этому поводу.

Св.: — Я не в состоянии дать вам совета. Вы должны принять решение на свою собственную ответственность. Конечно, вами была проявлена большая энергия и инициатива при обработке всех порученных вам дел, но все же весьма сомнительно, сможете ли вы сохранить эту самостоятельность в обстановке валютного управления в Москве. Ведь вы же сами как-то сказали: разницу между Соединенными Штатами Америки и советской Россией можно было бы парадоксально выразить следующими словами: Соединенные Штаты являются страной неограниченных возможностей, а советская Россия — страна неограниченных невозможностей.

Л. — Откуда вы это знаете?

С. — Это мне было передано.

Л. — Ну, что-ж, пусть будет так.

С. — Ну, разве вы, в случай вашего переселения в Москву, не допускаете возможность известных «неприятных неожиданностей»? Разве не считаете вы возможным, что одна из этих «неограниченных невозможностей» могла бы случиться именно с вами?

Л. — Вы что этим хотите сказать? Ведь, если со мной в самом деле случилась бы какая-нибудь неприятность, ведь, если бы в самом деле хотели меня «пришить» к какому-либо делу, то ведь, прежде всего, было бы обязанностью начальника валютного управления заступаться за меня.

С. — Бросьте, не будьте столь наивным. Ведь вы же прекрасно знаете, что начальник валютного управления беспартийный человек, что он такой же спец, как вы, и что он поэтому абсолютный нуль, когда дело идет о том, чтобы высвободить кого-либо из опасного положения.

Л. — Я вас не понимаю. Чего-же мне, собственно, опасаться?

С. — Ну, хотя бы того, что вам приписывается главная вина в отказе от берлинского аукциона.

Л. — Ведь вы же знаете лучше всех, что за мной в этом вопросе не имеется ни малейшей вины, что я только исполнил ваше распоряжение, основывавшееся на письменном предложении полпреда. Вы же знаете, что я пытался убеждать вас и полпреда, что наш образ действий является необоснованным. Следовательно, я фактически стоял вполне на точке зрения валютного управления. Заявив устно об отказе от договора, я ведь лишь исполнил мой служебный долг.

С. — Конечно, все это верно, но Москва придерживается другого мнения.

Л. — Ваше дело написать в Москву, и выяснить и доказать мою полную невиновность в этом вопросе.

С. — Ну, пока ведь этого не требуется. Кроме того, вы, например, энергично выступали в пользу заключения монопольных договоров по платине с руководящими группами, хотя ведь валютное управление, собственно говоря, не всегда разделяло вашу точку зрения.

Л. — Ведь я же не мелкий чиновник, ведь это являлось моей прямой обязанностью уведомлять валютное управление и народного комиссара финансов о действительном положении дела по вопросу о платине и о моем отношении к нему.

С. — Конечно, все это очень хорошо, и я вполне уверен, что вы можете спокойно отправиться в Москву. Я даже уверен, что с вами не случится ни малейшей неприятности. Ведь для этого нет никаких оснований. Но все-таки подумайте над этим делом. Ведь это для вас, хотя бы и по семейным обстоятельствам, весьма важное решение переселиться в Москву. А завтра дайте мне знать о вашем решении…

Этот разговор произвел на меня сильнейшее впечатление. Я никак не мог забыть туманного намека на «неограниченные невозможности». Правда, я хотел остаться при моей нынешней

деятельности, но я, конечно, не имел ни малейшего желания подвергать себя в Москве «неприятным неожиданностям» со всеми непредвидимыми их последствиями.

В виду этого я обратился к полпреду Н. Н. Крестинскому, и имел с ним 17-го апреля 1925 г. разговор по этому вопросу. Крестинский, который оказался уже вполне в курсе моего дела, заявил мне также, что он должен предоставить разрешение вопроса исключительно моему личному усмотрению. Он не может сказать ничего ни за, ни против, я должен сам лучше всего знать, представляет ли моя деятельность такой интерес для меня, что я решусь переселиться в Москву.

Тем временем я телеграфировал народному комиссару Сокольникову в Москву, что я по семейным причинам вынужден отклонить предложение валютного управления, но что я согласен продолжать мою деятельность на всякой другой должности в Берлине.

Как и следовало ожидать, 21-го апреля получился из Москвы телеграфный ответ, что народный комиссар финансов Сокольников считает меня с 1-го мая 1925-го года свободным от моих служебных обязанностей.

Я работал еще до конца апреля в генеральной агентуре, привел все мои деловые бумаги в полный порядок и сдал их генеральной агентуре под соответственную расписку.

Этим моя деятельность на советской службе нашла свой конец, неизбежный при «советских условиях».

Глава семнадцатая
Специалист на советской службе

«Спец»

На государственной службе советской России, в народных комиссариатах, в главных управлениях, в государственных трестах и т. д., кроме большого состава государственных служащих, кроме ответственных административных служащих, был занять ряд служащих-специалистов, сокращенно называемых «спецами». В советской России словом «спец» обозначается служащий, постоянно занятый на государственной службе или на службе государственных трестов и организаций, и обладающий специальными знаниями и опытом в определенной области.

Советская Россия нуждается для своей государственной службы в гораздо большем количестве экспертов и специалистов, чем всякое другое государство, потому что в советской Россия промышленность, торговля и банки являются «огосударствленными».

Специалисты берутся частью из интеллигентских слоев населения, из свободных профессий (из круга инженеров, химиков, экономистов, присяжных поверенных, врачей, журналистов, банковских служащих и т. д.), частью же из бывшего чиновничества и офицерского состава.

«Беспартийные». «Характеристика». Опросный лист

С политической точки зрения, специалисты в подавляющем своем большинстве относятся к так называемым «беспартийным», т. е. они вовсе не принадлежать ни к какой политической партии.

В валютном управлении, например, осенью 1923 года из пяти высших должностных лиц четверо, а именно, начальник валютного управления проф. Юровский, один из заместителей (автор данной книги) и оба помощника начальника были беспартийными, между тем как второй заместитель, Карклин, был членом ВКП. Ему, как члену коммунистической партии, была поэтому поручена высшей инстанцией задача составления так называемой «характеристики» своих четырех коллег, т. е. представление подробного суждения о каждом из нас.

От такой характеристики зависело многое в том смысле, что отрицательное мнение по поводу политической ориентации характеризуемой личности, в особенности по поводу лояльности таковой по отношению к советскому правительству, могло иметь для данного лица самые неожиданные последствия.

При этом «лояльность» была понятием, весьма трудно определимым. Лояльность можно было понять в активном смысле, в качестве безусловной верности и преданности существующей власти, но лояльность можно было понять и в пассивном смысле, как окончательный отказ от всякого открытого или тайного сопротивления советской власти, как честное примирение с существующим режимом.

Как бы то ни было, одно было ясно: политическая ориентация так называемого «беспартийного» во всяком случае не отвечала политическим целям и тактическим методам коммунистической партии, иначе данное лицо, конечно, стало бы членом партии. Также не подлежало сомнению, что среди «беспартийных» находились, как люди с определенной политической ориентацией, так и люди, относившиеся ко всякой политике безразлично и без малейшего интереса.

Среди «беспартийных» с определенной политической ориентацией были люди самые различные, начиная с бывших членов «союза русского народа», до левых социал-демократов включительно. Все эти люди были теперь сброшены вместе в одну бесформенную массу «беспартийных», так как, кроме коммунистической партии, в советской России не существовало никакой другой политической партии, да легально и

существовать не могло. Вполне естественно поэтому, что «беспартийные» сотрудники какого-либо учреждения разговаривали друг с другом обо всем, что угодно, о вопросах жалованья, о жилищной нужде, о дороговизне средств пропитания, о женщинах, об одежде, о театре, об искусстве, о служебных и о частных вопросах, только не о политике. «Беспартийные» избегали всяких политических разговоров, как с «беспартийными», так и с членами партии.

При поступлении на государственную службу приходилось заполнять особый «опросный лист»[18], который содержал 39 вопросов. Конечно, необходимо было указать имена и местожительства родителей, детей, братьев и сестер.

Вопрос № 24 гласил: «К какой политической партии принадлежите, время поступления в партию и номер членского билета».

Вопрос № 25 гласил: «Состояли ли раньше в каких-либо политических партиях и в каких именно, где и когда».

Вопрос № 26 гласил: «Если беспартийный, какой партии вы сочувствуете».

На вопрос 24-ый беспартийному, конечно, легко было ответить, а именно просто ответить «нет».

Вопрос 25-ый уже был труднее. Если беспартийные прежде принадлежали к политической партии левого направления (к трудовикам, народным социалистам, социалистам-революционерам, социал-демократам-меньшевикам, к еврейскому Бунду), то они могли спокойно указать на это. Если же они прежде принадлежали к политической партии правого направления (к союзу русского народа, к октябристам), или же к либеральной партии (к конституционно-демократической партии, так называемым кадетам), то они предпочитали, по возможности, умолчать об этом.

Поэтому, не приходится удивляться тому, что господствующая партия относилась к беспартийным с подозрением, ибо никогда нельзя было знать, что скрывалось под этой всеуравнивающей маской.

Вопрос № 26-ой был насилием над совестью, которому большинство подчинялось лишь под давлением материальной нужды. Естественно, ответ на вопрос «какой партии сочувствуете?» — гласил «я сочувствую РКП», т. е. российской коммунистической партии.

Правда, господствующая партия так же мало верила в искренность этого сочувствия, как в искренность действительной беспартийности, или, скорее, политической незаинтересованности или неориентированности

«беспартийных».

Конечно, для всякой государственной власти чрезвычайно важно располагать составом служащих и государственным аппаратом, который искренне предан существующей форме правления, господствующему режиму, и на коего можно вполне положиться.

Поскольку советское правительство вынуждено опираться, как в отношении военных, так и в отношении технических, экономических и финансовых вопросов, на специалистов, которые, за редчайшими исключениями, являются «беспартийными», т. е., во всяком случае, не принадлежат к коммунистической партии, поскольку коммунистическая партия еще не создала своих собственных специалистов, — а для этого потребуются, во всяком случае, многие годы, — постольку не приходится удивляться, если советское правительство надзирает над своими беспартийными специалистами внутри советской России и за границей, и старается установить их действительную политическую ориентацию, или, по меньшей мере, их лояльность по отношению к советскому правительству.

Является твердо установленным фактом, что в советской России существует целый ряд специалистов политически правого или либерального, следовательно, определенно антикоммунистического направления, которые все-же работают усердно и честно, по наилучшему своему разумению. Они служат своей стране, своей родине, они работают так хорошо, как могут. Они служат безразличному для них или ненавистному им режиму, поскольку этот режим существует. Они будут первыми, которые оставят корабль, если он станет гибнуть, они будут первыми, которые помогут низвергнуть советский режим, если он начнет шататься.

Но в советской России существует также большое число людей левого направления, типичных интеллигентов, не мыслящих коммунистически, но усердно и добросовестно исполняющих свой долг, ибо из двух возможностей — царизма или советской власти — они сознательно предпочитают последнюю. Эти специалисты — для которых невыносимы режим насилия, существующей в советской России, насилие над совестью, притеснения и преследования всех инакомыслящих и уничтожение всех политических и гражданских свобод — все-же по политической своей идеологии стоять близко к господствующей партии, как представительнице трудовых классов. Они сознательно вступают на службу советского правительства, они убежденно работают над восстановлением страны, они решительно отклоняют всякий саботаж.

Несмотря на это, советское правительство и на этих специалистов смотрит весьма критически и преподносить и им обычное недоверие.

Система сыска и надзора. «Канатные плясуны»

Несмотря на существующую систему сыска, политически единомыслящие «беспартийные», после длительной совместной работы, все-же находят друг друга. Чувствуется мало по малу, стоит ли перед тобой единомыслящий, или нет. И вот, постепенно, сходятся правый с правыми, либерал с либералами, и социалисты всех оттенков с социалистами.

Только среди единомыслящих, лично друг друга знающих и доверяющих, специалист может свободно высказаться также и по политическим вопросам.

Если два специалиста разговаривают друг с другом частным образом о неслужебных вопросах и, если к ним подходить партийный коммунист, то разговор немедленно обрывается и сейчас же переводится на безопасную тему.

Агенты ГПУ, — как политического, так и экономическая отдела, — которые выступают под различными масками (сослуживцы, помощники, секретари, машинистки, любовницы, шоферы и т. д.), пытаются установить самым различным образом действительное политическое направление «беспартийного» специалиста. Данный агент называет себя беспартийным, старается наладить дружеские отношения и рассыпается в жестокой критике по поводу политического деспотизма советского режима, отсутствия всяких политических свобод, гнусной системы сыска, экономических неурядиц советского хозяйства и т. д. Как бы специалист ни был подозрителен, как бы осторожны ни были его ответы, как бы безразличны ни были вставленные им в разговор замечания, — все же ловкий агент всегда сумеет извлечь какой-либо вывод из разговора и полученных ответов. Если же, — а это бывает довольно часто, — вовлекаемый в разговор специалист молчит, как рыба, обнаруживает свою полную незаинтересованность и безразличность по отношению к политическим вопросам, или же начинает петь хвалебные гимны советскому режиму и достигнутым им блестящим экономическим результатам, тогда агент знает что он узнан в качестве такового, или что его собеседник, во всяком случай, относится к нему с глубочайшим недоверием.

Политическим агентам помогают в этом отношении также партийные коммунисты, и не находящееся на прямой службе ГПУ. Даже если он знает, что специалисту известно, что он член

партии, он все-таки пытается вовлечь его в разговор на политические или экономические темы, дабы из полученных ответов извлечь известные данные о политической ориентации специалиста.

Иногда для специалиста представляется чрезвычайно затруднительным избегать такого разговора, в особенности, если он имеет дело со своим начальником. Но даже если специалист определенно уклоняется от таких разговоров, даже если он совершенно избегает общественно-политической жизни, и в политическом отношении проявляет строжайшую сдержанность, то он все же еще не добьется того, чтобы его считали политически совершенно лояльным. Крайняя политическая сдержанность и абсолютное молчание по политическим вопросам вовсе не считается рекомендацией для данного лица. Только тогда специалист считается действительно лояльным, когда он ясно и недвусмысленно, разговорным или иным путем, высказывает свое сочувствие к политическим и хозяйственным мероприятиям советского правительства.

Подобным или иным образом политическая полиция, в конце концов, добивается того, какого образа мыслей придерживается данный специалист. Находят друзей этого специалиста, подвергают проверке сделанные им указания о его прошлом, ведут, — в особенности, если дело идет об ответственных и важных специалистах, — текущее «дело» об их деятельности и запрашивают от партийных начальников или сослуживцев этого специалиста так называемую «характеристику».

Вся эта система сыска и надзора за специалистом на советской службе, — о справедливости или необходимости коей здесь не приходится спорить, — во всяком случае, имеет то последствие, что она парализует рвение к работе и энергию специалиста, и убивает его независимость и силу воли.

Специалист никогда не имеет того чувства, что он занимает постоянное и прочное место. Он некоторым образом работает в пустом пространстве, он знает, что — как бы он ни был честен — он, рано или поздно, будет замещен партийным коммунистом, либо действительно располагающим потребными знаниями, либо думающим, что он ими располагает. Он знает, что он в советской России, в случае потери им своей должности на государственной службе, вряд-ли сможет еще где-либо устроиться. В старости у него нет права на пенсию, и его перспективы в этом отношении, — если он вообще так далеко заглядывает вперед, — весьма мрачны. Постоянная маска, на службе и вне службы, разыгрывание сочувствия к политическим или хозяйственным мероприятиям и событиям, совершенно противоречащим всему

кругу его идей или интересов, угрюмое молчание, которое он вынужден хранить по их поводу, если он не желает выражать сочувствия этим мероприятиям или событиям, — вся эта внутренняя борьба приводить часто, в особенности у более слабых натур, к полному, не только лишь показному, равнодушию в отношении деятельности и всего окружающего, к полной покорности судьбе, к вялому, чисто бюрократическому, совершенно безучастному исполнение ежедневных служебных обязанностей.

Крупный специалист, занимающей очень высокий пост в хозяйственной жизни советской России и абсолютно чуждый всякой политики, определил положение специалистов весьма метко следующими словами:

«Наше положение совершенно ясно. Лучше всего его можно сравнить с положением канатного плясуна. Мы все ходим по тонкому канату, мы знаем прекрасно, что мы несомненно когда-либо свалимся с каната. Мы не знаем только одного: когда и по какую сторону каната мы сломаем себе шею».

Лицемерие. Канцелярский стиль

Неизбежным последствием такого положения вещей является вынужденная ложь и невероятное лицемерие, производящие удручающее впечатление.

Специалист обязан восхищаться по всякому поводу, если он хочет быть на хорошем счету в коммунистической партии и сохранить свою должность. Он, следовательно, должен притворяться и часто лгать.

Зайдя однажды по делу в другое правительственное учреждение, я спросил служившего там на весьма ответственной должности специалиста, которого я лично хорошо знал с давнего времени, каково его мнение о вносящем коренной переворот в области крестьянского хозяйства мероприятии, опубликованном вчера в газетах.

Он ответил мне совершенно откровенно, что считает его безумием, делом «экспериментирующих фармацевтов», не имеющих самого малейшего понятия о том, что они делают, и высказал глубокое убеждение в том, что эта мера провалится, так же, как целый ряд ей предшествующих.

Через некоторое время в кабинет вошел его начальник, политически руководитель данного учреждения, партийный коммунист, полуинтеллигент из рабочих, и спросил его, между прочим, что он думает о данном мероприятии. Мой знакомый отчеканил совершенно спокойно, без малейшего замедления:

«Это правительственное постановление представляет собой крупный шаг вперед на хлебозаготовительном фронте. Это — ударная задача первейшего значения и прекрасное разрешение давно назревшей проблемы в общегосударственном масштабе».

Его ответ, изложенный в выражениях советского канцелярского стиля, чрезвычайно понравился его начальнику.

Когда я, оставшись с ним наедине, удивленно и с укором посмотрел на него, он ответил мне:

«Не беспокойтесь, вы со временем тоже научитесь «выражаться». А если нет, то тем хуже для вас. Что-же, неужели вы хотите, чтобы я из-за принятого уже постановления по поводу аграрного мероприятия, — которое меня лично не касается, ибо я, в качестве специалиста, не участвовал в разработке этого вопроса, — подверг бы себя опасности? Критика моя все равно не принесла бы никакой пользы, а я лишь стал бы в глазах моего начальника, от которого зависит мое существование и который сам не имеет самостоятельного мнения по этому вопросу, злостным критиком и противником советской власти. Я даже и не

подумаю этого сделать. Моя искренность и откровенность была бы тут лишь идеалистическим вздором, совершенно не отвечающим советским условиям. Будьте спокойны, моя похвала все равно не приведет к тому, что это мероприятие будет иметь ожидаемый его авторами успех. И без меня все пойдет так, как оно неминуемо должно пойти, т. е., конечно, и этот эксперимент провалится. Помилуйте, ведь мы же к этому привыкли. Сегодня данную меру возносят до небес, а завтра, после того, как она на практике дала блестящий провал, она уже забыта. А виноват, конечно, спец. Что-ж вы хотите — такова жизнь. Можно подумать, что вы упали к нам с другой планеты, с Марса, что вас все это так удивляет. Ведь вы же не ребенок. Нужно брать жизнь так, как она есть. С волками жить, по волчьи выть. Против этого ничего не поделаешь. Нужно приспособиться к волчьему режиму — иначе безусловно пропадешь»…

Это общее лицемерие сказывается, конечно, и на официальном и канцелярском языке.

Я не говорю уже о лицемерии, которое проявляется в том, что смертная казнь официально стыдливо именуется «высшею мерою наказания», в стране, где расстрелы производятся по судебным и по несудебным приговорам, где смертная казнь — «физическое уничтожение» — стала обыденною мерою «социальной защиты».

Я говорю об обычном канцелярском языке. Советский казенный стиль пестрит выражениями, вроде: «входить в контакт», «координировать действия», «справляться с заданиями», «налаживать аппарат», «согласовывать работу», за которыми, в громадном большинстве случаев, не скрывается никакого конкретного содержания. Эти выражения и им подобные, взятые из прежней революционной журналистики, стали пустым звуком, и сейчас применяются, главным образом, для того, чтобы скрывать словесную суету переливания из пустого в порожнее, чтобы симулировать живую и активную деятельность и затушевывать отсутствие действительной деловой работы.

Революционные годы вообще сильно отразились на развитии русского языка.

Неукротимая жажда быть новым и оригинальным во всем и во что бы то ни стало хотя и привела к созданию ряда выразительных и характерных русских слов, но повлекла за собой вместе с тем и образование бесчисленных новых сокращенных слов, а тем самым и невероятное искажение русского языка. Некоторые из этих сокращений были ясны, легко произносимы, и потому немедленно вошли в обиход[19]. Громадное же большинство этих новообразование в особенности сокращенные названия новых учреждений, организаций, должностей и т. д.,

были непонятны, неудобны для произношения, уродливы в лингвистическом смысле и противны характеру и духу русского языка[20].

И в этом, сравнительно мелком явлении нетрудно усмотреть те же «потемкинские деревни», ту же картину несоответствия показного эффекта истинному положенно вещей.

Русскому многомиллионному народу, вследствие исторически сложившихся условий еще находящемуся в тисках неграмотности и невежества, — темп жизни коего, несмотря на войну и на глубокие потрясения последнего десятка лет, еще далеко отстает от темпа западно-европейских передовых стран, — вдруг, по мановению свыше, предлагается говорить сокращенными «сверх-словами», долженствующими отражать чрезвычайную быстроту советского темпа развития.

Конечно, от этого дело не меняется и истинный пульс жизни нисколько не ускоряется.

Специалисты за границею. Система заложничества. Обратное отозвание в Москву. Дело проф. N

При описанных выше обстоятельствах нечего удивляться, что большинство специалистов имеет пламенное желание попасть на какую-нибудь постоянную должность в каком-нибудь советском торговом представительстве за границей, или хотя бы быть командированным за границу по служебному поручению на несколько месяцев. Причем это желание имеется не только у так называемых «европейцев», т. е. у людей, знающих европейские языки и уже ранее учившихся или живших в Западной Европе, но также и у людей, привыкших к русскому укладу жизни, к русскому духу и едва знающих несколько слов на иностранном языке.

Большинство специалистов хочет попасть в Берлин, еще лучше — в Париж. Лондон им нравится уже менее. Остальные страны Европы не играют особой роли вследствие сравнительно небольшого числа сотрудников в содержимых там торговых делегациях. Дальний и Ближний Восток: Китай, Япония, Афганистан, Персия, Турция для большинства специалистов не имеют особенно притягательной силы. Каждый охотно отправится туда на несколько месяцев, но проживать там долгое время особых охотников нет.

Это стремление уехать за границу объясняется не только идейными мотивами, желанием свободно подышать, но также и чисто материальными соображениями. На заграничной должности специалисты получают двойной, часто тройной размер жалованья по сравнению с тем, которое им полагается в Москве или в провинции. Оклады государственных служащих в советской России весьма малы. Они составляли в 1923-24 году от 10 до 20 червонцев (= от 10 до 20 фунтов стерлингов) в месяц, оклад низших служащих был еще ниже. Из этих окладов производятся вычеты в пользу профессиональных союзов и т. д., а для членов коммунистической партии еще месячные вычеты в пользу партии. Притом жизнь за границей, в особенности, что касается квартиры и одежды, гораздо дешевле, и уж во всяком случае не дороже, чем в Москве. Вполне понятно поэтому, что должность за границей считается особенным счастьем. Даже хотя бы кратковременная служебная командировка за границу считается весьма приятным событием, так как суточные, полагающиеся сверх оклада при командировках, представляют собой весьма существенное

материальное улучшение.

Советский режим изобрел своеобразный метод для того, чтобы обеспечить себя против невозвращения в советскую Россию командированного за границу специалиста. Это так называемая система заложничества, выражающаяся в том, что жена и дети задерживаются в советской Россия, когда муж откомандировывается за границу для занятая постоянной должности. Эта система, правда, в последнее время довольно часто нарушалась. Если у ГПУ не имеется существенных сомнений в том, что данный специалист возвратится в Россию, в особенности же, если он владеет исключительно русским языком и не проявляет особых симпатий к западно-европейскому укладу жизни, то ГПУ, в конце концов, разрешает семье последовать за мужем за границу, если муж об этом просит и на этом категорически настаивает. В большинстве же случаев система заложничества проводится строго, не считаясь со связанным с нею разрушением семейной жизни.

С другой стороны, находящейся за границей специалист нигде не может устроиться по домашнему. Он всегда начеку, он всегда должен быть готовым к тому, что его внезапно отзовут обратно в Россию. Это случается часто в такой форме, что его вызывают телеграфно на несколько дней в Москву, на совещание или на важный доклад, а оттуда он уже, в большинстве случаев, не возвращается обратно за границу, хотя бы он, по своим знаниям и личным качествам, и был особенно пригоден к заграничной службе.

Из многих известных мне случаев я приведу здесь лишь один особенно разительный пример нелепо небрежного отношения к ценным специалистам, а именно случай с профессором N., одним из крупнейших русских юристов.

Проф. N. является знатоком тех хозяйственно-организационных проблем, где соприкасаются системы планового и индивидуального хозяйства, как концессии, смешанные общества и др., и притом их постановки, как в практике советского, так и иностранного права. Он к тому же владеет в совершенстве тремя важнейшими иностранными языками.

Проф. N. сначала в Москве, а затем за границею лояльно сотрудничал в этой области в качестве консультанта при советских учреждениях и — как явствует из множества полученных им благодарственных писем — его советами весьма дорожили.

В конце 1925 г. проф. N., проживавший тогда в Лондоне и состоявший консультантом Аркоса, Северолеса, Доброфлота и других советских хозяйственных организаций, согласился, по

просьбе Торговой Делегации, поехать в Москву для выяснения некоторых сложных правовых вопросов. Закончив свою работу, он намеревался вернуться в Лондон. В самый день, назначенный для отъезда профессора N. из Москвы, к нему явился нарочный из ГПУ с ордером немедленно вернуть находившийся уже в руках профессора заграничный паспорт. Оказалось, что председатель комиссии по заграничным командировкам при Рабоче-Крестьянской Инспекции (ныне член коллегии ГПУ) тов. Ройзенман нашел, что профессор N слишком «засиделся» за границею и потому ему следует дать «работу» в Москве. Указание профессора N., что он не служащий, а добровольный научный консультант по определенному кругу вопросов, было оставлено без внимания. Только благодаря тому, что проф. N. в это время состоял одним из арбитров по крупному спору советская учреждения с английскою фирмою, участвовал в ряде начатых переговоров и в ведении судебных дел, а потому его насильственное задержание в Москве не могло не вызвать толков и скандала заграницею, Раковскому и Красину удалось добиться, после трехнедельных переговоров с Ройзенманом, разрешения на обратный выезд профессора N. за границу.

По возвращении в Лондон, проф. N, закончив текущая дела, отказался от дальнейшей консультативной работы. Заменить его равным по авторитетности экспертом-консультантом в указанной области советским заграничным учреждениям до сих пор не удалось.

Речь идет в этом случае о совершенно исключительном эксперте, человеке пожилом и являющемся авторитетом в своей области.

Дело в том, что советский режим не руководится чисто деловыми соображениями: он прежде всего требует абсолютное подчинение специалистов всякому хотя бы самому произвольному распоряжению, даже в том случае, если оно с деловой точки зрения является бесцельным или неисполнимым, даже тогда, если оно противоречит более компетентному мнению специалистов.

При подобном отношении к вопросу о специалистах советский режим, конечно, не может ожидать того, чтобы когда либо привлечь к себе, а в особенности удержать специалистов, независимых в своих заключениях. Достаточно простой попытки независимого специалиста побороться против нерационального с деловой точки зрения, противоречащего его заключенно или основанного на ложных предположениях мероприятия его начальства, и положение специалиста становится невозможными В лучшем случае его отзывают обратно в Москву и замораживают

в какой-нибудь канцелярии, в худшем же случае стараются поднять против него процесс.

На специалисте, в таком случае, лежит тяжесть доказательства того, что мотивы, которыми он руководился при составлении своего заключения или при определении своего отношения к данному вопросу, являются соображениями чисто деловыми, а не личного характера. Если дело касается иностранной фирмы (в качестве покупателя, продавца, поставщика, комиссионера или контрагента иного рода), то специалист, — хотя бы он и был абсолютно убежден в хорошей репутации и в добросовестности данной фирмы, — все же будет зорко остерегаться, чтобы не дать данной фирме определенной рекомендации или не защищать ее против менее доброкачественных конкурентов. Ведь он этим немедленно подверг бы себя самому тяжкому подозрению, что его рекомендация продиктована не деловыми соображениями, а соображениями личного характера (взятка, комиссии, родство, дружба). Следовательно, если специалист не хочет подвергнуть себя никакому подозрение и вместе с тем хочет остаться на своей должности, то он должен предоставить все дела их свободному течению. Он следовательно должен участвовать в качестве специалиста и в проведении таких проектов, и в заключении таких договоров, которые он считает неправильными или невыгодными.

Конечно, специалист и в этом отношении чувствует себя за границей гораздо свободнее, чем в советской Россия. Советский специалист за границей рассматривается иностранными контрагентами советского правительства как полноценная личность, т. е. как технический, юридический, финансовый, экономический, коммерческий или научный советник правительства. Этим диктуется и их предупредительное к нему отношение. Хотя советские учреждения за границей и напоминают постоянно специалисту о том, что он является лишь маленьким колесиком в государственном механизме, хотя над ним и висит постоянно Дамоклов меч возможного отозвания в Москву, все же за границей у специалиста имеется еще чувство известного достоинства и независимости. Руки у него не так связаны, как в советской России, и если у него имеется мужество и рвение к труду, то он иногда и осмеливается энергично выступать в пользу какого-нибудь важного технического, финансового или экономического проекта или соглашения, хотя бы таковое и находилось в противореча с мнением его начальства.

Дело в том, что за границей отсутствует вся та атмосфера,

которая окружает специалиста в Москве. Вполне естественно, что и сыск и надзор за специалистом за границей гораздо слабее и меньше. Соответственно этому, вмешательство в частную жизнь специалиста за границей гораздо слабее.

Несмотря на все это, желание проживать за границей в течение долгого времени далеко не имеется у всех специалистов, даже тогда, когда они имеют при себе свою семью. Между ними имеются люди, которым до того не хватает русского уклада жизни, русского окружения, что они испытывают определенную тоску по родине. К этому еще присоединяется то обстоятельство, что подавляющее количество специалистов либо вовсе не владеет языком той страны, куда они откомандировываются, либо знают его весьма слабо. Общераспространенное мнение о том, что у русского человека имеется особый талант для изучения иностранных языков, представляет собой легенду. Способность действительно изучать и владеть иностранным языком является чисто индивидуальным качеством, вряд ли встречающимся у русского чаще, чем у лиц других национальностей. Во всяком случае, я знаю целый ряд вполне образованных специалистов, которые, несмотря на длительное пребывание будь то в Германии, Франции или Англии, знали язык данной страны лишь самым неудовлетворительным образом и во всяком случае не могли самостоятельно вести на нем переговоров. Постоянная служба в советской конторе, и русский язык, чаще всего применяющийся в качестве служебного языка, конечно, не могут облегчить специалисту изучение иностранного языка. Такие специалисты, для которых иностранный язык является большим затруднением, которые никак не могут привыкну и, к чужому укладу жизни и к чужим обстоятельствам, и не могут ориентироваться на Западную Европу, возвращаются в Россию без особого сожаления. Все же другие специалисты пытаются продлить свое пребывание за границей поскольку возможно.

Партийные коммунисты за границей. Советские дипломаты

Еще своеобразнее обстоит дело с откомандированными за границу партийными коммунистами, не исполняющими функции специалиста, а занимающими обыкновенные административные должности в заграничных торговых делегациях СССР. В то время как при командировке специалиста за границу, кроме его специальных знаний, все же требуется или по крайней мере является желательным еще знание какого-либо западно-европейского языка, для посланного за границу партийного коммуниста знание языка вообще не играет никакой роли. Я знал партийного коммуниста, занимавшего должность председателя советского банка в весьма важной в финансовом отношении стране Европы, который в момент своего назначения не имел ни малейшего понятая ни о языке данной страны, ни о банковом деле.

Партийные коммунисты, состоящие на советской службе и откомандированные за границу, также чрезвычайно охотно проживают за границей. Я при этом имею в виду не советских дипломатов, а лишь менее привилегированных обыкновенных коммунистов. Что касается советских дипломатов, то этому, конечно, не приходится удивляться, потому что они проживают в бывших посольских дворцах царского правительства и ведут привилегированную жизнь всякого другого дипломата в данной стране. Конечно, строгую партийную программу никак нельзя примирить с той светской жизнью, которую приходится вести советскому дипломату в столицах Европы. Но советская действительность давным давно перешагнула через эти неподвижные партийные формулы.

И обыкновенные партийные коммунисты, которые за границей занимают какую-нибудь среднюю должность в торговом представительстве и которые не могут ссылаться на обязательность предписанного для дипломатов внешнего образа жизни, наслаждаются охотно и по возможности дольше благами и преимуществами западноевропейской культуры. Правда, коммунисты смеются над «обедами», которые даются представителями банков, крупной промышленности или торговли членам советских торговых делегаций или прочих советских организаций, бесцеремонно издеваются над буржуями, которые «лебезят перед нами и кормят нас, чтобы заполучить жирный заказ», смеются над филистерством и мелочностью

западноевропейца, в разговоре между собой отзываются презрительнейшим образом о лицах, угощающих их «обедом», но все-таки с удовольствием ходят туда.

Чрезвычайно интересно наблюдать в таких случаях, как иной коммунист, который на московских митингах и среди друзей не находить достаточно резких слов для «кровопийц» и «денежных мешков», для которого в Москве черный твердый котелок, белый крахмальный воротничок и выглаженные брюки являются выражением самого реакционного мировоззрения, как этот же самый человек на приеме влиятельных банкиров, политиков или промышленников в Берлине, Лондоне или Париже старается разыгрывать предупредительного, с должным пониманием относящегося ко всякому вопросу, политика, благоприличного собеседника и культурного европейца. И эта комедия часто разыгрывается с успехом, потому что чуждый советской психике иностранный политик или экономист дает себя чаще всего обворожить подобными внешними приемами, и к тому же еще льстить себе, пожалуй, что ему удалось влиянием своей личности «укротить льва» и устроить мост между капитализмом и коммунизмом, между Европой и советской Россией.

Жены состоящих в партии советских представителей за границей далеко не всегда являются партийными коммунистками. Напротив, они иногда представляют собой типичное выражение того, что в Москве принято называть «буржуйкой». Если такая дама в большом туалете рассказывает в обществе, как безумно ее тянет в Москву, то, конечно, каждый прекрасно понимает, как должно относиться к таким словам. Если же партийная коммунистка, жена высокого советского сановника за границей, проживающая в прекрасном доме в одном из самых лучших кварталов крупной европейской столицы, заявляет мне в присутствии своего мужа, что она была бы счастлива, если бы вместо этого прекрасного дома ей представилась возможность иметь хотя бы две сырые комнаты в Москве и там проживать — когда в то же время целый ряд других обстоятельств определенно говорить о том, что эта женщина с наслаждением проживает в данной стране — то положительно не знаешь, что думать об этом смехотворном лицемерии. Оно лучше всего характеризуется иронической советской поговоркой: «Они безумно рвутся в Москву, но никак не могут вырваться».

Салонные коммунисты

Кроме «беспартийных» специалистов, существует еще очень незначительное количество специалистов, официально принадлежащих к коммунистической партии.

Те немногие — я не хотел бы обобщать этого суждения — партийные специалисты, которых лично я знаю, представляют собой типичных «салонных» коммунистов, каких часто приходится встречать в самых различных оттенках в литературных салонах европейских столиц. В действительности, эти лица, — левые демократы со всеми приемами интеллигентного инженера, юриста, экономиста. Они не являются искренне убежденными коммунистами, которые совершенно срослись с интересами пролетариата, для которых пролетариат не представляется лишь мертвым научным понятием, а пульсирующим живым организмом. Они лишь попутчики, фразеры, люди делающие на советской службе свою карьеру и давным давно понявшие, что официальная принадлежность к коммунистической партии является единственным защитным цветом и единственным оружием. Коммунистическая партия, впрочем, отлично знает, что думать о таких «коммунистах», но не упускает случая иногда и похвастаться такими «партийными» специалистами.

За границей мне раз пришлось посетить такого специалиста. Мы разговаривали о служебных вопросах и хозяин дома, по всем данным, западно-европеец, прошелся в весьма злобной критике о русских методах работы, о разгильдяйстве и халатности, о недостатке ответственности и интереса к работе и о полном отсутствии инициативы среднего советского служащего. Я слушал его внимательно и заявил, что я считаю успешную совместную работу с имеющимся в Москве персоналом служащих, иногда лишенных самого элементарного образования, чрезвычайно трудной, тем более, что специалист фактически лишен возможности самостоятельного выбора своих сотрудников и вынужден работать с теми служащими, которые предоставляются ему начальством. Мы говорили и о хозяйственных проблемах и хозяин дома сказал в конце концов, что он чрезвычайно рад услышать от беспартийного специалиста такую объективную деловую критику. Чрезвычайно пораженный этим замечанием, я спросил его о том, не является ли он членом партии. «Конечно», ответил он, «разве вы этого не знали? Я уже два года в партии».

Этот человек, по всем своим приемам, по своему образу жизни, по своим воззрениям никогда даже не порождал и мысли о

том, что он коммунист. Я и сейчас совершенно убежден, что он с коммунистической идеей ничего общего не имеет. И все же он был официальным членом коммунистической партии и как таковой имел за собой опору партии.

Служебные преступления. «Вредители»

Беспартийный специалист, даже и после многолетней безупречной службы, не может добиться абсолютного доверия своих работодателей. Он всегда должен считаться с тем, что ему в основе не доверяют, что его считают эвентуально способным на нечестный поступок. Это — принижающее чувство, вместе с тем и тяжелое искушение.

Подавляющее число специалистов честно исполняешь свой долг. Иногда имеются исключения, иногда кое-кто впадает в искушение, но такие случаи так же происходят у партийных советских служащих, как и у беспартийных специалистов.

Народный комиссар внешней торговли Красин сделал мне 3-го марта 1921 года, в течение долгого разговора, в поезде от Берлина до Ганновера, на своем сочном языке следующее характерное замечание по поводу этого явления:

«Наше несчастье в том, что нам в нашем аппарате приходится работать с людьми, никогда больше полтинника в кармане не имевшими. Как только такой субъект увидит сто рублей, — обязательно положит в карман».

Конечно, имеются, хотя и весьма единичные, случаи, где данный анти-коммунистически настроенный специалист или советский служащий не только использует свое служебное положение для личных целей, но вполне сознательно работает наперекор своему служебному долгу и бесцеремонно предлагает или проводит мероприятия, которые определенно вредны для порученных ему государственных или народно-хозяйственных интересов. Шахтинский процесс в ряде случаев пытался доказать существование таких «вредителей».

Мне самому в конце сентября 1925 года, уже после моего ухода с советской службы, сказал инженер-специалист Э. К., политически правый, только что прибывший из России и которого я по прежней моей деятельности издавна знал:

«Вы видите, вы не могли этого выдержать. Вы ушли. Вы, несмотря на ваше стремление к работе, не могли решиться вновь вернуться в Москву. А ведь у вас вероятно еще имеются известные иллюзии относительно этих людей. Вы все еще должно быть ищете за словом «коммунизм» известное идейное содержание. Я не имею тех иллюзий, которые вы имели, которые вы может быть еще сегодня имеете. Для меня эти люди, несмотря на все их громкие фразы, просто бандиты и разбойники, по отношению к моим у меня не имеется ни моральных, ни прочих задержек. Эти люди меня ограбили, отняли у меня мое имущество, бросили

меня и жену в тюрьму, держали меня месяцами в страхе смерти и в конце концов выбросили меня в морозную зимнюю ночь, нищим, на улицу.

И почему? Что же я совершил преступление, что ли? Нет. А только потому, что я был состоятельным буржуем и пытался спасти что-либо и уберечь от страшной гибели. Да. Я буржуй, и если вы позволите мне это парадоксальное выражение, я — «сознательный буржуй». Я сам пробил себе дорогу. Упорным трудом, способностью, предприимчивостью и смелостью, я добился известного состояния. Я всю мою жизнь постоянно работал и созидал. Я в качестве буржуя, инженера, технического мозга страны, имею такое же право на существование, как и рабочий.

Коммунистам в конце концов потребовались мои специальные знания и поэтому я сегодня опять занимаю крупную должность. Я лишь теперь, после 8-ми лет, смог вырваться за границу и постараюсь, поскольку я еще нахожусь на советской службе, выжать из моей нынешней должности все то, что только смогу. На бывших частных моих должностях я всегда был добросовестен и честен и теперь еще продолжал бы им быть, если бы мне удалось найти за границей должность в промышленной области. С этими же людьми я абсолютно не обязан церемониться. По отношению к этим людям невозможно оказаться нечестным».

Этот специалист, который, впрочем, вскоре после этого оставил свой пост, говорил с таким откровенным цинизмом, потому что он твердо решил никогда больше не возвращаться в советскую России.

Советская юстиция

Естественно, что советское правительство, также как и всякое другое правительство, борется против таких служащих, которые всегда готовы — по мотивам ли корысти или мести, или по политическим соображениям — предать или продать порученные им интересы.

Если имеется на лицо взятка или другое служебное преступление, если данное лицо поймано с поличным, то оно, если дело случилось за границей, увольняется немедленно без всякого предупреждения. В момент прихода на службу оно находит свой письменный столь закрытым, а доступ к бумагам и документам прегражденными. Торговый представитель обычно предоставляет такому служащему срок в 24 часа для немедленного отъезда в Москву, каковое требование служащим обычно немедленно отклоняется. Если же имеется на лицо прямая растрата или другое преступление, подлежащее общему суду, то виновный советский служащий во всяком случае предпочтет явиться для ответа перед иностранным судом.

Если дело случилось в советской России, то виновный предается суду.

При этом следует заметить, что даже в тех частых случаях, где дело идет лишь о доносе, а не о действительно совершенном преступлении, заподозренный специалист или советский служащий чаще всего все же отказывается отправиться с целью самооправдания в Москву. И это вполне понятно.

Шахтинский процесс, имевший место в Москве летом 1928 года, по делу обвиняемых инженеров Донецкого бассейна, вновь ясно доказал, что советская юстиция стремится не только к тому, чтобы наказать действительно совершенный проступок или преступление, но считает необходимым подвергнуть каре и эвентуальную «социальную вредность», т. е. вредное настроение обвиняемого. Советская юстиция не усматривает своей задачи в том, чтобы, подобно всякому другому правосудию, установить объективную настоящую истину, выяснить совершенное преступление во всех его подробностях, обнаружить действительного виновника преступления и подвергнуть его предусмотренной законом каре. Советская юстиция считает себя еще формально одним из самых сильных орудий в классовой борьбе и чувствует себя призванной к тому, чтобы изолировать и обезвредить людей, вредное настроение коих она полагает доказанным или вероятным.

Вполне понятно, поэтому, что обвиняемый беспартийный

специалист или советский служащий встречает у своих обвинителей и судей заранее самое тяжкое недоверие, которое идет так далеко, что прокурор — как это случилось, например, по делу инженера Кузьмы в Шахтинском процессе — требует безусловной смертной казни за преступление, за которое даже советский верховный суд приговорил его лишь к трем годам тюремного заключения.

У обвиняемаго беспартийного специалиста или советского служащего имеется столь мало шансов оправдать себя перед советским судом или добиться меры наказания, соответствующей данному преступлению, что вполне понятно, если обвиняемый скорее решается погибнуть за границей, чем подвергнуть себя совершенно не могущему быть предвиденным приговору советского суда, который от нескольких лет тюрьмы может дойти до «высшей меры наказания» — до расстрела.

Бесхозяйственность. Экономический шпионаж. Дело Бруновского

Советская юстиция знает преступления, именуемые «бесхозяйственность» и «экономический шпионаж», которые юридически не могут быть резко обрисованы.

То, что несведущий человек считает бесхозяйственным, может все таки лежать в хозяйственном интересе данного треста, предприятия или государственного учреждения.

То, что сегодня кажется бесхозяйственным, может быть сочтено завтра — если предложенное специалистом мероприятие оказалось успешным — вполне хозяйственным. С другой стороны, то что кажется хозяйственным и разумным сегодня, может завтра, при изменившейся конъюнктуре, оказаться чрезвычайно бесхозяйственным и убыточным.

При нормальных условиях, где доверитель или работодатель (частное предприятие, акционерное общество, кооперативное товарищество или фиск) подходит к находящемуся на его служба специалисту с полным доверием, предложенное специалистом в доброй вере хозяйственное мероприятие, хотя бы при изменившейся конъюнктуре оно и оказалось убыточным, даже ошибка и промах, встретит судей, относящихся к делу с пониманием. Поскольку не имеется на лицо прямого злоупотребления, поскольку действия специалиста не были продиктованы личными и притом противоречащими интересам доверителя мотивами, каждый поймет, что только тот не ошибается в хозяйственных и деловых вопросах, кто ничего не делает. К служащему и к специалисту предъявляется лишь требование «добропорядочного купеческого радения», т. е. такого мероприятия, которое при данной конъюнктуре и в данный момент может быть по наилучшему уразумению оправдываемо. И лишь такие случаи попадают в суд, где имеется на лицо прямое правонарушение.

При советских же условиях, где доверитель (фиск или государственные и полугосударственные тресты и организации) сразу нее подходит к специалисту с сомнениями или весьма часто с еле скрываемым подозрением, приводят к судебному обвинению и такие действия специалиста, которые ни в одном другом правовом государстве не были бы сочтены достаточным основанием для судебного преследования. Тот же факт, что раз обвиненный беспартийный специалист не может ожидать от советского суда ничего хорошего, т. е. ни беспристрастного чисто

делового рассмотрения его действий, его хозяйственных предложений и мероприятий, ни действительно отвечающего размеру его возможной вины наказания, — это шахтинским процессом вполне доказано.

Еще хуже положение специалиста, если ему предъявлено обвинение в экономическом шпионаже. Что только не понимается под экономическим шпионажем, если нужно устранить или же окончательно убрать какого-либо политически заподозренного, или просто попавшего в немилость специалиста? Почти каждый шаг, почти каждое мероприятие специалиста может, если нужно, с точки зрения экономического шпионажа, быть истолковано против него, и оправдаться от такого обвинения чрезвычайно трудно, чаще всего невозможно.

Приведу здесь один из самых характерных примеров обвинения специалиста в экономическом шпионаже. Это дело ученого агронома В. Х. Бруновскаго.[21]

Бруновский, левый с.-р., занимал после октябрьской революции весьма ответственные посты. По приглашению Ленина, он стал весною 1919 г. во главе снабжения III армии Восточного фронта, засим был назначен председателем Особой Комиссии по снабжении всех армий Восточного фронта, и временно, по просьбе Троцкого, был председателем Особой Комиссии при Революционном Военном Совете Республики по вопросам численного состава армии и флота. В начале 1921 г. он, но просьбе Зиновьева и Рыкова, в течении двух месяцев состоял уполномоченным Коминтерна по ликвидации секретных ценностей, переданных Коминтерну Наркомфином по приказу Политбюро ЦК коммунистической партии.

Разуверившись окончательно в большевиках и в своей работе, он отказался от новых высоких назначений (от назначения торгпредом за границу, сделанного ему Красиным) и перешел на агрономическую работу. Будучи уроженцем Латвии, он подал в латвийское посольство в Москве заявление об оптации латвийского гражданства. Это заявление было удовлетворено с одновременным разрешением въезда в Латвию. В 1922 г. он организовал Общество Русско-Германского сближения, состоявшее из ученых, техников и разных общественных деятелей, и в том же году, по приглашении приехавшей в Москву норвежской экономической делегации, стал уполномоченным делегации по переговорами с советским правительством по ряду важных экономических вопросов.

10-го мая 1923 г., за несколько недель до предполагавшегося отъезда Бруновского с семьей в Латвию, его, по ордеру ГПУ, арестовали.

Заместитель Дзержинскаго, Уншлихт, заявил ему, что скоро будет начать грандиозный показательный процесс о шпионской работе Англии в СССР, и что Бруновский мог бы оказать громадную услугу ГПУ, если б он согласился взять на себя в этом процессе роль уполномоченного английского правительства по производству шпионажа в СССР. — Уншлихт вместе с тем заверил Бруновского, что по поводу его осуждения в порядке процесса ему беспокоиться не приходится, ибо ему будет предоставлена возможность, после процесса, жить под чужою фамилией, в любом месте СССР. Равным образом, будут найдены способы вознаградить его по его усмотрению.

Бруновский от этого гнусного предложения категорически отказался и остался непреклонным, несмотря на все застращивания и на резкое ухудшение применявшегося к нему, во «внутренней тюрьме» на Лубянке, тюремного режима.

Бруновского, по обвинению в экономическом шпионаже в пользу Англии, Норвегии и других государств, предали суду, его дело слушалось 29 сентября 1923 года в Московском Военно-Революционном Трибунале при закрытых дверях и было направлено к доследованию, «в целях выяснения той роли, которую Бруновский сыграл в концессионной политике СССР».

Второй раз дело слушалось 10–11 декабря 1923 г. в Военной Коллегии Верховного Суда Республики, при закрытых дверях, по обвинению «Бруновского, Владимира Христиановича, 37 лет, латвийского подданного, без определенных занятий, ученого агронома, в преступлениях, предусмотренных ст. 66 часть 1 Уголовного Кодекса» (т. е. в шпионаже).

Бруновский был найден виновным «в собирании сведений, носящих характер государственной тайны и в сообщении их отдельным представителям иностранных государств» и приговорен к расстрелу.

Каким-то чудом Бруновскому — в то время, когда его везли на автомобиле из тюрьмы в суд — удалось выбросить на улицу, около условленного места, где стояла его сестра, обвинительный акт по его делу, который был поднят его сестрою и предъявлен его женою и сестрою английскому, норвежскому и латвийскому посольствам в Москве, как доказательство обвинения невинного человека в тягчайшем государственном преступлении. Английский поверенный в делах г. Ходжсон и норвежский посланник г. Якхельн предприняли энергичные шаги в народном комиссариате иностранных дел, а латвийское правительство заявило протест посредством вербальной ноты. Этим путем удалось предотвратить расстрел.

После этого Бруновский еще целые три года просидел в

разных тюрьмах Москвы в качестве «смертника», вынося невероятные, прямо ужасающие мытарства, неоднократно объявлял голодовку и обструкцию и несколько раз был брошен в карцер и прикручен веревками к койке.

В конце концов, Бруновский — вместе со своей женою и сестрою, также арестованными после вынесенного над ним смертного приговора, и совместно с другими арестованными латвийскими гражданами — был обменен 31-го декабря 1926 года против осужденных и содержавшихся в Рижской Центральной Тюрьме коммунистов — агентов ГПУ в Латвии.

Случай с Бруновским далеко не единичный. Он во всяком случае явственно показывает, что ожидает беспартийного спеца, попавшего на скамью подсудимых по обвинению в экономическом шпионаже. Не подлежит ни малейшему сомнению, что Бруновский — совершенно невинный в возведенном на него обвинении — был бы расстрелян, если б он случайно не оказался латвийским гражданином и за него не заступились бы своевременно иностранные посольства.

Внесудебное преследование преступлений. Дело Волина

Кроме судебной кары преступлений и проступков, советский режим знает еще внесудебное, происходящее в застенке, преследовав преступлений. Я цитирую здесь один случай из практики 1926 года: дело Волина.

Когда я весной 1923 года вступил в валютное управление, Лев Волин занимал при валютном управлении довольно неопределенное положение консультанта, привлекавшегося на различные специальные совещания.

Это был несомненно человек высоко интеллигентный, с хорошей научной подготовкой и с большой инициативой, но с чрезмерно повышенной самоуверенностью.

В конце 1923 года народным комиссаром финансов Сокольниковым, ценившим безграничную работоспособность и оригинальность Волина, было поручено последнему заведывание «Особым Отделом Валютного Управления». Этот отдел следил за «черной биржей» в Москве, вел борьбу с валютными спекулянтами, контролировал частную торговлю золотом, серебром, золотыми и серебряными монетами, иностранной валютой, новыми государственными займами и другими ценными бумагами. Под «черной биржей» подразумевались полулегальные, но терпимые властями встречи мелких биржевых зайцев, валютных и иных спекулянтов, не допущенных в качестве членов на официальную фондовую биржу. Эти встречи происходили ежедневно под открытым небом на площади перед зданием официальной биржи. Конечно, на черной бирже имелись многие агенты экономического отдела ГПУ.

Волин, в качестве начальника этого особого отдела, был откомандирован в 1924 г. за границу. Ему надлежало сделать попытку возможно выгоднее разместить конфискованные в Советской России акции и облигации русских банков, промышленных и прочих предприятий, имевшие за границей, в частности на Парижской бирже, еще некоторый курс. Засим ему было поручено изучить постановку дела существующих за границей черных бирж, а равно и положение вещей за кулисами официальных иностранных бирж. Волин провел некоторое время в Берлине, приехал и в Амстердам, но не мог добиться въездной визы в Англию.

Во время моего проезда, я имел с Волиным в Амстердаме, в гостиннице «Дулен», 24 сентября 1924 года, очень характерный

разговор.

Мне Волин всегда обьявлял себя «беспартиным», и я действительно считал его таковым. И вот он рассказал мне подробно о своей деятельности, о своих на надеждах и перспективах. Я слушал его внимательно и сказал ему, что мне лично такая деятельность не нравилась бы, хотя я и не отрицаю необходимости строгого контроля черной биржи. Для меня было бы весьма неприятно встречаться каждый день с валютными спекулянтами, укрывателями ворованного и прочими темными личностями. Помимо этого, имеется еще и постоянная опасность быть вовлеченным без всякой вины в какое-нибудь грязное дело.

Волин сказал мне тогда иронически:

— Видите ли, вы не понимаете положения. Скажу вам откровенно — ваша голова действительно ломанного гроша не стоит. Как бы вы добросовестно не исполняли ваши функции, вам ни один человек в партии не поверит, что вы проводите вашу задачу бескорыстно, в интересах дела и советской республики. Для Москвы, для партии — вы ни что иное, как специалист, которого пригласили из-за границы из-за его специальных знаний и которого, конечно, встречают с нужным подозрением. Положение вещей в советской России вам чуждо и мало симпатично, и у вас в Москве нет ни одного личного друга и не будет ни малейшей опоры, если бы с вами случилась какая-нибудь беда.

— Что вы хотите этим сказать, сказал я.

В.: — Вы ведете опасную игру. Вы торгуете платиной и заключаете миллионные договоры. Вы беспартийный, и к тому же иностранец. Если в ваших действиях найдут хоть что-нибудь, если вам припишут малейшую оплошность и вы этим попадете в руки ГПУ, то вы конченный человек. Вы можете писать тогда ваше завещание.

Л.: — Но для этого нет никаких оснований.

В.: — Не стройте из себя простачка. Ведь вы же видели, как не легко вам пришлось в последний раз выбраться из Москвы. Неужели же вы думаете, что если вам удалось дважды выскочить из России, то вы можете быть уверены и в третьем разе? Укротитель зверей по сто раз кладет голову в пасть льва, а в сто первый раз лев отгрызает ему голову.

Л.: — Имеется ли у вас особое основание делать мне подобное предсказание?

В.: — Нет, но я только хотел показать вам, что ваше положение гораздо хуже, чем мое, и что ваши служебный функции гораздо опаснее моих. У меня в Москве среди партийных людей есть много влиятельнейших близких друзей. Я

знаю каждого отдельного из сыщиков, которые снуют у меня на бирже и я со всеми ими поддерживаю прекраснейшие отношения. Если случится хоть что-нибудь, то меня уже своевременно предупредят. И если я действительно попаду в лапы ГПУ, то мои друзья меня защитят, ибо я не делаю ничего дурного и ни у кого не вытаскиваю денег из кармана. Для вас же никто пальцем о палец не ударит. Мы ведь находимся в Амстердаме и говорим с глазу на глаз. Нас ведь никто не слышит. Поэтому нам нечего ломать комедию друг перед другом. Попросту говоря, я вам советую: останьтесь вы там, где вы сейчас находитесь.

Л.: — Я благодарю вас за вашу откровенность и крепко подумаю о ваших словах. Конечно, вы правы, в отличие от вас я в Москве не имею ни единого влиятельного друга. И все же я советую вам искренне: уйдите от «черной биржи». Поищите себе в валютном управлении или в наркомфине другое поле деятельности, в котором не имеется постоянной опасности быть вовлеченным в темное дело.

На этом мы разошлись, Волин чрезвычайно оптимистически, а я в раздумьи и удрученный разговором.

В 1925 году Волин долго жил в Берлине и Париже. У него имелись широкие полномочия от народного комиссариата финансов и он все еще работал в «Особом Отделе». Он много тратил и жил очень широко. В марте 1926 года, когда он стоял как раз перед новой командировкой за границу, он был арестован в Москве.

Волин был обвинен в том, что он использовал свое служебное положение «для дезорганизации валютного и фондового рынка» и что он, совместно с некоторыми другими сотрудниками народного комиссариата финансов и частными биржевыми маклерами, вел на бирже «преступную спекуляцию золотом, иностранной валютой и государственными ценными бумагами». Обвиняемые, якобы, стремились «вызывать искусственное повышение спроса на золото и иностранную валюту и намеренно понижать курс государственных ценных бумаг».

4-го мая 1926 года Лев Волин, совместно с двумя другими сотрудниками народного комиссариата финансов (А. Чепелевским и Л. Рабиновичем) был приговорен особым присутствием ГПУ к расстрелу, 5-го мая приговор в отношении всех трех был приведен в исполнение и 6-го мая соответственное официальное сообщение появилось в московских газетах. Все остальные обвиняемые были приговорены к заключению в концентрационные лагеря на различные сроки. Все их имущество было конфисковано.

Настоящш объем совершенного Волиным правонарушения не

подлежит здесь обсуждению, так как все производство происходило при полном исключении публичности, а приговор был объявлен во внесудебном порядке. Но как бы велика ни была вина Волина, подобное правонарушение ни в каком правовом государстве и ни при каких обстоятельствам, не могло быть караемо смертью.

Я думаю, что Волин еще сегодня был бы жив, если бы он послушался моего совета, ушел бы от «черной биржи» и нашел бы себе другое поле деятельности.

Производство против Волина и его сообщников имело, впрочем, еще и политическую подкладку. Оно было предпринято некоторыми кругами, как удар против народного комиссара финансов Сокольникова, который вынужден был оставить свой пост и который должен был быть тяжело поражен самим приговором и выраженным в нем осуждением обнаруженных в народном комиссариате финансов неурядиц.

Волин должен был заплатить за этот политически шахматный ход своей жизнью. Его твердая надежда на друзей не оправдалась.

Дело Беседовского

Система неотступной слежки и сыска не ограничивается одними «спецами». Она распространяется также и на советских дипломатов за границею. В каждом советском посольстве имеется особый совершенно независимый от посла отдел ГПУ, куда доступ воспрещен не только обыкновенным посольским служащим, но и партийным членам посольства, если у них нет на то специального полномочия. Эти отделы занимаются коммунистическою пропагандою в данном государстве, пропагандою в войсках, колониях и т. п.

Ярким доказательством методов, практикуемых при этом ГПУ, является случай с первым советником посольства СССР и полномочным представителем советской Украины во Франции, Г. З. Беседовским, замещавшим в конце сентября — начале октября 1929 г. находившегося в Лондоне посла Довгалевскаго.

По рассказу самого Беседовского, появившемуся на другой день в парижских газетах, дело происходило так:

2-го октября 1929 г., в 3 часа дня, неожиданно явился в Париж в здание посольства «ревизор» Ройзенман, член коллегии ГПУ, собрал вокруг себя служащих и заявил им, что отныне он распоряжается в посольстве. Засим Ройзенман вызвал к себе Беседовского и имел с ним беседу по поводу его политических взглядов, проявлявших сильный «уклон» от предписанного свыше правоверного образа мыслей. Разговор этот, длившийся около двух часов, окончился ударами Ройзенмана кулаком по столу и резкими окриками на Беседовского. Ройзенман заявил Беседовскому, что он контр-революционер и должен немедленно выехать в Москву, чтобы отчитаться перед партийным судом в своей ереси. Беседовский от поездки в Москву отказался, вышел из комнаты и решил немедленно выехать из посольства вместе со своею женою и сыном.

Когда он подошел к воротам, желая выйти на улицу, его остановил швейцар, который, угрожая револьвером, заявил ему: «Если вы сделаете еще шаг, я вас убью на месте. Возвращайтесь в вашу комнату».

Усматривая серьезнейшую опасность для своей жизни и не желая остаться ни одной минуты более в посольстве, дабы с ним не произошел какой-либо «несчастный случай», Беседовский вернулся в здание посольства, прошел оттуда в прилегающий к посольству сад, перескочил через несколько заборов и оказался во дворе соседнего дома. Он немедленно обратился к французской полиции и с ее помощью в тот же вечер вывез из посольства жену

и сына.

На другое утро советское посольство официально оповестило французские газеты, что Беседовский совершил крупную растрату и что он выдумал всю эту историю, дабы придать чисто уголовному делу характер политического разногласия.

Случай этот, не имеющий прецедента в дипломатической истории и представляющей собою неслыханный скандал «в общемировом масштабе», подтверждает вновь, что действительным хозяином советской России является политическая полиция, ГПУ, которая управляет всем и всюду, вплоть до послов включительно. Если она почему-либо это считает необходимым, она разделывается с партийными советскими дипломатами, так же, как с беспартийными спецами, теми же методами и с тем же успехом.

Только в отношении беспартийных спецов даже расстрелы без суда вызывают лишь минутный интерес привыкшей постепенно к подобным известиям Европы, между тем как бегство советского дипломата из здания посольства в Париже, вызванное угрозою убийства со стороны агентов ГПУ, представляет собою рекорд, до сих пор еще нигде не виданный, и поэтому приковывает к себе внимание всего цивилизованного мира.

Официальное же обвинение советским посольством своего первого советника в крупной растрате — ничем не доказанное и встречающее всеобщее и абсолютное недоверие — еще более усугубляет то тяжелое впечатление полного отсутствия достоинства и глубокого презрения всякой правомерности, которое получается от вышеприведенного случая.

«Невозвращенцы»

Вся обстановка, в которой протекает деятельность спеца на советской службе, крупная ответственность, лежащая на нем и отсутствие надлежащих гарантий его личной безопасности, усиленно проявляющаяся после шахтинского процесса тенденция сделать спецов лично ответственными за неурядицы и «неувязки» советской экономической жизни и за неудачный исход технических мероприятий, постоянная опасность попасть в связи с этим в тюрьму или под расстрел, а также чрезвычайно сгустившаяся атмосфера т. н. «спецеедства», в особенности по отношении к инженерам и техникам, занятым на производстве, приводит за последнее время к двоякому явлению.

Инженеры и техники, работающие в пределах С.С.С.Р., стремятся по возможности уйти с фабрик, рудников и заводов и спасаться на государственной службе или на службе трестов, на второстепенных или менее ответственных должностях.

Спецы же, находящиеся на советской службе за границей, со все растущим беспокойством думают о том, что их ожидает в С.С.С.Р., и все чаще начинают отказываться от возврата в Москву.

Ввиду того, что число этих «невозвращенцев» все более увеличивается, советское правительство — в связи с делом Беседовского — решилось принять совершенно средневековую по своему характеру меру, которая является небывалой даже для советская законодательства. Оно объявило «невозвращенцев» вне закона и опубликовало 22 ноября 1929 г. нижеследующее постановление Центрального Исполнительного Комитета (ЦИК) С.С.С.Р.:

«1. Отказ гражданина С.С.С.Р. - должностного лица государственного учреждения или предприятия С.С.С.Р., действующего заграницей, на предложение органов государственной власти вернуться в пределы С.С.С.Р. рассматривать как перебежку в лагерь врагов рабочего класса и крестьянства и квалифицировать как измену.

2. Лица, отказавшиеся вернуться в С.С.С.Р., объявляются вне закона.

3. Объявление вне закона влечет за собой:

а) конфискацию всего имущества осужденного;

б) расстрел осужденного через 24 часа после удостоверения его личности.

4. Все подобные дела рассматриваются Верховным судом С.С.С.Р.

5. Имена объявленных вне закона подлежать сообщению всем

исполнительным комитетам советов и органам ГПУ.

Настоящий закон имеет обратную силу».

Ввиду того, что это постановление имеет обратную силу, то создается совершенно своеобразное положение, при котором за границей проживает целый ряд советских граждан, эвентуальных «смертников», подлежащих немедленному расстрелу, как только они окажутся в пределах С.С.С.Р.

Конечно, и эта драконовская мера не побудит спецов, решившихся остаться за границей, возвратиться в советскую Россию. Наоборот, она отпугнешь только тех, кто еще состоит на советской службе за границей.

Заключение

Советское правительство в своих собственных интересах должно стремиться к тому, чтобы обеспечить себе целую армии опытных, знающих, честных и лояльных специалистов во всех областях государственной жизни.

При том еще прежде существовавшем, а теперь еще более обострившемся недостатке в интеллигентных технических, экономических и научных силах для такого огромного государства, как советская Россия, с его многоплеменным и многоязычным населением, советское правительство положительно вынуждено обходиться существующими силами с особой осторожностью и стремиться к тому, чтобы примирить их с существующими условиями жизни, с господствующим режимом.

Таким производством, как шахтинский процесс и подобные показательные процессы, которые предшествовали ему в других областях и еще будут за ним следовать, трудная проблема специалиста на советской службе наверное не будет разрешена.

Эти процессы, кроме политической пропаганды, имеют прежде всего в виду запугивать враждебные советской власти элементы. После шахтинского процесса, по словам государственная обвинителя тов. Н. В. Крыленко, сказанным им в конце своей обвинительной речи, «все те вредители, которые еще существуют, в отношении которых еще производится работа предварительного расследования и те вредители, которые нами не раскрыты, их заграничные соратники и друзья, их заграничные вдохновители, в каком бы государстве они не находились и какие бы функции они там не несли, должны понять, что достаточно есть еще сил и мощи у советской власти и что расправляться со своими врагами она не разучилась».

Система железного всераздробляющего кулака, может быть, хороша для физического уничтожения политических врагов. Но она не является надлежащим средством для срочно требующегося восстановления страны; она не пригодна и к тому, чтобы создать у специалистов, без содействия которых восстановление страны невозможно, необходимый порыв для активной и творческой работы.

Это случится лишь тогда, когда та страшная политическая тяжесть, которая ныне лежит на советской России, наконец, спадет и этому великому государству, обнимающему одну шестую часть земного шара, будут предоставлены элементарные политические права и свободы.

Тогда и только тогда, смогут быть преодолены стоящие перед

страной крупные хозяйственные и финансовые вопросы, тогда и только тогда сможет без особого труда быть разрешен и вопрос о специалисте на советской службе, ныне представляющийся столь острым.

Послесловие к английскому изданию
Расстрел специалистов по приговору ОГПУ в мае 1929 г.

За несколько дней до напечатания в Берлине настоящей книги в подлиннике, а именно 23 мая 1929 года, в московской печати появилось следующее официальное сообщение ОГПУ:

«Объединенным Государственным Политическим Управлением раскрыты контр-революционные организации на железнодорожном транспорте и в золото-платиновой промышленности Союза, поставившие себе целью свержение советской власти, помощь иностранной интервенции и восстановление в стране капиталистического строя.

Своей цели они добивались путем вредительства и дезорганизации этих отраслей народного хозяйства.

Идеологическими вдохновителями и практическими руководителями в них были:

По к.-р. организации на транспорте: Фон-Мекк, Н. К. — бывший потомственный дворянин, бывший председатель правления общества частной Московско-Казанской жел. — дороги, ее крупнейший акционер. В последнее время начальник экономической секции центрально-планового управления НКПС.

Величко, А. Ф. — бывший потомственный дворянин, бывший начальник перевозок при царской ставке. В последнее время член президиума Всесоюзной ассоциации инженеров и председатель ее транспортной секции, член центрального комитета НКПС по перевозкам.

По к.-р. организации в золото-платиновой промышленности:

Пальчинский, П. А. — бывший товарищ министра торговли и промышленности в правительстве Керенского, бывший комендант защиты Зимнего дворца в октябрьские дни 1917 года. В последнее время бывший профессор Ленинградского горного института.

Коллегия ОГПУ, в заседании своем от 22 мая 1929 г., рассмотрев дело вышеуказанных организаций, постановила: Фон-Мекка, Н. К., Величко, А. Ф. и Пальчинского, П. А., как контр-революционных вредителей и непримиримых врагов советской власти, расстрелять.

Приговор приведен в исполнение.

Остальные участники указанных к-р. организаций приговорены на разные сроки заключения в концлагеря.

Зам. председателя ОГПУ Г. Ягода.

Москва, 23 мая 1929 года».

Как видно из этого извещения, составленного суконным казенным языком, три выдающихся специалиста, занимавшие в хозяйственной жизни Россия высокое положение, как до, так и после революции, были приговорены к смерти и немедленно расстреляны без какой бы то ни было предварительной судебной процедуры, лишь на основании простого постановления ОГПУ. Обвиняемым не было предоставлено возможности защищать себя против возведенных на них обвинений даже перед советским судом, т. е. перед таким форумом, от которого беспартийные специалисты во всяком случае не могли ожидать никакой милости и снисхождения.

Как в самые темные средние века, как во время инквизиции, три человека, занимавших высокое общественное положение, были обречены на смерть и расстреляны в подземных камерах Лубянки, тайно, всемогущей тайной полицией, этим государством в государстве.

И это событие совершается в тот самый момент, когда советский комиссариат иностранных дел делает отчаянные усилия к возобновлению дипломатических отношений с Великобританией и к достижению признания советской России Соединенными Штатами Северной Америки, в тот именно момент, когда великобританские промышленники и купцы приглашаются в Москву с целью ознакомления на месте с существующими в стране условиями, и когда делаются крайние попытки к получению займа в Англии. Другими словами, в тот самый момент, когда советская Россия имеет все основания показаться за границей в свете действительно современного правового государства.

Нечего после этого удивляться тому, что советская Россия считается страной «неограниченных невозможностей», неразрешимых противоречий.

То, что даже такие круги, которые до сих пор были благорасположены по отношению к советской Росси, думают о такой тактике, явствует из следующих строк в статье, появившейся в Берлине 25 мая 1929 года в «Vossische Zeitung», органе германской прогрессивной демократии:

«Три новых смертных приговора, вынесенные ГПУ против так называемых спецов, являются новым доказательством невозможности работать в качестве эксперта в советской России. Все те, которые хотя бы в какой бы то ни было мере знакомы с условиями, существующими в России, поймут, что для людей, за которыми идет слежка и которые окружены недоверием большим,

чем какое бы то ни было лицо в мире, абсолютно невозможно принять участие в каком бы то ни было заговоре. Специалисты на советской службе знают, что за каждым их шагом следят, что каждое слово, которое они говорят, отмечается и что каждое действие или упущение толкуется в неблагоприятном для них смысле. Заговор, в котором только что казненные три лица якобы были замешаны, является просто плодом фантазии. Совершенно ясно, что этот расстрел не был ничем иным, как превентивный акт террора, как политически маневр, как простое судебное убийство, если только эпитет «судебное» вообще может быть применен к такому производству, которое ничего общего не имеет с общепризнанными принципами суда и права».

Совершенно потрясающим и ошеломляющим является тот факт, что этими последними тремя смертными приговорами, которые бросают молниеносный свет на трагедию, переживаемую специалистом на советской службе, советская действительность вполне определенно подтвердила те сведения, которые сообщены в настоящей книге и те выводы, которые из нее вытекают.

Во всяком случае, все беспартийные специалисты, которые находятся еще на советской службе, будут ощущать эти смертные приговоры как удар в лицо и как тяжкую угрозу их собственной безопасности. Ибо при существующих в советской России условиях, в особенности, если дело идет о внесудебном производстве, каждый специалист подвержен опасности быть заклейменным в качестве «контр-революционного вредителя и непримиримого врага советской власти», и как таковой может оказаться приговоренным к смертной казни. Принимая во внимание полную невозможность установления ясных правовых границ и точного определения понятия того преступления, которое именуется «вредительством» и «непримиримой враждою», ясно, что в каждом отдельном случае неизбежно предоставляется «революционной совести» судьи или ГПУ поступать с обвиняемым, как им будет угодно. Совершенно беззащитные и лишенные возможности оправдываться, обвиняемые могут быть либо приговорены к смерти немедленно, либо посланы в тюрьму или в ссылку, дабы продолжать влачить жизнь полную муки и горя.

Вполне естественно, что такие перспективы должны пугать и подавлять беспартийных специалистов на советской службе, и злосчастные последствия, вытекающие из такого положения для развития экономической жизни в стране, конечно, не трудно предвидеть.

После всего изложенного считаю моим долгом сказать несколько слов по отношению к одному из тех трех лиц, которые

так трагически погибли, а именно о горном инженере Петре Иоакимовиче Пальчинском, которого я знал хорошо и смерть коего произвела на меня глубочайшее впечатление.

Начиная со 2-го января 1916 года до начала русской революции в марте 1917 года, я работал с Пальчинским ежедневно и ежечасно в правлении одного из самых крупных горнопромышленных предприятий России: Пальчинский в качестве члена правления, а я в качестве директора торгового отдела.

Пальчинский был человек с темпераментом, высокоодаренный, честолюбивый и убежденный общественный деятель в лучшем смысле этого слова.

В начале мартовской революции 1917 года он был назначен товарищем министра торговли и промышленности и с присущей ему энергией посвятил себя своей новой деятельности. 7-го ноября 1917 года, когда Зимний Дворец, куда укрылись члены кабинета, был взять приступом, Пальчинский был арестован и просидел в тюрьме долгое время.

Политически стоя близко к правому крылу партии социалистов-революционеров, он был одним из тех немногих, которые после большевистской революции являлись противниками саботажа. После своего освобождения из тюрьмы, он предоставил свои услуги в качестве специалиста в распоряжение государства.

Хотя Пальчинский, знавший несколько европейских языков, в конце 1922 года имел возможность выехать за границу, он сознательно остался в России, стремясь посвятить свою деятельность служению родной стране.

Я убежден, что совершенно невозможно, чтобы Пальчинский принял участие в активном заговоре против советской власти. Я также убежден, что Пальчинский не только не принимал участия лично, но и не оказывал ни малейшего содействия каким бы то ни было мерам, направленным на «вредительство» или «дезорганизацию» экономической жизни России…[22]

И как раз этот человек, стоявший в смысле энергии и знаний так высоко над общим уровнем, этот человек с горячим сердцем, бьющимся для родины, должен был заплатить своей жизнью, лишь потому, что 12 лет спустя после революции он показался ГПУ «вредителем» и «непримиримым врагом советской власти», лишь потому, что он, по заявлению ГПУ, якобы был «идеологическим вдохновителем и практическим руководителем контр-революционной организации в золото-платиновой промышленности».

Если советская платиновая промышленность, которая могла

бы давать ежегодную прибыль в несколько миллионов долларов, ныне еле сводит концы с концами, не давая никакой прибыли или почти никакой, то это обстоятельство ни малейшего отношения не имеет к какой-либо контр-революционной организации. За этот факт ответственны исключительно лишь партийные власти, которые, вопреки моему заключенно, вмешались в дело и радикально повернули ту политику по реализации платины, которой валютное управление следовало до конца марта 1927 года.

Во всем остальном свете химические и технические эксперименты делаются в лабораториях и в мастерских, и при этом лишь в маленьких дозах и с ограниченным материалом. В советской же России, наоборот, самые безумные экономические эксперименты, нигде прежде не испытанные, производятся без малейшей подготовки над целыми провинциями, над миллионами людей, над целой страной, в «общегосударственном масштабе», как об этом высокопарно заявляется на советском казенном языке.

И когда эти эксперименты проваливаются, когда они дают результаты прямо противоположные тем, которых ожидала партия, то за эти катастрофические результаты должны отвечать козлы отпущения в лице беспартийных спецов, которые приносятся в жертву за то, что они вынужденно участвовали в означенных экспериментах.

Таково положение в железнодорожном транспорте, таково же оно при хлебных заготовках, в угольной промышленности, в платиновой промышленности и т. д.

В действительности вина лежит на всей политической и экономической системе, а не на деталях таковой. Виновны те фактические условия жизни, которые ныне установились в советской Россия, а не отдельные лица или те козлы отпущения, на коих пал выбор.

И как раз с этим фактом коммунистическая партия, находящаяся у власти, не может согласиться, как раз его она не хочет понять. Иначе исчез бы всякий смысл для существования произвольной диктатуры партии, иначе осталось бы лишь голое стремление к власти маленькой группы лиц, отдельные члены коей борятся друг с другом, политически идеализм коих давным давно испарился и которые ныне твердо решили удерживать в своих руках имеющуюся у них власть всеми мерами и какой угодно ценой.

И именно в этом то и лежит трагедия специалиста на советской службе, и трагедия всей проблемы советской России вообще.

Автор.
Париж, июнь 1929 г.

Приложение к русскому изданию

Опросный лист, имеющий быть заполненным при поступлении на советскую государственную службу.

Форма № 1.

Отдел личного состава Н.К.И.Д.

Опросный лист-заявление.

1. Фамилия, имя, отчество.

2. Время и место рождения.

3. Семейное положение (женат, холост, вдов).

4. Перечислить членов семьи, живущих на иждивении, с точным указанием имени, отчества, фамилии, возраста, общественного положения и их точный адрес.

5. Перечислить членов семьи и ближайших родственников, не живущих на иждивении, с точным указанием имени, отчества, фамилии, возраста, общественного положения и адреса (отца, матери, сестер).

6. Точно указать сословие или происхождение до революции: из крестьян, мещан, дворян, купцов, поч. граждан, дух. зван., воен. сосл. и т. п.

7. Точно указать профессию родителей или лиц их заменявших.

8. Когда стали жить самостоятельным трудом.

9. Образование (точно перечислить все учебные заведения, где вы учились, с указанием объема пройденного вами в них курса и времени пребывания в них. Если не кончили курса полного, то почему).

10. Ваша профессия.

11. Национальность.

12. Какие иностранные языки знаете (говорите, читаете, пишете и владеете литературно).

13. Где, когда, на каких должностях приходилось вести работу на иностранных языках, сколько времени.

14. Были ли за границей, когда и в каких условиях уезжали, работали ли за границей и когда вернулись.

15. Когда были призваны на военную службу.

16. Часть войск, последний бывший чин и занимаемая должность в старой армии.

17. Служили ли в Красной армии. Когда, где и на какой должности.

18. Проходили ли курс всеобщего военного обучения. Где и когда.

19. Ваше отношение к воинской повинности в настоящее

время: а) состоите ли на учете, б) подлежите ли зачислению в Красную армию, в) когда и где приняты на учет, г) если сняты с учета, когда и по какой причине, д) если предоставлена отсрочка — для чего и на какой срок, е) если признаны негодным к военной службе, указать документ об освобождении.

20. Указать точно, чем занимались и в качестве кого: а) до 1905 г., б) с 1905 г. до марта 1917 г., в) с марта 1917 г. до октябрьской революции, г) после октябрьской революции до поступления в Н.К.И.Д., д) были ли вы в период с марта по октябрь 1917 года в командировках, отпуску, где именно и с какого и по какое время.

21. Занимали ли выборные должности после февральской революции.

22. Ваше последнее место службы и причина оставления такового.

23. Не состоите ли в настоящее время на какой либо другой служба, на какой именно, где и оклад получаемого содержания.

24. К какой политической партии принадлежите, время поступления в партию и номер членского билета.

25. Состояли ли раньше в каких либо политических партиях и в каких именно, где и когда.

26. Если беспартийный, какой партии сочувствуете.

27. Подвергались ли репрессиям за принадлежность к партии, или вообще по политическим делам, за что именно, когда и где.

28. Привлекались ли к суду и следствию, подвергались ли наказаниям в судебном или административном порядке по другим делам, кроме политических, когда и за что именно.

29. Принимали ли активное участие в октябрьской революции и гражданской войне, когда, где и в чем именно выразилось ваше участие.

30. Какую работу вели в партии.

31. Состоите ли членом профессионального союза, какого, время вступления и номер членского билета.

32. Состоите ли на учете в бюро технических сил.

33. На какую должность желаете поступить.

34. С какого времени работаете в настоящем учреждении

35. Занимаемая должность и оклад.

36. Референции.

37. Перечислить документы, которые вами представлены.

38. Место жительства. Точный адрес и номер телефона.

39. Жизнеописаше (обязательно на отдельно. м листе)

Подпись давшего сведения.

Город и число.

Резолюция.

Издания настоящей книги на иностранных языках:

1. Als Expert im Sowjeidienst.
Ernst Rowohlt Verlag, Berlin, 1929.
2. An Expert in the Service of the Soviet.
Ernest Benn Limited Publishers, London, 1929.
3. Un tecnico al servicio de los soviets.
M. Aguilar Editor, Madrid, 1929.

notes

Примечания

1

См. № 36 "Die Kommunistische Internationale" от 11 сентября 1929 г., стр 2001–2005, обширную статью К. К.: "Ein Beitrag zur Naturgeschichte des "Spez".

2

По сравнению с немецким подлинником, в русском издании имеются следующие дополнения:

Встреча с П. И. Пальчинским. — Дело проф. N. — Лицемерие. Канцелярский стиль. — Дело Бруновского. — Дело Беседовского. — «Невозвращенцы». — Расстрел Н. К. фон Мекка, А. Ф. Величко и П. И. Пальчинского.

3

П. И. Пальчинский расстрелян 23 мая 1929 г. в Москве по постановлению специального присутствия О.Г.П.У.

4

Р. В. Менжинский ныне состоит главным начальником Г.П.У., т. е. Государственного Политического Управления.

5

См. «Russias Treasure of Diamonds and Precious Stones», издание Народного Комиссариата Финансов, Москва 1925–1926 г.г.

6

Бывшим долголетним ассистентом известного специалиста по истории золотых и серебряных дел мастерства профессора Марка Розенберга в Карлсруэ.

Claude Ballin, F. T. Germain, R. J. Auguste, J. N. Roetliers, Louis Lehendrick и другими мастерами 18-го века, а также M. G. Biennais, I. B. Odiol, F. D. Naudin во время Наполеона I.

David Tanqueray, William Fleming, John Smith, Samuel Courlauld, John Carter и другие.

Cristian Drentwelt, C. S. Betkober, A. Waremberger и другие.

J. Liebmann, J. F. Koepping, J. N. Lundt, Nicolai Dohm и другие.

11

См. книгу барона A. de Foelkersam «Inventaire de l'Argenterie, conservée dans les garde-meubles des palais impériaux», С.-Петербург 1907 г.

12

Ныне торгпред в Париже.

13

Я уроженец Курляндской губернии и в июне 1920 г. принял, по месту рождения, латвийское гражданство.

14

«Политбюро» — «Политическое Бюро», наивысшая и решающая инстанция по партийным и политическим делам.

15

1 тройская унция = 31,1035 грамм. 1 пуд = 16,36 килограммов = 526 тр. унций.

Т. е. официальной розничной цены в Нью-Йорке; оптовая цена всегда была ниже розничной на сумму от 8-ми до 10-ти долларов за унцию.

17

См. главу 16-ую.

18

См. Приложение.

Напр., «Госбанк» вместо «Государственный Банк», «Нарком» вместо «Народный Комиссар», «Селькор» вместо «сельский корреспондент», «Сексот» вместо «секретный сотрудник», «Волком» вместо «волостной комитет» и др.

20

Напр., облком, окрпрос, окрзу цчо, вмбит, итр, мспо, мопр, соцстрах, моснарврапрабкооп, окрпромкредсоюз, крайколхозсоюз, керчгосметзавод, госмедторгпром, вридуправдел, замнаркомфина, замначвалупр.

21

См. обширную статью В. Бруновского «Дело было в С.С.С.Р.», Архив Русской Революции, том XIX, стр. 51-156, Берлин 1928 г.

22

Здесь следует сокращенная передача моего разговора с П. И. Пальчинским в мае 1923 г. в Москве, приведенного полностью в 6-ой главе этой книги.